Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

На правах рукописи

Толкачева Валентина Александровна

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель доктор философских наук, профессор Лойко Ольга Тимофеевна

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: ОСНОВНЫЕ	
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ	13
1.1. Феноменологический подход к изучению культурной памяти	13
1.2. Культурная память: герменевтический дискурс	25
1.3. Семиотический анализ культурной памяти	36
ГЛАВА 2. ФОРМЫ БЫТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В	
СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	47
2.1. Текст как форма бытия культурной памяти	47
2.2.Символическая сущность культурной памяти	64
ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ	
ПАМЯТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	81
3.1. Гипертекст: бытие культурной памяти в виртуальном	
пространстве	81
3.2. Профанное бытие культурной памяти: симулякр	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	126

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Динамика культурной среды определила существенные изменения, происходящие в современном обществе. За последние десятилетия глобальный мир в значительной мере трансформировал сущностные характеристики бытия культурной памяти, выведя ее из мира традиции на просторы виртуалистики. Проблематика культурной памяти детерминировала междисциплинарный характер исследования.

Сегодня, когда «глобальная деревня» М. Мак-Люэна стала реальностью, проблема сохранения и развития культурной памяти как сферы бытия, создающего ценностно-смысловой мир социума, вышла на новую ступень теоретического дискурса. Это связано со стремительным и необратимым процессом экспансии сети Интернет во все сферы культурной деятельности.

Актуальность исследования трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве обусловлена существенными изменениями соотношения присутствия культурной памяти в реальной жизни и в виртуальном пространстве в пользу последнего. Для современного человека становится нормой виртуальное общение, виртуальное (дистанционное) обучение, виртуальное путешествие, виртуальные игры, даже виртуальная жизнь. Виртуальное пространство предлагает эффективный способ не только получения новой информации, но и интерпретации ее содержания. Виртуальные «войны памяти» позволяют конструировать прошлое и прогнозировать будущее исходя из интересов отдельных социальных групп и сообществ. Расширение объема информационных потоков в виртуальном пространстве влияет на содержание культурной памяти. Следствием этого является развитие социальных сетей, аватаризация человека, подмена реальной жизни виртуальной, утрата ценности реальных человеческих отношений, выстраивание новой мемориальной парадигмы. Культурная память непосредственно связана с социальными группами, для которых она служит ресурсом самоидентификации, укрепляя в них ощущение единства и собственного своеобразия

и отражая пиковые события в жизни общества. Именно поэтому в диссертационной работе исследуется культурная память. В отличие от исторической или социальной памяти, которые могут разъединять общество, культурная память носит объединяющий характер. Как отмечает Я. Ассманн, культурная память имеет реконструктивный характер. Ценность знания о прошлом связана с идеей актуальности данной информации для группы в данный момент. Виртуальное сообщество воздействует на трансформацию содержания культурной памяти. Объем общественно-значимой памяти с появлением Интернет технологий увеличивается в геометрической прогрессии. Осваивать подобные массивы информации затруднительно для современного человека, и он вынужден использовать неодушевленные феномены, в качестве которых ранее выступали книги, а теперь компьютеры.

Постановка проблемы. Виртуальный мир сохраняет, транслирует и воспроизводит информацию, но функция осмысления, рефлексии, формирования целостного содержания ценностно-смыслового поля подвластны лишь культурной памяти. Виртуальная сфера не дифференцирует национальную, культурную, географическую принадлежность. Следовательно, культурная память в виртуальном пространстве существенно изменяет свое содержание. Она приобретает черты анонимности, в то время как исходной (традиционной) задачей культурной памяти было и остается стремление людей понять, оценить, осмыслить свою принадлежность к тому или иному страту, месту, эпохе. Историческим инструментом качественного сохранения и трансляции культурной памяти являлись тексты. Созданные людьми, которые находились под влиянием культурных традиций, они отражали мир реалий. В текстах сохранялось то, что было отрефлексировано и ориентировано на осознанную переработку информации для сохранения ее в различных формах (в тексте, символе, традициях, памятниках и т.д.) для будущего поколения. Виртуальный мир значительно изменил эту традицию, вследствие чего мы наблюдаем существенные преобразования содержания культурной памяти под влиянием процессов глобализации и виртуализации. Бытие мира культурной памяти в виртуальном пространстве одушевляется в рамках гипертекста и симулякра, так как именно эти формы позволяют донести ее содержание до предельно

широких слоев общества Интернет аудитории, усваивающей современные ценности и смыслы памяти именно в виртуальном пространстве.

Таким образом, **проблема исследования** вытекает из реально существующего противоречия между возрастающей потребностью в сохранении, трансляции и трансформации ценностно-смыслового содержания культурной памяти и возникшими сложностями адекватно передавать сущностное содержание культурной памяти в виртуальном пространстве современного общества. Текст как феномен, наиболее полно отражающий содержание культурной памяти, подвергается серьезному изменению в виртуальном пространстве, обретая в нем свое собственное – гипертекстовое — существование. Символ как феномен менее подвержен изменениям, однако виртуальное пространство трансформирует его содержание в симулякр. Анализ особенностей гипертекста и симулякра как форм трансформации содержания культурной памяти вытекает из проблемного исследовательского поля.

Степень разработанности проблемы. Междисциплинарный характер работы инициировал обращение к ряду исследовательских традиций в области истории, философии, культурологии, социологии и виртуалистики.

Исходя из проблематики диссертационного исследования, можно выделить следующие исследовательские тренды, в рамках которых рассматриваются различные аспекты бытия культурной памяти.

Первый включает работы, авторы которых исследовали уникальные свойства человеческой памяти, ее роли в жизни общества, мнемотехнику как эффективный способ трансляции содержания культурной памяти. Начало изучения памяти представлено трудами Платона, Аристотеля, Августина и т.д. Предметом их научных интересов выступала сущность процессов воспоминания и забвения, взаимосвязь памяти и времени, роль памяти в процессе познания.

Анализ памяти как социального и культурного явления нашел отражение в работах Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, А. Варбурга, В. Беньямина и т.д. Несомненной заслугой данных авторов является перенос акцента исследования памяти с биологического на социальный уровень.

Одновременно с социальным ракурсом исследования появляются работы, которые продолжают исследовать память преимущественно в культурологическом аспекте, предлагая собственные концепции. Во многом благодаря работам Ф. Йейтс, Ю.М. Лотмана, П. Нора, Я. и А. Ассманн, А. Моля, Д. Лоуэнталя, М. Мак-Люэна, Т. Брейера, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, Э. Тоффлера, П. Хаттона человечество получило возможность проникнуть в глубинные слои памяти как феномена культурной реальности. Память стала объектом не только психологического исследования, но и возможностью с различных позиций интерпретировать прошлое в культуре, истории, социологии, философии и т.д.

Четвертый тренд включает работы, которые в разной степени посвящены формам бытия памяти. В рамках данного исследования интерес представляют две основные формы – текст и символ. Осмыслить текст как предмет философского, культурологического и филологического анализа позволяют работы Р. Барта, У. Эко, М. Фуко, С.Ю. Неклюдова, О.Т. Лойко, В.В. Миронова, Н.С. Шаповаловой, Д.В. Сергеева, А.Р. Усмановой и др. Обращение к природе символа, знака отражено в работах Э.Кассирера, Э.Сепира, Ч. Пирса, С.Г. Сычевой и др. Семиотический подход в исследовании культуры используют Ю.М. Лотман, Р. Лахман. Анализ онтологического символизма представлен работами А.Ф. Лосева. В трудах У.Л. Уорнера, А.Р. Абдуллина, Н.Н. Рубцова, И.А. Авдеенко и др. рассматриваются классификации символа, знака, метафоры и т.п., обозначаются различия данных понятий. Изучение символической природы культурной памяти инициировало обращение к работам Ж. Бодрийяра, автора понятия «гиперреальность», основой которой стали симулякры. Роль симулякров в культуре и их влияние на общество исследуют М.М. Михайлов, С.Г. Сычева, И.И. Горлова, О.В. Пчелина, Е.А. Царева, Т.Е. Новикова, С.Д. Дахин, В.А. Емелин и др.

Отдельным блоком стоят работы, содержащие развернутый анализ подходов к исследованию памяти как культурного феномена. В современной исследовательской традиции используются такие понятия, как коллективная, общественная, собирательная, историческая, социальная, культурная, индивидуальная, автобиографическая и т.д. память. Попытку упорядочить данные понятия, провести

сравнительный анализ предприняли в своих работах М. Каррутерз, Э. Кейси, К. Данцигер, Д. Драаизма, В. Канштайнер, А. Васильев, Л.Е. Артамошкина, Ю.А. Арнаутова, И.Ю. Соломина, Д.А. Аникин, К.П. Шевцов, В.Б. Устьянцев и др.

Следующий круг работ представлен исследованиями памяти как отражения судьбоносных (часто трагических) событий и посвящен частным вопросам культурной памяти. К данному направлению можно отнести труды Дж. К. Олика, А. Ассманн, А. Эткинда, А. Винтер, Дж. Винтер, Е. Сиван, Н.А. Колодий и др.

Последний тренд предлагает современное видение роли культурной памяти в условиях глобализации. Речь идет о работах, прогнозирующих, как правило, исчезновение культурной памяти в связи с глобализацией общества и активным погружением в виртуальное пространство. В данном контексте можно выделить следующие проблемные области: трансформация культуры (С. Конрад, И.И. Лисович, В.В. Миронов, Л.П. Репина), изменение содержания памяти под влиянием средств массовой информации (Э. Хоскинс, Т. Джордан, Н. Больц, А.Эррл, А.Я. Сарна, Г.М. Агеева, А.В. Федоров, Н.Б. Кириллова, Н.Л. Соколова и пр.), влияние виртуального пространства на общество в целом (М. Кастельс, М.Е. Брэширс, С. Зак, Х. С. Георас, Дж. В. Лейте, С. М. Занчети, Д.В. Галкин, Л.В. Стародубцева).

Анализ работ, посвященных проблемам культурной памяти, демонстрирует гносеологический парадокс: несмотря на значительные достижения в области исследования культуры, памяти, влияния виртуального пространства на развитие общества, проблема трансформации содержания культурной памяти, осуществляющаяся в рамках виртуального пространства, остается недостаточно изученной. В работе предлагается исследование культурной памяти, учитывающее наличие изменений в культуре, а также влияние развивающегося виртуального пространства на содержание культурной памяти. Впервые в российской философии культуры ставится проблема анализа трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве.

Актуальность исследования трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве, степень ее разработанности позволяют сформулировать объектно-предметную область диссертационной работы.

Объектом исследования выступает культурная память.

Предметом является трансформация содержания форм бытия культурной памяти в виртуальном пространстве.

Целью диссертации является выявление особенностей трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве.

Задачи научной работы:

- 1. Проанализировать концептуальные подходы к изучению культурной памяти, наиболее полно отражающие ее существование в современном обществе.
- 2. Выявить и охарактеризовать отличительные особенности текстового и символьного бытия культурной памяти в современном обществе.
- 3. Раскрыть специфику трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве посредством гипертекста.
- 4. Обосновать необходимость использования потенциала симулякра в виртуальном пространстве для постижения сущности культурной памяти.

Теоретико-методологической основой исследования выступают:

- 1. Культурологический метод, в рамках которого выявлены концептуальные отличия культурной памяти от памяти исторической и социальной.
- 2. Герменевтический метод способствовал наиболее полной и адекватной интерпретации текста как одной из значимых форм бытия культурной памяти.
- 3. Феноменологический метод позволил осмыслить культурную память как специфический феномен социального мира, затрагивающий внутренние переживания человека, которые способствуют формированию таких процессов как воспоминание и забвение.
- 4. Семиотический анализ позволил наиболее точно интерпретировать информационное содержание культурной памяти, опираясь на общее знаковое поле ее бытия.
- 5. Метод сравнительного анализа позволил выявить особенности трансформации содержания культурной памяти в контексте современной реальной и виртуальной культур.

Степень достоверности результатов проведенного исследования

Научные результаты выполненной работы обладают высокой степенью достоверности, которая определяется репрезентативностью источниковедческой базы исследования, корректным применением общенаучных и культурологических методов творческим использованием разнообразных инструментов, способов и приемов научного исследования. Методологические основы исследования определены совокупностью поставленных задач.

Достоверность полученных в ходе исследования результатов проверена на практике во время семинарских занятий со студентами, научной стажировки в Гонконгском университете, при выполнении проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1. Определены наиболее актуальные подходы к анализу культурной памяти, что позволило аргументированно обосновать роль и значение трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве.
- 2. Выявлены и охарактеризованы отличительные особенности текстового и символьного бытия культурной памяти в современном обществе.
- 3. Раскрыта специфика трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве посредством гипертекста.
- 4. Обоснована необходимость использования потенциала симулякра в виртуальном пространстве для развития культурной памяти.

Положения, выносимые на защиту.

1. Анализ концептуальных подходов (феноменологического, семиотического и герменевтического) к изучению культурной памяти позволил выявить те изменения содержания культурной памяти, которые индуцированы процессами глобализации и виртуализации. Происходит постепенное стирание границ между различными видами памяти, установленными в исследованиях последних десятилетий. Все большее значение приобретает принцип взаимодействия. Информация о прошлом концентрируется в слоях коммуникативной памяти и проходит через некий рефлексивный фильтр, формируя сжатый слой, называемый культурной

памятью, а затем происходит постепенное расширение и обновление (иногда наслаивание) содержания культурной памяти посредством коммуникативных практик. Процесс сжатия-расширения представляется наиболее естественным для развития человечества, но затруднен в условиях реального мира, поэтому стремится в виртуальное пространство.

- 2. Текст выступает доминантной формой бытия культурной памяти и остается динамично развивающейся структурой, отражающей ее сущностные характеристики. Ключевыми факторами, влияющими на содержание текста, выступают способ подачи материала (устный, письменный, печатный, виртуальный) и способ восприятия его содержания (аудиальный, визуальный, дигитальный). Виртуальный способ подачи материала связан с возможностями, развивающимися в сфере телекоммуникационных технологий. Дигитальный способ восприятия формирует новые человеческие качества по ускоренной обработке и систематизации информации, поступающей одновременно и в большом объеме по всем имеющимся каналам связи. Если этого не произойдет, то человек не успеет зафиксировать нужное сообщение, и оно затеряется в анналах памяти. Символ является более сложным и насыщенным понятием, чем текст. При попытках понимания и интерпретации содержания какого-либо символа, происходит неизбежное столкновение с идеями, которые находятся за его пределами. Преимущество символа заключается в том, что медленнее всего подвержен изменению, следовательно, способен сохранять содержание культурной памяти в неизменном виде более длительный период времени. Именно символ и текст участвуют в активной трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве.
- 3. Традиционный текст в культуре модерна уступает место актуализированному, который обладает ризоморфной структурой, интертекстуальностью, мультимедийностью, интерактивностью и т.д. Привычный линейный текст уступает место гипертексту. Именно этот вариант восприятия информации физиологически удобен для человеческого мозга, т.к. в процессе коммуникации мы мыслим не линейно, а гипертекстуально. Как следствие, в виртуальном пространстве наблюдается трансформация текста в гипертекст, принимающего форму истинного поли-

лога. Автор сообщения получает моментальную обратную связь в виде комментариев и возможность отреагировать на нее. Общение лишено условностей, что более полно отражает внутренний мир акторов. В полилоге проявляется дигитальный способ восприятия информации, что позволяет субъектам общения воспринимать текст, а затем и мир, как многоуровневый объект. Каждый новый уровень стимулирует субъекта к непрерывному поиску и приближает его, в конечном счете, к открытию смысла человеческого бытия.

4. Под воздействием виртуального пространства происходит постепенная трансформация символа в симулякр, который в свою очередь способен приобретать черты символа, но уже в измененном виде. Таким образом, наблюдая за развитием символа в виртуальном пространстве, можно отметить эффект качели. Сначала символ теряет значение, становясь симулякром. При попадании в виртуальное пространство симулякр постепенно наполняется новым смыслом, возвращая себе иной символический оттенок. Данный процесс происходит благодаря мыслительной деятельности, организованной в виртуальном пространстве. Симулякр, пройдя через фильтр осмысления и рефлексии, приобретает черты символа. Такая трансформация символа в симулякр и обратно в виртуальном пространстве может проходить бесконечно. Профанное (как наиболее понятное широким слоям Интернет аудитории) бытие культурной памяти в форме симулякра расширяет ценностно-смысловое бытие человека, социальной группы, общества в целом.

Теоретическая значимость работы заключается в определении философско-культурологических подходов, наиболее полно отражающих особенность трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве посредством таких форм, как текст и символ. Материалы диссертационного исследования могут найти отражение в теоретических исследованиях, связанных с поиском устойчивых механизмов отбора и сохранения культурной памяти в виртуальном пространстве. Выводы и материалы диссертационного исследования могут стать методологическим основанием для решения вновь возникающих проблем в изменяющейся, глобализирующейся социальной практике. Практическая значимость работы заключается в том, что ее содержание может быть использовано в подготовке и реализации образовательных программ современного инновационного университета, таких как: «Культурная память как ресурс формирования коллективной идентичности современной России», «Трансформация текста в гипертекст современной культурной памяти», «Культура как симулякр». Результативность данной работы нацелена на использование ее в качестве методологического базиса при разработке просветительских, этических, образовательных, политических, психологических и других проектов, связанных с сохранением культурной памяти.

Апробация работы. Основные положения, научные результаты и выводы были изложены на заседаниях кафедры истории и философии науки и техники Национального исследовательского Томского политехнического университета (2014-2017 гг.), а также в докладах на международных, российских конференциях и конгрессах (2014-2017 гг.). Результаты, представленные в диссертации, поддержаны российским фондом (грант РГНФ 15-13-70001 а(р) «Социальная память в Интернет пространстве как ресурс формирования коллективной идентичности», 2015 г.);Томским политехническим университетом (Международная стажировка в Гонконг по теме «Исследование форм бытия культурной памяти в Гонконге», 2016 г.).

Объем и структура исследования.

Диссертационная работа состоит из введения, 3 глав, 7 параграфов, заключения и списка литературы, включающего 184 источника.

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

1.1. Феноменологический подход к изучению культурной памяти

Исследовательское поле культурной памяти отражает предельно широкий спектр научных направлений в философии, филологии, культурологии, психологии, истории, политологии, социологии и т.д. Каждая из перечисленных областей гуманитарного знания изучает определенный аспект культурной памяти, выдвигая научные концепты ее роли и значения в современном обществе, способов сохранения и трансляции ее содержания.

Интерес к исследованию культурной памяти высок в связи с глобальными экономическими, экологическими и политическими изменениями, в связи с поиском решения многочисленных проблем, с которыми сегодня сталкивается человечество. Одной из основных причин повышенного интереса к исследованию памяти А. Ассманн видит в смене мировоззренческих ориентиров. Бум философских исканий середины XX века, направленных в будущее, сменился мемориальным бумом, начавшимся в конце прошлого столетия, и связан с темой насилия, именно поэтому он обращен в прошлое [11].

Феноменологический подход позволяет представить культурную память как культурный феномен. Сущность феноменологического подхода определяется понятиями «ноэзис» и «ноэма» [40, с. 76], которые обозначают предмет, конституируемый сознанием, и сам способ конституирования. Ноэзис можно описать как поток воспоминаний феноменологических конструктов, а предметом конституирования становятся воспоминания человека как фрагмент непрерывного временного потока сознания [120, с. 247]. Таким образом, феноменологический подход к изучению культурной памяти необходим, т.к. обращает свое внимание на сознание. Согласно Э. Гуссерлю «мы естественным путем направляемся на

«внешний и, не оставляя естественной установки, осуществляем мир» психологическую рефлексию нашего Я и его переживания» [40, с. 76]. Э. Гуссерль связывает сознание с внутренними переживаниями человека, утверждая, что «всякое переживание потока, какое способен схватить рефлективный взгляд, обладает своей собственной. интуитивно постигаемой сущностью, «содержанием», какое в своей *самобытности* позволяет рассматривать себя для себя» [40, с. 78]. В работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» он анализирует понятие интенционального переживания, которое «благодаря своим ноэтическим моментам есть именно переживание ноэтическое; это означает, что сущность его в том, чтобы скрывать в себе нечто, подобное «смыслу», скрывать в себе даже и многогранный смысл и затем, на основе такого наделения смыслом и воедино с этим, осуществлять иные свершения, которые именно благодаря такому наделению смыслом и делаются «осмысленными»» [40, c. 79].

Рассуждая о памяти и воспоминании, Э. Гуссерль описывает сознательное или бессознательное обращение сознания к своему прошлому, что приводит к очевидному противоречию, поскольку в подобной ситуации воспоминание может выступать и как процесс конституирования, и как его результат. Такая двойственность обусловлена тем, что, рассуждая о механизме действия памяти, Э. Гуссерль связывает вместе понятия «сознание» и «время». Идею рефлексии в памяти он представляет на примере сопоставления памяти и ретенции, где (или ретроспективное воспоминание) осуществляет функцию ретенция первичного запоминания, а память - вторичного. Именно память, согласно Э. Гуссерлю, имеет способность конституировать объективное время. Д.А. Аникин подчеркивает, что «память представляет собой особое чувство, действующее неосознанно и подчиняющееся действию случайных импульсов, воспоминание же всегда конкретно и направлено на отдельный фрагмент прошлого, необходимость в репрезентации которого в настоящем вызывается текущими потребностями сознания» [6, с. 5]. О.Т. Лойко отмечает, что, «если принять за исходное тезис о том, что и сознание, и память выступают явлениями ментального мира, то

теоретических потенций феноменологии возможность использования исследования памяти становится реальной» [64, с. 22]. Феноменологический подход предполагает обращение к абсолютному чистому разуму, что сопряжено с внутренними переживаниями человека, и требует от него отстраниться от заданных обществом установок, предрассудков, т.е. обратиться к чистому опыту сознания. Анализируя сущность переживаний, Э. Гуссерль представляет их как непрерывный поток от настоящего к будущему. В работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» он пишет: «Необходимо всякому заново начинающемуся переживанию предшествовали по времени переживания – прошлое переживания непрерывно заполнено, как континуум. Однако, любое «теперь» переживания обладает и своим горизонтом того, что «после», и таковой тоже никогда не бывает пуст» [40, с.162]. То, что Э.Гуссерль называет переживаниями, связано с процессом запоминания. Это доказывает, что память относится к феноменам переживания. Принцип постижения феноменов гласит, что «только благодаря возврату к изначальным источникам созерцания и к почерпнутым из них усмотрениям сущностей (Wesenansichten) можно сохранить и обновить великие принципы философии» [29, с.164].

Э. Дюркгейм одним из первых обратил свое внимание на память как на социально сконструированный феномен. Именно эта проблема привела его к необходимости поиска объединяющего общество элемента. Им стала память, которую Э. Дюркгейм понимал как социальное явление. Он опровергал утверждение о том, что наши представления исчезают, когда образ или понятия перестают существовать в нас, оставляя после себя некую модификацию нервного элемента, способным отображаться только при условии его возбуждения [45].

Более того Э. Дюркгейм описывает не только индивидуальные представления, но и коллективные, утверждая, что именно коллективные представления в большей мере влияют на индивидуальные, а не наоборот. Поскольку, согласно концепции Э. Дюркгейма, общество представляет собой комплекс идей и чувств, то его устойчивость зависит от степени воздействия этих коллективных представлений на каждого члена общества. Следовательно, для поддержания устойчивости

общества нужен комплекс коллективных воспоминаний; люди одной социальной группы должны одинаково помнить о ключевых событиях прошлого, как и организованно забывать о некоторых из них. В этой связи Э.Дюркгейм говорит о давлении, которое социальная группа оказывает на каждого из ее членов [46, с. 59-60].

Человек обращается к памяти предков, получая необходимое ему чувство сопричастности, а, следовательно, стабильности. Отсюда можно сделать вывод: чем сильней коллективная (социальная) память, тем стабильнее общество.

М. Хальбвакс поддержал и во многом развил идеи Э. Дюркгейма. Заимствовав понятие *рамок* (фр. cadre) в качестве неких ориентиров (фр. pointsderepère), он попытался описать, каким образом память функционирует в обществе. Свою концепцию он подробно описал в книге «Социальные рамки памяти» [132], рассматривая различные формы проявления памяти — через язык, память семьи, религию, социальные группы, традиции.

Основная идея М. Хальбвакса заключается в том, что человеческие воспоминания являются реконструкцией. Воспоминания не могут быть прямым погружением в прошлое. Человек вспоминает о прошлом через призму жизненного опыта. Он не может видеть какое-либо событие из своего детства глазами ребенка. Следовательно, его воспоминания с течением времени видоизменяются. Более того, «общество обязывает людей время от времени подчищать и дополнять воспоминания о некоторых событиях» [132, с. 149]. Отсюда, второй вывод, который делает М. Хальбвакс о том, что наши воспоминания подвижны, т.е. изменяются с течением времени, субъективны в противовес истории, которая должна стремиться быть объективной и универсальной.

Как и Э.Дюркгейм, большое внимание М. Хальбвакс уделяет религиозной памяти, которая постоянно подвергается ревизии, адаптируясь к настоящему времени. Именно в обществе человек приобретает свои воспоминания, признает их и локализует [132]. В момент, когда религия теряет свои позиции, необходимо концентрироваться на семье и социальных классах. Через семью передаются воспоминания о роде, наследуется общая концепция семьи. Семья продолжает структу-

рироваться через совместно прожитые события. Говоря о влиянии социальных классов на память, М. Хальбвакс приводит пример того, что мы не рождаемся крестьянами, фермерами, владельцами компаний. Это среда, которая нам предложена при рождении и навязана нам обществом, стимулируя на определенные действия. Таким образом, мотивы людей и их тенденции чаще всего полностью относятся к условиям, которые они занимают в обществе [132, с. 210]. Это, в свою очередь, влияет на наши воспоминания. Человеческая память тесно связана с воспоминаниями того общества, в котором человек находится в данный момент, и не может функционировать вне общества. Причем это справедливо для различных социальных групп и отдельных личностей [115].

При этом М. Хальбвакс практически не затрагивает вопросы «хранилища культурной памяти» [115] — книги, памятники, архивные документы, считая, что они избавляют людей от необходимости помнить, а, следовательно, выполняют отрицательную функцию.

В рамках исследования работы Э.Дюркгейма и М. Хальбвакса представляют интерес, т.к. потенциально указывают одну из причин ухода культурной памяти в виртуальное пространство. Человеку требуется чувствовать себя причастным к определенному обществу. Ранее своеобразной осью памяти выступала религия. Со временем она потеряла свою значимость и уступила место наиболее приближенной к отдельному человеку группе — семье. В XX веке семья потеряла свои сакральные родовые функции, которые позволяли человеку чувствовать свою причастность к группе. Она стала опцией в жизни человека. Сегодня необязательно иметь семью, детей, общие воспоминания о совместно пережитом прошлом. Однако на генетическом уровне человек остается коллективным существом. Интуитивно он стремится быть частью общества. В XXI веке он получил возможность самостоятельно выбирать себе общество. Это стало возможным благодаря созданию виртуального пространства.

Еще одним примером идей, представленных в начале XX века и не потерявших актуальность, являются работы А. Варбурга, посвященные памяти как социальному феномену, которые он интерпретирует через искусство. Его ярким

проектом стал «Атлас Мнемозины», цель которого заключалась в отображении культурной памяти через визуальные образы – иллюстрации, таблицы, фотографии, даже рекламу, марки и многое другое. А. Варбург, известный своим особым отношением к деталям («Der liebe Gott steckt im Detail»), представляет память о прошлом через присутствие в настоящем посредством сохранившихся деталей, которые дают нам возможность вспоминать. Поэтому так важно сохранять разные, даже самые незначительные предметы, относительно нашего прошлого. Именно по ним можно составить наиболее правдоподобную картину минувших дней. И хотя «Атлас Мнемозины» так и не был завершен (сохранилось только введение к нему), идея актуальна и в наши дни. В ней прослеживается феноменологический взгляд на память. Детали, сохраненные в нашем сознании, предстают как образы, формирующие непрерывный поток субъективных воспоминаний. А. Варбург подчеркивал ценность «образной памяти» (Bildgedächtnis). Чем ярче образ, тем сильнее воспоминание. Объем и качество сохраненной памяти зависят от эмоций, которые вызвал объект сохранения. С этой целью А. Варбург вводит термин «патетической (т.е. эмоциональной) формулы» (Pathos-Formel). Пафос, или иначе страсть, страдание, и формула составляют единое целое, неделимую взаимосвязь, предполагающую превращение субъективного эмоционального переживания в устойчивый образ [129]. Данный факт позволяет отнести мыслителя к сторонникам феноменологического подхода в исследовании памяти.

Идеи А. Варбурга близки идеям, представленным в работах В. Беньямина. Оба уделяли пристальное внимание мелким деталям, «от развевающихся платьев на фресках Чинквеченто до оформления входа в парижское метро» [143]. Для обоих очевидно, что прошлое выживает не в фактах, а в символах. Однако варбургская идея связана с эмоциями, тогда как В. Беньямин рассматривает память как слои, которые нужно раскапывать, как феномены, являющиеся по-новому каждому следующему поколению. Если мы хотим узнать прошлое, то должны как археологи слой за слоем исследовать нашу память. При этом он понимает, что память образов не способна на полную реконструкцию прошлого, т.к. данные образы вырваны из начального контекста.

Похожую теорию выдвинул П.Нора в работе «Франция-память», поднимая сложную проблему размытости памяти. «В прошлом мы знали, чьи мы были сыновья. Сегодня мы знаем, что мы дети ничьи и всего мира» [94, с. 37]. Человечеству необходимы так называемые места памяти для чувства принадлежности. Память, согласно П.Нора, становится телевизуальной [94, с. 37]. Последнее десятилетие тема визуализации культурной памяти одна из самых распространенных. Одни и те же образы, всплывающие в сознании человека, способны продуцировать у разных людей разные воспоминания, что связано с опытом переживаний субъекта.

Еще одним примером исследования памяти с феноменологических позиций выступают работы Ф. Йейтс (F. Yates). В книге «Искусство памяти» Ф. Йейтс рассказывает о герметической и классической традиции искусства памяти на основе глубокого анализа произведений Дж. Бруно, Дж. Камилло, Кампанеллы, Р. Флада, П. Росси и других [53]. По сути, изучив искусство памяти (сформулированное греческим поэтом Симонидом), она уточнила мнемонические методы для запоминания того, о чем говорили мыслители. «Искусство памяти использовало технику запечатления в памяти неких образов и мест» [53, с. 6].

Г. Маркузе утверждал, что воспоминание, время и память будут уничтожены прогрессом [85]. «Это уничтожение ведет к «одномерности» современного мира, который без памяти о прошлом оказывается лишен других измерений своей реальности»[12, с. 90]. В продолжение идеи Г. Маркузе Я. Ассманн пишет об одномерности современного мира как о свойстве повседневности, что несовместимо с культурной памятью, т.к. повседневность не имеет перспективы [12, с. 90]. С высказыванием немецкого египтолога не во всем можно согласиться. Если рассматривать повседневность как профанное бытие культурной памяти, то симулякр может выступить и в виртуальном пространстве как профанное, повседневное бытие культурной памяти, доступное большей части человечества.

По мнению А. Ассманн, многие теории культурной памяти, сформулированные в XX веке, фокусируют свое внимание на способах передачи определенного набора культурных ценностей, опыта, знаний, достижений от одного поко-

ления другому, от одной социальной группы другой, что должно обеспечивать культурную репродукцию коллектива. Данное утверждение подчеркивает, что цель сохранения культурной памяти во многом заключается в том, чтобы помочь человеку в его дальнейшем развитии, избегая ситуации, когда они вынуждены изобретать колесо. Таким образом, культурная память, имея дело с прошлым, направлена на будущее, т.е. она является системой накопленных и осознанных ценностей, артефактов, институтов и практик для дальнейшего развития в настоящем и будущем. А. Ассманн выделяет два направления в исследовании культурной памяти. Одно связано с изучением социальных, исторических и политических практик передачи опыта, таких как институты, медиа, коммеморативные практики и различные формы презентации исторических событий. Второе направление основано на встраивании в общество идей, образов со стороны медиа, институтов и т.д. Как и Я. Ассманн ведущую роль в формировании образа прошлого А. Ассманн видит в деятельности специальных институтов. Именно они управляют информацией, распространяя ее внутри определенной группы. Изменения последних десятилетий связаны с тем, что данное управление построено не на героических страницах прошлого, а на его трагедиях. Перефразируя К. Маркса, который утверждал, что все великие события и личности появляются дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса [174, с. 12], А. Ассманн предположила, что в современных условиях эта фраза может выглядеть иначе: «В истории все великие события и личности появляются дважды: первый раз как героизм (или триумф), второй раз как трагедия» [149, с. 87]. В качестве подтверждения своих слов она приводит примеры трагических событий на постсоветской территории и показывает различия в структуре культурной памяти ранее и теперь, т.к. в современном мире культурная память, по ее мнению, концентрируется не вокруг героических событий, а вокруг трагедии народа (травмы) [149, с. 81]. Изменения в содержании культурной памяти можно объяснить тем, теория трагизма прошлого построена на более сильных эмоциях, человеческих переживаниях. Это дает дополнительные возможности для управления обществом.

Представление о памяти как культурном феномене дополняет работа С. Зак «Киберпространство как место для городской коллективной памяти», которая утверждает, что память оживляет в нашем воображении как давно ушедшие эпизоды нашей жизни, так и текущие события. В процессе воспоминания мы задействуем наше воображение и опыт. Воображение, как обязательный компонент памяти, позволяет субъекту вспоминать события с различных позиций, умело восстанавливая пробелы, неизбежно сопровождающие прошедшее событие. Однако воображение может не только восполнять лакуны памяти, но и вступать с ней в некий конфликт, искажая действительность. Исследуя память в контексте городских реалий, С. Зак видит необходимость в феноменологической редукции вещей к феноменам. В этом смысле воображение способствует освобождению сознания от укоренившихся установок. Опыт в совокупности с воображением позволяет запечатлевать объект с большей точностью и на более длительный срок. [178, с. 26-28].

Исследование культурной памяти как социально-значимого явления началось в 70-90 годы XX века. И.Ю. Соломина выделяет следующие направления: исследования «социальной памяти как преемственности в культуре» (М.К. Мамардашвили, В.Д. Плахов, Л.П. Репина, В.Б. Устьянцев, О.Т. Лойко), «информационный аспект культурной памяти» (Я.К. Ребане, Н. Луман,); «гносеологический аспект памяти» (В.А. Колеватов и др.), «культурная память через опыт» (В.Л. Лехциер, Ю.А. Разинов, С.В. Соловьёва), «память в философии культуры» (Л.Н. Коган, М.С. Каган) [113, с. 11]. Культурная память является одной из главных составляющих культурной сферы человека. «Она выступает транслятором ценностно-смысловых характеристик культуры поколения к другому, определяет многомерность и многоуровневость феноменов культуры». [113, с. 12]. Память, выступая в качестве хранителя самых разных смыслов и значений культурной жизни, вплетает в процесс общения символы и образцы культуры той или иной эпохи. Она является одним из принципиальных компонентов многочисленных социальных связей, оказывая существенное

влияние на развитие как отдельной личности, так и целых социальных групп (от семьи до государства).

Однако, акцентируя внимание в работах преимущественно на социальной, а не культурной памяти, И.Ю. Соломина не уделяет достаточного внимания работам немецких философов А. и Я Ассманнов, которым удалось теоретически обосновать концепцию культурной памяти на примере исследования идентичности народов Египта, Израиля, Греции, а позднее на примере влияния воспоминаний о трагических событиях на развитие общества.

Как и другие разновидности памяти, утверждает Я. Ассманн, культурная память формируется веками, отличаясь своим формализованным характером и будучи связанной с церемониальной коммуникацией. В качестве основных форм культурной памяти у Я. Ассманна выступают тексты, образы, архитектура. Он подробно анализирует египетские пирамиды с надписями и изображениями на них [12]. К первым формам культурной памятью Я. Ассманн относит ритуалы, обряды или сакральные действия. Они же являются и формами коммуникации, однако находятся как бы вне времени.

Культурная память связана с определенными сообществами и необходима для самоидентификации, укрепления духа единства и собственного своеобразия. Важным обстоятельством является то, что она носит реконструктивный характер, т.е. транслирует знания о прошлом, которые актуальны для данного общества в настоящем.

Я. Ассманн сравнивает культуры воспоминания с их специфическими видами мнемотехники, которые отражают традиции определенных культур [9, с. 47]. Обращаясь к памяти египтян, уместно вспомнить об искусстве надгробных памятников. На них обязательно присутствовали надписи, изображения, т.е. память живым о мертвых, об их подвигах. Этот феномен Ю.А. Арнаутова называет социальной сетью, «в которой живые, мертвые и боги связаны между собой, помнят друг о друге, влияют друг на друга. Эта сеть и есть связующий компонент общества и одновременно залог «правильного» (в масштабах космоса) течения жизни» [9, с. 49].

Именно память о мертвых, по мнению Я. Ассманна, может служить проформой для любого типа памяти [12, с. 21]. Понятие прошлого возникает в момент осознания разницы между вчера и сегодня. Ведь даже умершие не перестают быть субъектами человеческих отношений, оставаясь в культурной памяти общества. В своей книге «Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [12] он дает характеристику существующим видам памяти и описывает связь культурной памяти с коммуникативной. Изучение данной связи необходимо для решения задач, обозначенных диссертационным исследованием.

Опираясь на труды М. Хальбвакса, Цицерона, П. Нора и других философов, Я. Ассманн делает попытку теоретического осмысления такого феномена как культурная память. В исследовании он связывает существование культурной памяти с понятиями пространства и времени, описывая ее групповой и воссоздающий характер. Я. Ассманн различает коммуникативную, культурную, миметическую (или подражательную) память и «память вещей». Описывая коммуникативную память, Я. Ассманн приходит к выводу, что «коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими сверстниками» [12, с. 53]. В связи с широким распространением сети Интернет, в особенности благодаря социальным сетям, именно данный вид памяти сегодня преобладает. Такая память недолговечна и не обладает особенным своеобразием, а значит, не соответствует классификации Я. Ассманна о пространственной характеристике памяти. Пространством для коммуникативной памяти служит Интернет, который может представлять воспоминания только условных социальных групп. Таким образом, можно сделать вывод о невозможности поставить знак равенства между коммуникативной памятью в реальном мире и виртуальном пространстве. Именно коммуникативная память способна отвечать принципам феноменологии. Помещенная в Интернет, она стремится максимально уйти от устоявшихся шаблонов мышления, традиционных позиций, и предстать перед субъектом в изначальном виде.

В отличие от концепции Я. Ассманна, в диссертационном исследовании коммуникативная и культурная память выступают не как два отдельных вида памяти, а как целое, и работают по принципу сжатия-расширения. Жизненный цикл культурной памяти начинается с события, которое живет в воспоминаниях очевидцев и заинтересованного окружения. Эти индивидуальные воспоминания формируют коммуникативную память, которая не представляет культурного и исследовательского интереса пока находится в статичном состоянии, без феноменологического анализа произошедшего. Со временем объем коммуникативной памяти существенно увеличивается и требует осмысления, систематизации. Происходит этап рефлексии, вследствие чего содержание коммуникативной памяти сжимается. Это и есть культурная память. Однако процесс формирования культурной памяти на этом не заканчивается. Далее следует расширение содержания культурной памяти за счет дополнительных воспоминаний отдельных индивидов. Происходит обогащение содержания памяти новыми подробностями из прошлого. Процесс этот длится также до определенной точки предела, после которой дальнейшее расширение невозможно. Теряется интерес общества к данному эпизоду прошлого. С этого момента начинается процесс сжатия. И так длится, пока событие интересно самому обществу. Однако следует отметить, что первое сжатие происходит вследствие естественной потребности общества анализировать прошлое, все последующие обращения к прошлому выступают как инструмент манипуляции.

Принимая во внимание те изменения в обществе, которые происходят благодаря широкому внедрению сети Интернет, виртуального пространства, необходимо внести некоторые уточнения в понятие культурной памяти.

С одной стороны, культурная память по-прежнему является транслятором культурного опыта общества от поколения поколению. С другой стороны, перенесение этого процесса в виртуальное пространство позволяет иначе описывать пространственно-временные характеристики памяти. Опыт прошлого влияет на наши представления о настоящем. Новые знания о мире и обществе позволяют нам по-иному интерпретировать прошлое. Таким образом, и прошлое, и настоя-

щее находится в постоянном движении. Благодаря виртуальному пространству, данный процесс не ограничивается отдельной социальной группой, а охватывает все человечество в целом. Пространство и вовсе теряет свою идентификационную функцию. Таким образом, культурная память XXI века рассматриваться в диссертации как живой, динамично развивающийся, постоянно трансформирующийся организм, охватывающий все человечество, а не отдельные социальные группы, поколения или территории. Трудность восприятия данного факта заключается в том, что общество находится на первой стадии объединения. Однако поколение современных подростков, которое постепенно стирает границы реального и виртуального миров, уже воспринимает культурную память безотносительно пространства и времени.

1.2. Культурная память: герменевтический дискурс

В исследовании памяти также необходимо обратить внимание на герменевтический подход, который представлен работами Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, А.Н. Уайтхеда и др. Использование подхода в рамках данного диссертационного исследования необходимо, т.к. предметом герменевтики выступают феномены понимания, которые, как правило, проявляются через текст как одну из форм бытия культурной памяти.

Идея становления герменевтики как явления уходит корнями в мифологию и связана с именем Гермеса, который считался посредником между людьми и богами, донося до них основное содержание божественной воли. Позднее принципы герменевтики стали основой для толкования смыслов, заложенных в Библии, т.е. она получила религиозный контекст. Данная идея была связана с представлением о том, что духовный мир обладает собственным божественным языком, недоступным простому обывателю. Платон в диалоге «Кратил» утверждал, что для понимания подобного языка нужен посредник — герменевт, деятельность которого сравнивается с искусством глашатая, с поэзией. Поэтов Платон называл герменевтами богов. По утверждению Платона [98], герменевт

ведет к мудрости, однако излагает чужие мысли и не может подтвердить или опровергнуть их истинность. Аристотель в трактате «Об истолковании» [8], рассматривая проблему ложности и истинности утвердительного высказывания, связывал герменевтику не с поэзией как Платон, а с логикой.

Большой вклад в развитие герменевтического подхода внесли стоики, для которых герменевтика стала необходимым переводом внутренней речи во внешнюю. Используя собственный метод толкования (впоследствии названный аллегорическим), они «решали проблему соотношения поэтического мифа и рационального логоса» [140, с. 7].

Известным теоретиком и практиком толкования Священного писания был Августин. В трактате «О христианском учении» [2] он утверждал, что герменевтический анализ Библии, являясь теоретическим (истинно научным) знанием, должен способствовать приумножению любви к Богу, т.е. богопознанию. Согласно Августину, чем более нравственно подготовлен и одухотворен толкователь, тем ближе к истине его толкования. Таким образом, важной составляющей герменевтики представляется сам толкователь (человек). По сути, им может стать любой человек, ведь Библия писалась не для избранных. Однако для адекватного толкования необходим человек, готовый духовно и нравственно к такому действию. Эта традиция была продолжена Шлейермахером.

В начале XIX века Ф. Шлейермахер определил герменевтику (Kunstlehre) как искусство понимания человека человеком, расширяя границы восприятия процесса толкования, не замыкая их только в рамках библейских текстов. Искусство для него понятие философско-религиозное и является способом проникновения бытие, что непосредственно связано осознанием бессознательного (по Шеллингу). Поминание это процесс, который позволит человеку приблизится к познанию истины, значит, оно должно стать способом человеческого существования. Для понимания Другого необходимо использовать различные приемы, в том числе вжиться в текст, прочувствовать того человека, который данный текст создавал. Таким образом, он подчеркивал равноценность двух аспектов изучения текста – содержательный (грамматический) и личностный (психологический). Первый связан с *духом языка*, второй - с *духом автора*. Интерпретируя текст, необходимо, с одной стороны, внимательно изучать язык, стиль, грамматику данного текста, с другой стороны, стараться *вжиться* в автора текста, принимая во внимание те исторические процессы, который проходили в момент написания текста.

Искусство представляет собой творческий процесс и связывает природу человека с Божественной природой. Согласно Ф. Шлейермахеру, «религия и искусство (...) должны совпасть, и нравственное воззрение на искусство заключается именно в том, что оно тождественно религии» [140, с. 27]. Искусство бесконечно, следовательно, если объектом герменевтики является произведение искусства, значит, процесс толкования также бесконечен. Таким образом, Ф. Шлейермахер процесс воспринимал толкования как непрерывный, незавершающийся процесс. Еще одним достижением Ф. Шлейермахера в изучении герменевтики стала идея герменевтического круга, который описывает взаимообусловленность таких процессов, как интерпретация (объяснение) и понимание. Понимание Ф. Шлейермахер рассматривал как процесс, позволяющий сформулировать основной принцип герменевтического круга. Принцип гласит, «...как целое понимается из отдельного, но и отдельное может быть понято только из целого, имеет такую важность для данного искусства и столь неоспоримо, что уже первые же операции невозможно проделать без применения его, да и огромное число герменевтических правил в большей или в меньшей степени основывается на нем...» [139]. Форма круга здесь рассматривается с позиции бесконечности. Мысль движет по кругу, который с каждым следующим витком круг становится шире, т.к. расширяется наше сознание. Постоянное вращение от целого к отдельной части и от части к целому способствует углублению и расширению понимания смысла как части, так и целого. В конечном счете, полученный герменевтический круг должен способствовать познанию истины.

Ценность герменевтического подхода заключается в том, что он применим там, где происходит столкновение Я и Другого, различных культур, т.е. там, где

велика вероятность конфликта памяти. Возникая из прошлого, при первом прочтении событие представлено поверхностно. Понять его в таком виде не всегда возможно. Используя принцип герменевтического круга, субъект способен проникнуть в глубинные слои памяти о том или ином событии, которое на каждом новом витке как бы само выталкивает наружу новые детали воспоминания.

Герменевтические идеи Ф. Шлейермахера, позволяют глубже понять содержание культурной памяти. Процесс понимания и интерпретации содержания культурной памяти является искусством, искусством вживания в прошлое. Для этого необходимо соблюдать несколько условий — учесть историческую ситуацию, почувствовать социальное окружение, изучить язык, т.е. исследовать феномен культурной памяти на эмоциональном и рациональном уровне. Каждый раз, возвращаясь к одному и тому же феномену культурной памяти, появляется возможность для расширения и углубления знаний о данном феномене как части целого (самой культурной памяти), а также возможность переосмыслить предыдущие интерпретации.

Важной составляющей герменевтического прочтения содержания текста Ф. Шлейермахер считал читателя. Толкование обретало иной смысл, когда души автора и читателя становились родственными. Проводя параллель с культурной памятью, можно утверждать, что воспоминания, их восприятие другими людьми полностью зависят от акторов (так называемых «носителей» и «потребителей» памяти). Проблема сохранения памяти, ее истинности во многом зависит от тех, кто, а главное, как ее преподносит. Этим можно объяснить, почему отдельные феномены культурной памяти сохраняются и интерпретируются, другие (не менее ценные) пребывают в забытии, а потом неожиданно ситуация может поменяться. Для того чтобы текст стал актуальным, он должен дождаться своего читателя. Сложность интерпретации, которая связывает культурную память с понятием герменевтики, заключается в разности восприятия одного и того же явления (события) разными людьми. Почему очевидцы одного и того же происшествия,

читатели одного и того же текста по-разному запоминают, оценивают, интерпретируют его?

Таким образом, герменевтический подход применим для осмысления, поиска новых смыслов и неожиданных открытий в изучении культурной памяти, особенно текстах (художественных, когда речь идет 0 музыкальных, философских, религиозных, исторических) в различных его проявлениях. Часто, перечитывая какие-либо произведения, мы замечаем то, что было скрыто от нас ранее. Этому способствует наш жизненный опыт и возможность в определенном смысле приблизиться к замыслу автора [120, с. 248]. Таким образом, идея герменевтического круга применительно к исследованию культурной памяти близка по своему содержанию. Каждое новое поколение стремится по-своему «понять происходящее» не только с исторической позиции, но с позиции культурного развития.

Дильтей, занимаясь теоретическим обоснованием использования герменевтики в психологии, представлял текст как проблему, загадку, которая содержит как нечто известное, так и нечто неизвестно, что требует определенного толкования. Он связал герменевтику с историей, культурой, т.е. с науками, которые изучают общество и человека, что напрямую связывает понятие герменевтики с культурной памятью. Понимание текста, по В. Дильтею, начинается с понимания внутреннего мира автора того или иного текста. Чтобы понять текст и правильно его интерпретировать, необходимо реконструировать события того времени, учесть месторасположение описываемых событий, понять психологию автора текста, его мотивы, образ жизни, уровень образования, культуру. То же происходит и с культурной памятью. Она, являясь продуктом человеческой жизнедеятельности, может стать эффективным инструментом для познания и смысла человеческого существования. Согласно В. Дильтею, не поняв психологию создателя текста, невозможно адекватно интерпретировать содержание текста. Таким образом, опираясь на труды В. Дильтея, можно сделать вывод о том, что герменевтика не просто способствует пониманию содержания текста, а позволяет воспроизводить отраженные в тексте события с наибольшей

точностью. Вклад В. Дильея в развитие герменевтического метода неоспорим, вместе с тем, недостатком его работ можно считать излишний субъективизм, т.к. основной акцент мыслитель делал на психологической стороне толкования текста, на необходимости вжиться, вчувствоваться в автора текста [44].

Идеи герменевтики значительно обогатил и расширил М. Хайдеггер. Для герменевтический возможностью него круг стал постичь изначальное. Понимание, по М.Хайдеггеру, может быть представлено двумя видами – первичным (дорефлексивным, открытым для восприятия) и вторичным (близкое рефлексии). Понимание (постижение) текста для мыслителя связано с предположением, что приближает наше исследование к наиболее точному сохранению культурной памяти. В герменевтической онтологии М. Хайдеггера память находится в глубоком родстве с мышлением: «Мышление лишь тогда есть мышление, когда оно воспоминает...» [131, с. 215]. Предметом герменевтики он видит не просто текст, а язык, который он называет домом бытия, и без которого невозможно понимание текста. Таким образом, исследуя культурную память, мы размышляем над прошлым, находясь в постоянном поиске изначального смыла. Благодаря М. Хайдеггеру герменевтика становится учением о бытии, а вопрос о смысле существования становится равносилен вопросу о смысле познания. Для исследования культурной памяти в целом и поиске способов ее сохранения данный тезис позволяет памяти оставаться востребованным инструментом в процессе не только познания, но и поиска новых (скрытых ранее) смыслов, прочтения кода культурной памяти.

В аспекте герменевтического бытие подхода социальное также рассматривается в тождестве с языком и Мышление мышлением. как саморефлексия предполагает ретроспективное движение «возвращения» к прошлому, «воспоминание», то есть обращение к памяти, в структурах которой происходит самоопределение смысла социальной субъективности, что позволяет избегать деонтологизации социального бытия (разрушение социального смысла) [147, c. 212-214].

В герменевтического рамках подхода появляется возможность интерпретировать содержание культурной памяти, которая нуждается адекватном толковании. Во многом это связано с многозначностью отдельных ее форм, в т.ч. текста и символа, а также с необходимостью отойти от рассмотрения культурной памяти в психологическом аспекте. Ключевым моментом в данном переходе можно считать высказывание Х.-Г. Гадамера о том, что «пришло время освободить феномен памяти от психологического уравнивания со способностями и понять, что она представляет существенную черту конечно исторического бытия человека» [35, с. 57]. Согласно О.Т. Лойко, «освобождение от психологизма ставит проблему понимания так, как она рассматривается в включающей традиционной герменевтике, три момента: понимание, истолкование и применение» [74, с. 117]. Данный тезис возвращает нас к идее герменевтического круга, что делает его одним из ключевых инструментов исследования тестового бытия культурной памяти.

Однако герменевтика не может восприниматься только как искусство. Х.-Г. Гадамер воспринимает идею герменевтики шире, чем искусство понимания. Для него понимание связано с постижением истины. Понимание текста (в устной или письменной форме) для него связано с тем, что человек, сообщающий какую-либо информацию, неизбежно привносит в нее собственное мнение, что затрудняет, по мнению Х.-Г. Гадамера, непосредственное понимание текста [35, с. 318-319]. Источником могут выступать исторические сведения или сложившиеся традиции, Х.-Г. Гадамер рассуждает о «предпонимании», которое предвосхищает понимание. Герменевтический круг в данном случае «описывает понимание как взаимодействие двух движений: традиции и истолкования» [3, с. 348]. В рамках диссертационного исследования именно истолкование будет взято за основу анализа текстового бытия культурной памяти. Антиципация смысла, которую описывает Х.-Г. Гадамер, c обществом И памятью общества. Смысл герметического круга он видит в «предвосхищении завершенности», обосновывая свое мнение утверждением о том, что «понятным является лишь то, что действительно представляет собой законченное смысловое единство» [3, с. 348].

Таким образом, если человек стремится быть понятым, основываясь на общей памяти (через текст, символ и т.д.), он должен предложить завершенность своей идеи, замысла и т.д. Через понимание он способен обрести контакт с прошлым. Сложность реализации данного процесса в современных условиях заключается в том, что масс-медиа культура, Интернет пространство вытесняет из «культурной памяти глубинные архетипические доминантные основы» [74, с. 118].

В работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер критикует М. Хайдаггера за использование герменевтики только в целях раскрытия «предструктуры понимания в онтологической перспективе» [35, с. 318], сомневается в реальном существовании теории искусства понимания, которую предлагал В. Дильтей, ставит вопрос о применимости теории круговой структуры понимания М. Хайдаггера на практике.

Существенным недостатком работ предшественников в области герменевтики Х.-Г. Гадамер считал неучитывание такого понятия, как герменевтический опыт. Он считал, что прежняя герменевтика несколько упрощала мир человека, не позволяя ему выйти за границы понимания. Герменевтический опыт Х.-Г. Гадамера близок к феноменам исследования культурной памяти по нескольким параметрам. Проблема понимания, по Х.-Г. Гадамеру, связана с процессом осмысления, который выражает себя средствами языка. Причем процесс осмысления не имеет ни начала, ни конца. Чтобы интерпретировать текст, не требуется воссоздать его первичный смысл, необходимо создать собственное толкование прочитанного. Это возможно через осмысление, через соединение содержания текста и собственным опытом. То же происходит с изучением культурной памяти. Проникновение культурной памяти в бытие человека происходит на основе его (человека) герменевтического опыта. Чем больше мы размышляем, чем шире наш опыт, тем дальше расширяются границы не только нашего познания мира, но границы проникновения в содержание памяти в самом широком смысле этого слова. Важной чертой герменевтического опыта Х.-Г. Гадамер считал творческий характер понимания. Для него нет понятия правильной интерпретации текста, т.к. человек в процессе осмысления прочитанного активизирует собственные мыслительные процессы, устанавливает внутренний диалог. Именно в таком состоянии, по Х.-Г. Гадамеру, открывается возможность достижения полноты бытия. Анализируя какой-либо феномен культурной памяти, мы также не можем абстрагироваться от внутреннего диалога, поиска ответов на вопросы о прошлом. Читая тексты, интерпретацию данных текстов другими людьми, мы, в конечном счете, выдаем свой собственный (творческий) продукт понимания отдельного феномена культурной памяти. Следующей чертой герменевтического опыта Х.-Г. Гадамер считает бессознательный механизм (эмоциональная составляющая) процесса смыслоформирования. Процесс осмысления невозможно строить исключительно на рациональной основе «Понимание обретает свои подлинные возможности лишь тогда, когда его предварительные мнения не являются случайными. А потому есть глубокий смысл в том, чтобы истолкователь не просто подходил к тексту со всеми уже имеющимися у него готовыми пред-мнениями, а, напротив, подверг их решительной проверке с точки зрения их оправданности, то есть с точки зрения происхождения и значимости» [35, стр. 318]. Следовательно, процесс понимания начинается не с самого текста, а с осознания (анализа) собственного опыта, который позволяет предпонимать, предвосхищать, предполагать. Так формируется горизонт понимания. Расширение его границ способствует более глубокому (в т.ч. с использованием интуитивного аспекта) анализу феноменов культурной памяти. Процесс понимания Х.-Г. Гадамер видит необратимым и единичным, что расходятся с интерпретацией текста, символа, знака и т.п. как форм бытия культурной памяти. В случае с памятью, текст может иметь различные интерпретации, основанные на поиске определенного кода (ключа) культурной памяти разных людей.

Понятие герменевтического опыта, согласно Х.-Г. Гадамер, позволяет расширять горизонт понимания. Это происходит, если воспринимать процесс понимания как смыслоформирование, и как творческий процесс, как столкновение Я-опыта с Ты-опытом, т.е. с опытом другого человека, другой культуры. В результате интерпретации Другого «Я» духовно насыщает собственное существование, переключается на внутренний диалог. Диалог

реализуется через язык, который развивается в рамках определенной среды (пространства). Вывод, который делает Х.-Г. Гадамер заключается в том, для процесса понимания важны традиции, язык, коммуникация.

Х.-Г. Гадамер предлагает выйти за пределы «старого» понимания герменевтики, задачу которой видит в том, чтобы не выйти из круга, а правильно в него войти, не ломая устоявшихся традиций, не противопоставляя себя иным культурам. Герменевтический опыт, по Х.-Г. Гадамеру, это весь жизненный опыт человека. Чем он шире и насыщеннее, тем адекватнее его интерпретация происходящего, прочитанного. Герменевтический круг для Х.-Г. Гадамера — соотношение «Я» и традиции общества, в котором находится «Я». Таким образом, понимать необходимо не только текст, но и другого человека.

Как результат многолетних изысканий в XX веке имеют место две формы философской герменевтики: герменевтики сознания (Ф.Шлейермахер, В. Дильтей) и герменевтики бытия (М. Хайдаггер, Х.-Г. Гадамер). Обе позиции не только имеют право на существование, но и качественно дополняют друг друга.

Согласно концепции А.Н. Уайтхеда «полное понимание — это совершенное схватывание вселенной во всей ее тотальности. Но мы конечные существа, и подобное схватывание нам не дано. Это не означает, что имеются конечные аспекты вещей, которые действительно не доступны для человеческого знания. То, что существует, может быть познано в зависимости от конечности его связи со всеми остальными вещами. Другими словами, мы способны знать все о некоторых его перспективах. Но тотальность перспектив предполагает бесконечность, преодолевающую конечное знание» [124, с. 371.]. Достижение понимания, по А.Н. Уайтхеду, осуществляется двумя способами: посредством анализа, если понимаемую вещь можно разложить на составные части, или посредством синтеза, «чтобы рассматривать вещь как единство» [124, с. 372-373].

Обращаясь к современной ситуации, можно констатировать определенное стремление исследователей к анализу в интерпретации отдельных текстов, событий, явление. А.Эткинд исследует трагические последствия советского прошлого [144]. Н.А. Колодий анализирует конфликты, связанные с культурной

памятью (на примере реконструкции музея «Тюрьмы НКВД»), исследует степень участия памяти в формировании коллективной идентичности [65, с. 38]. Ее исследования посвящены «режиму памяти», или войне памяти. «Именно война состояние И характеризует современное культурной памяти. именно доминирующая стратегия прочтения текстов памяти позволяет, условно говоря, выигрывать или проигрывать сражения. Но дело даже не в победе того или иного варианта интерпретации истории и культуры, дело – в интенции, которая становится доминирующей и определяющей уже не «режим памяти», а культурную политику, практики определения национальной идентичности» [64, с. Канштайнера [171] 244]. Исследования В. акцентируют внимание коллективной памяти о Холокосте в Германии. А. Винтер травматическую память, связанную со Второй Мировой войной. В книге «Память: фрагменты современной истории» анализируются события войны, описанные военными лидерами, врачами, солдатами. Ставится трудно разрешимая проблема баланса воспоминаниями обычных участников войны между организаторов», между врачебной этикой и узаконенной медицинской и психиатрической тиранией во время войны. Описываются поствоенные проблемы солдат ментального характера, которые испытывают и современные военные [184].

Однако, исследуя определенный фрагмент прошлого, исследователи не стремятся к составлению целого, к полному пониманию, возможно, оставляя этот этап размышлений читателю. Это способствует тому, что содержание культурной памяти находится в постоянном движении, но не за счет естественного увеличения, а за счет мыслительной деятельности человека. Одни события уходят за-бытие, другие обретают новое содержание и новый смысл, третьи становятся отправной точкой для вскрытия новых слоев культурной памяти. Таким образом, культурная память подвижна. Она может расширяться до определенного предела, затем происходит обратный эффект сжатия объема памяти в силу ряда социально обусловленных причин. Так, например, последние десятилетия в тренде находится исследование не культурной памяти в целом, а определенных эпизодов,

обычно трагического содержания. Так, появляются работы, связанные с воспоминаниями о влиянии Советского союза (Эткинд), о холокосте (А. Ассманн), о Второй мировой войне (А. Винтер) и т.д. Сосредоточение на определенных событиях прошлого фиксирует эффект сжатия. Он предшествовал периоду расширения, когда многие мыслители (Е. Шахтель, Е. Тульвинг и др.) уделяли большое внимание анализу имеющихся и созданию авторских концепций памяти.

Таким образом, герменевтический подход, являясь продуктом мыслительной деятельности отдельного субъекта, способствует формированию субъективной научной позиции.

1.3. Семиотический анализ культурной памяти

Основная задача данного параграфа заключается в выявлении потенций семиотического анализа содержания культурной памяти, что позволит адекватно интерпретировать содержание культурной памяти в виртуальном пространстве, пронизанное различными семиотическими структурами, следовательно, осмыслить причины сохранения или исчезновения той или иной информации из культурной памяти. Это может быть связано возникновением символьной системы фиксирования информации, что и является основой диссертационного исследования.

Для выполнения данной задачи рассмотрим работы исследователей, отражающие различные концепции изучения памяти с позиций семиотики. В логике семиотического анализа, культурная память представляет собой знаковую систему, сформированную человечеством и сохраненную в виде различных культурных кодов (тексты, памятники, традиции т.д.) для более эффективной передачи ее массивов от одного поколения другому. Данный процесс (осознанно или нет) можно было наблюдать с древних времен; менялись только средства и формы передачи информации. В настоящий период времени эти изменения не столько на содержании, сколько на формах представления культурной памяти. В этом и за-

ключается основная суть трансформации культурной памяти в виртуальном пространстве.

Наиболее полное и точное запоминание происходит посредством знаков, которые вырабатываются обществом. Они, как правило, не имеют национальных признаков, доступны для восприятия и тем самым обеспечивают не только скорость запоминания, но и глубину понимания. Исследование знаковой сущности культурной памяти позволит выявить отношения, которые складываются между означаемым и означающим. Отметим, что «знаковая структура, фиксирующаяся в сознании и сохраняющаяся в памяти, не создается субъективно. Ее элементы возникают в рефлектирующем сознании как нечто самостоятельное, появляющееся в момент взаимодействия спонтанно и императивно» [75, с. 37].

Природа возникновения знака связана с деятельностью человека во взаимосвязи с обществом и природой. Для более точного определения отношения «знак обозначаемое» можно выделить следующие группы: знак как имя и знак как обозначение отношения знаков друг к другу. Первая группа представляет собой низший уровень постигаемости содержания культурной памяти. Он является жизненно необходимым, т.к. чаще всего используется в повседневной практике. Однако использование знаков в данном случае происходит только на сознательном уровне. Социум создает знаки и договаривается об их одинаковом значении. Если выработать единый подход не удается, знак исчезает из памяти общества или переходит в разряд знаковой манипуляции. Иногда знак, теряя свое прежнее значение, обретает новый смысл. Однако «знак, оторванный от референта, вне сомнения, способен создать новую семиосферу, но ее содержание будет понято лишь предельно ограниченной социальной группе» [75, с. 39]. В этом случае знак не способен поддерживать связь между поколениями. Вторая группа знаков устанавливает синтаксические и прагматические отношения, определяющие структурные свойства знаковых систем и отношения между системами.

Согласно Р. Клацки, знак сначала фиксируется в кратковременной памяти, затем, если он оказывается значимым для человека, переходя в долговременную

память [60]. Ценностно-смысловой контекст такого перехода указывает на семиотическую природу движения знаков.

В рамках данной работы предпочтение отдается термину *символ*, т.к. он наиболее органично соотносится с термином *виртуальное пространство*, в рамках которого он преобразуется в симулякр.

Семиотический анализ, позволяющий исследовать свойства знаков, кодов, шифров, символов, существующих в обществе, дает возможность выявить особые способы трансляции культурной памяти через знаки, символы и т.д. Семиотика с ее устойчивыми внутренними связями, более точно коррелирует с качественной обработкой большого объема знаковой информации, который активно вырабатывается в реальном мире и в виртуальном пространстве. Символическая структура сообщений нивелирует языковые барьеры; информационные потоки в виде знаков, символов легче преодолевают препятствия пространственно-временного характера. Семиотика фокусирует свое внимание на формах существования культурной памяти, которые способствовали бы эффективной трансляции культурной информации.

Семиотический анализ представлен работами Ю.М. Лотмана, Р. Лахман, Э. Кассирера, У. Эко, Р. Барта и т.д. К основоположникам данного подхода в культуре можно отнести Э. Кассирера, который конституировал символический характер всей деятельности, представленной человеком. В работе «Философия символических форм» он излагает свое представление о символах, наделяя их ценностной значимостью. Символ, в понимании Э. Кассирера, представляет собой «чистую функцию мысли» и передает содержание культурной памяти [56]. Он выдвигает предположение о существовании некой всеобъемлющей среде, вмещающей в себя различные духовные образования. Чтобы познать данную среду, необходимо погрузиться в совокупность чувственных знаков [56, с. 22]. Именно через чувственную сферу можно выразить значение объекта. Таким образом, в своей работе Э. Кассирер представляет символ как совокупность идеального и чувственного, а человека называет животным, созидающим символы. С другой стороны, этим утверждением он подчеркивает отличие животного от человека и

способность общества к производству символов, сохраненных в культурной памяти.

Создание образов на основе накопленного опыта дает возможность человечеству не только сохранять культурную память в наиболее прочных ее формах, но делать адекватные выводы о будущем. Э. Кассирер видит образы как наши представления о вещах, которые и находят отражение в целостной системе. «Отдельное не должно оставаться отдельным, ему надлежит войти в ряды взаимосвязей, где оно будет уже элементом «системы» — логической, телеологической или причинной» [56, с. 15]. Сами по себе знаки не могут полностью соответствовать требованиям, предъявляемым обществом к формам сохраняя культурной памяти. Определенный фрагмент памяти, представленный в виде взаимосвязанных образов, напротив, становится незаменимым культурным фондом мирового значения. Необходимость семиотического анализа индуцирована мемориальным бумом, когда резко возросла значимость мемориально-ориентированной информации, пришедшей, в т.ч. посредством сети Интернет. В обществе стали возникать идеи о том, что неважной информации не существует. Для культурной памяти важны любые мелочи, что вошло в противоречие с концепцией Я. Ассманна о коммуникативной памяти, имеющей оттенок повседневности, обыденности, и не относящейся в полной мере к культурной памяти. Семиотика становится связующим звеном между увеличивающимся потоком необработанной информации и культурной памятью. Преобразование информации в знаки неизбежно приводит к естественной процедуре редуцирования. Таким образом, «знак есть не просто случайная оболочка мысли, а ее необходимый и существенный орган. Он не только служит цели сообщения готового мысленного содержания, но и является инструментом, благодаря которому формируется и впервые приобретает полную определенность само это содержание. Акт понятийного определения содержания идет рука об руку с актом его фиксации в каком-либо характерном знаке. Таким образом, подлинно строгое и точное мышление всегда опирается на символику и семиотику» [56, с. 21].

В работе «Проблема символа и реалистическое искусство» А.Ф. Лосев дает развернутое определение символа вещи как «тождество, взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности, но это символическое тождество есть единораздельная цельность, определенная тем или другим единым принципом, его порождающим и превращающим его в конечный бесконечный ряд различных (...) единичностей, которые и сливаются в общее тождество» [77, с. 47-49]. Таким образом, символ, чтобы стать символом, должен пройти длительный путь развития, что непосредственно связывает его с прошлыми событиями. Если представлять весь объем культурной памяти в виде определенных слоев, которые увеличиваются в геометрической прогрессии, то можно наблюдать следующую тенденцию. С одной стороны, каждый новый слой несет в себе дополнительную информацию, с другой стороны, под влиянием внешних факторов он способен искажать смысл уже зафиксированного в памяти или привести к забыванию необходимого содержания. Семиотические механизмы памяти призваны минимизировать процессы, связанные с забыванием. Ранее этому способствовала «ярко выраженная знаковость содержания памяти, которая может быть реализована (...) в текстах» [74, с. 76]. В XXI веке на первый план выходят визуальные коммуникации. Этому способствует активно развивающееся визуальное мышление, продуктом которого становятся новые образы и формы. Визуально воспринимаемые объекты культурной памяти становятся основой семиотической парадигмы, т.к. способны наиболее прочно закрепляться в сознании человека. Основным преимуществом данного процесса выступает формула расширения содержания культурной памяти при уменьшении ее объема, что в условиях переизбытка информационной компоненты ценностно-смыслового мира дает возможность не просто запоминать то или иное событие, факт, явление, но и рефлексировать по поводу увиденного. В качестве объекта выступают как конкретные, так и абстрактные феномены. Субъект как интерпретатор прошлого представляет собой совокупность знаков, представленную в речевом и телесном выражении. В семиотической действительности в качестве знака, существенного

для отображения содержания культурной памяти, выступают тексты (как многоуровневые объекты), мимика, голос и многое другое.

Ю.М. Лотман рассматривал культуру как знаковую систему и определял ее как «семиосферу» (по аналогии с «биосферой» В.И. Вернадского). Основную роль культуры он связывал с негенетической памятью коллектива, которая призвана хранить и передавать сохраненную информацию в виде знаков. Он также отличал символ от знака, констатируя при этом сложность, неясность и неоднозначность данного различия. Каждая культура, каждая эпоха понятие символа трактует посвоему. Нет однозначного определения, и причина данной тенденции кроется в иррациональной природе концепта «символ». Ю.М. Лотман, как и многие другие мыслители, склонен связывать символ «с идеей некоторого содержания», которое служит для выражения «культурно более ценного содержания» [80, с. 191].

«Исследование памяти в контексте семиотики позволило Ю.М. Лотману выявить существующую закономерность во взаимосвязи памяти и текстов культуры. Он рассматривает письменность как форму памяти» [74, с.75], которая способна фиксировать единичные события. Культура, ориентированная на модель, способна постоянно умножать тексты. Ю.М. Лотман утверждает, что архаические культуры не увеличивают содержание культурной памяти, а воспроизводят его в форме традиции, обряда, обычая. Согласно О.Т. Лойко это «позволяет предположить, что формами сохранения содержания памяти в этом случае выступают более глубинные структуры (...) и определить особое место памяти в коммуникативном процессе» [53, с. 20].

Существенный вклад в понимание механизмов взаимодействия культуры и памяти внесла Р. Лахманн. Она рассматривала культуру как ненаследственную память, которая способствует выявлению особых способов трансляции ее содержания. Свою концепцию она представляла на основе анализа текстов культурной памяти. «Особенностью концепции памяти, представленной культурной семиотикой, является то, что аккумулируемый смысл не просто «лежит» там, а особым образом «растет» в культурной памяти. Память, следовательно, не есть хранилище текстов, но комплексный ансамбль их

производства» [70, с.396]. На данном примере она показала механизм прироста памяти в культуре.

«Семиотические механизмы памяти, именно в силу присущей им интенциональности, позволяют предположить, что объем культурносемиотического содержания памяти способен значительно минимизировать процессы забывания. Чем более ярко выражена знаковость содержания памяти, которая может быть реализована в различных формах, тем большую значимость приобретает содержание фиксированного в памяти события. Причем обретенная значимость, реализуемая в знаке-символе, сама приобретает означиваемые черты, тем самым расширяя свое содержание, и уменьшая свой объем. В этом случае культурный семиозис, реализуется последовательный увеличивающий ментальную вместимость памяти» [74, с. 79]. С появлением сети Интернет становится трудно, а иногда и невозможно, анализировать знаки и символы, находящиеся в виртуальном пространстве. Это можно было бы назвать семиотическим хаосом. Такие знаки проблематично привести в систему, невозможно охватить и проанализировать все имеющиеся знаки и символы, которые общество пытается отразить в сети, а, следовательно, сохранить в виртуальной памяти. В будущем также вряд ли удастся упорядочить данный процесс. В сети Интернет огромное количество нечем неподкрепленной, противоречивой информации, фальсифицированных документов. Каждый может внести свою лепту, подкорректировав реальные воспоминания нереальными дополнениями. В данном контексте говорить 0 TOM, ЧТО контролировать процесс передачи информации потомкам с помощью знаков и символов, нецелесообразно [120, с. 248].

Семиотический анализ содержания культурной памяти позволяет, вопервых, выявить проблему сохранения и способы передачи содержания культурной памяти, во-вторых, представить возможности ее сохранения как в материальной, так и нематериальной форме. «Процесс постоянного увеличения информации, фиксирующейся в содержании культурной памяти, с одной стороны, и проблема выявления механизма его трансляции, с другой, позволяет разделить позицию М.А. Розова о своеобразных эстафетах, которые отражают данное явление» [74, с. 79]. М.А. Розов приводит пример со словом, которое «можно произносить разными голосами, записывать карандашом или мелом, вырубать на камне... Оно остается тем же самым словом, хотя один материал исчез и появился совсем иной. (...) Слово – это удивительный объект, оно обладает определенными характеристиками, но не представлено никакой соответствующей субстанцией. Строго говоря, его характеристики не являются свойствами в традиционном понимании, ибо свойства мы привыкли всегда связывать с определенной вещью. Но разве перед нами не аналог улыбки Чеширского Кота?» [102, с. 12]. То же относится и к культурной памяти, которая имеет определенное содержание и форму. Содержание остается неизменным, растет лишь объем информации, предназначенной для запоминания. Форма меняется вместе с тем, как меняется само общество. Содержание меняется в сознании вспоминающего. Правильнее говорить об изменениях не самого содержания, а отношения к объекту прошлого со стороны актора. Меняется сам человек, его внутренние убеждения, поэтому со временем он подругому оценивает события, произошедшие в далеком (или недалеком) прошлом. Эта проблема возникает применительно ко всем семиотическим объектам.

Одновременно возникает проблема стремительно увеличивающегося (часто бесконтрольно) объема содержания культурной памяти как в текстовой, так и в символьной формах. Происходит своего рода наслоение информации в сознании людей, которую человек не в силах перерабатывать, и тем более контролировать процесс «сортировки», т.е. определять, какую информацию нужно сохранить в памяти, какую проверить на адекватность, а какую предать забвению. Данный процесс происходит хаотично, часто независимо от воли человека. Именно этот факт подталкивает нас к мысли о риске переизбытка (в т.ч. ненужной) информации в виртуальном пространстве.

Я.К. Ребане, с позиции семиотики представляет человечество не как сумму отдельных людей, а как сложнейший социальный организм. Рассматривая процесс передачи знаний из поколения в поколение, он описывает «социально-классовый и ценностный аспект» процессов, способствующих сохранению памяти

[74]. Мыслитель выделяет в качестве носителей памяти орудия производства и труда, социальные отношения, язык, при этом ключевым носителем определяет человека. В статье «Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания» Я.К. Ребане рассматривает память как «своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности» [стр. 74, с. 81]. В содержании памяти Я.К. Ребане выделяет две стороны: социально-культурные средства и значимую информацию. Причем, социально-культурная информация может передаваться не только в форме знания, но и в форме знаковых явлений. Являясь сторонником информационного подхода, он понимает роль и значение кодового концепта памяти.

Д. Драаизма проводит исследование памяти с позиции метафор [161], которые воплощают особенности культуры того или иного места в определенную эпоху. Они основаны на принципах семиотики, связывая предмет и понятие дополнительными узами. Одной из важных метафор мыслитель называет метафору письма, которая особенно актуальна для средневековой культуры. В качестве подтверждения приводит перевод латинского слова memoria, которое имеет два значения – память и мемуар (письменный текст). Автор утверждает, что открытия, которые совершает человечество, приводят к возникновению новых метафор, которые скорее напоминают механические или кибернетические модели. Важно отметить, что Д. Драаизма опасается, что из метафорической системы памяти уходит субъективная компонента, которая до сих пор считалась основой памяти. Таким образом, он, также как и К. Данцигер, не представляет эффективного соединения памяти и современных компьютерных технологий, тем самым, косвенно подтверждая актуальность проблемы, затронутой настоящим исследованием.

Я. Ассманн, рассматривая всю культуру как «остров в океане забвения, как борьбу против забывания», приходит к выводу, что лишь культурная память способна выступить в качестве нормативного воспоминания [12, с. 95]. С другой стороны, необходимо признать, что именно с появлением механических способов трансляции памяти, остро встал вопрос ее сохранения. С появлением книг (а затем и компьютеров) сохранение культурной памяти в сознании общества утрати-

ло свой первоначальный смысл. Мы можем наблюдать парадокс — сохраненной информации стало больше, а объем культурной памяти непосредственно в сознании отдельных людей значительно уменьшился. Информацию, собранную для передачи следующим поколениям, необходимо сохранять не в «головах», а в специально созданных для этого неодушевленных объектах. Отчасти решить данную задачу помогает некое кодирование событий, вещей, явлений в памяти общества. Следовательно, семиотический анализ содержания культурной памяти способен выстроить процесс запоминания для более адекватного извлечения содержания воспоминаемого из памяти.

Проанализировав различные концепты исследования культурной памяти, можно определить те подходы, которые помогут адекватно и полно отразить содержание культурной памяти в условиях экспансии виртуального мира. В виртуальном мире нет границ, нет запретов, фактически нет отметок о том, что представленная информация является официальной, достоверной, проверенной. Читателю предстоит сделать самостоятельные выводы о прочитанном. Часто человек при этом опирается на критерий убедительности текста, изображения, что не всегда является синонимом правдивости.

Культурную память можно понимать как форму трансляции и актуализации культурных смыслов. Это обобщающее название для всего знания, которые инициированы субъективными переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах и в обществе в целом [12, с. 20]. Ранее память сохранялась в рукописях, скульптурах, зданиях и т.д. Сегодня ситуация меняется. Мир становится менее устойчивым, менее предсказуемым и более виртуальным, благодаря новым технологиям. Информации становится больше, а возможностей для управления информацией с каждым новым этапом развития общества все меньше. Виртуальное пространство не позволяет регулировать данный процесс искусственным путем. Происходит естественная трансформация по нескольким направлениям.

Во-первых, использование знаковой компоненты культурной памяти позволяет расширять объем памяти, но до определенных пределов. Наступает момент,

когда память перестает быть ценностью из-за информационной перенасыщенности или неуправляемости в части манипуляций. Человек не в состоянии обработать весь объем поступающей информации и отделить правду от не правды, теряет интерес к прошлому. Объем культурной памяти начинает медленно сжиматься до тех размеров и того содержания, которое бы вернуло к ней исследователей прошлого. Процесс расширения-сжатия объема соответствует двум основным характеристикам. С одной стороны, он условен. На самом деле меняется не объем памяти, а наше желание или нежелание знать больше о прошлом. С другой стороны, этот процесс бесконечен. Как только человек чувствует перенасыщенность информацией, он теряет интерес к теме, и наоборот.

Во-вторых, в XXI веке наблюдается постепенное стирание границ между различными видами памяти, установленными в исследованиях последних десятилетий. Все большее значение приобретает принцип взаимодействия, сравнения. Вся информация о прошлом концентрируется в слоях коммуникативной памяти и проходит через некий рефлексивный фильтр, формируя сжатый слой культурной памяти, а затем происходит постепенное расширение и обновление (наслаивание) содержания культурной памяти посредством коммуникативных практик. В этом и заключается одна из особенностей трансформации содержания культурной памяти. Процесс сжатия-расширения представляется наиболее естественным для развития человечества, но затруднен в условиях реальном мире, поэтому стремится в виртуальное пространство.

ГЛАВА 2. ФОРМЫ БЫТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

2.1. Текст как форма бытия культурной памяти

Целью данного параграфа является исследование одной из основных форм бытия культурной памяти – текста.

Под текстом в работе понимается искусственно созданная последовательность символов, отражающих социально-культурный опыт человечества в виде целостного сообщения с целью прочтения и понимания. Текст не ограничивается речевым актом.

Под современным обществом в диссертации понимается период вхождения в активную фазу освоения компьютерных и Интернет технологий. Развитие цифровых технологий, овеществление и доступность виртуального пространства способствовали тому, что в рамках культурной памяти были запущены механизмы трансформации форм ее бытия.

В ходе исследования необходимо выявить основные черты современного текста, раскрывая его возможности для сохранения культурной памяти в виртуальном пространстве. Являясь одной из ключевых форм бытия культурной памяти, текст требует тщательного изучения, т.к. претерпевает значительную трансформацию в связи с перемещением его в виртуальное пространство. Законы коммуникации в сети Интернет отличаются от законов реального общения, поэтому и сам текст не может оставаться в том виде, в котором существовал еще 10-15 лет назад.

Исследование текста можно сравнить с археологическими раскопками. При внимательном обращении с текстом видны культурные слои, по которым можно определить их пространственно-временную принадлежность. Ключевыми критериями являются содержание и форма подачи материала.

В дописьменный период использовались архаичные формы передачи информации через вещи, слова, рисунки и т.д. В рамках диссертационного исследо-

вания более подробно описывается передача культурного и социального опыта посредством слова. Содержание информации менялось в зависимости от отношения к ней рассказчика, от объема его (рассказчика) памяти, его рода деятельности и т.д. Текст мог быть дополнен несуществующими подробностями или сокращен до неузнаваемости. Рассказчик часто ориентировался на аудиторию, на ее способность воспринимать ту или иную информацию. Основным способом восприятия информации был аудиальный, поэтому, если текст систематически не воспроизводился, информация терялась частично или полностью. К недостаткам устного текста по отношению к культурной памяти можно отнести творческую компоненту, которая в полной мере отражается в устойчивом выражении — устное творчество. Само понятие «устное» неосязаемо, не вызывает ощущения прочности, стабильности. Все, что сказано устно, может исчезнуть. «Творчество» ассоциируется с созданием чего-то нового и противоречит в этом смысле понятию «памяти», которая констатирует уже созданное.

Таким образом, устная форма передачи текста неустойчива. Однако из-за яркой эмоциональной окраски устные тексты сохранились в памяти до настоящего времени, тем самым подтверждая, что даже в устной форме текст служил фундаментом сохранения культурной памяти [91].

Одной из первых форм текстового бытия в культурной памяти можно считать мифы. С мифами связана «первоначальная, примитивная форма сознания и репрезентации [74, с. 146]. Человек не отделял, тем более не противопоставлял себя миру, осознавая свое неделимое единство. Миф соединял в себе и настоящее (реальность), и прошлое (память), являясь и инструментом познания и средством. Мифы способствовали однозначному пониманию мира, давали возможность ориентироваться в настоящем, и не забывать прошлое, предопределяли будущее. Согласно научной позиции О.Т. Лойко, в контексте «миф как память о со-бытии» справедливо воспринимать миф «как определенный способ организации памяти» [53, с. 31].

Р. Барт в своем исследовании «Мифология» [15, с. 82] определяет миф как семиологическую систему, которая заключается в том, что основана на некой по-

следовательности определенных знаков, которые и отражают глубину мнемических процессов «воспоминания» - «забывания». Таким образом, миф необходимо а) воспринимать как праформу текстового содержания культурной памяти и б) исследовать с двух позиций – как текст и как знак.

Исследуя возможности и особенности устного текста, необходимо проанализировать и механизмы трансмиссии данной формы культурной памяти. С.Ю. Неклюдов строит механизм передачи текстов на принципе отбора мотивов и элементарных сюжетов, которые «доходят до нас «эстафетным» образом, как бы прорастая сквозь сменяющие друг друга языки и культуры» [91]. В этом он видит и причину совпадения определенных мотивов даже во взаимоудаленных областях. На наш взгляд, сюжетное совпадение может свидетельствовать, во-первых, о похожем образе жизни разных народов в различных географических пространствах; во-вторых, о наличии странствующих рассказчиков. Еще одной особенностью механизма трансмиссии текстов С. Ю. Неклюдов отмечает его стабилизирующий характер. Текст сохраняет так называемую основную ось, допуская элементы «подстроек», но, не допуская «слишком сильного «раскачивания» смысла транслируемого сообщения» [91]. На наш взгляд, именно стабилизирующий характер текста способствует сохранению содержания культурной памяти, но, говоря об устной форме текста, допускается наличие подстроек без существенного искажения прошлого в результате трансмиссии.

«Изобретение письменности приводит к отчуждению текста от живого человеческого голоса, что порождает принципиально иной тип культурной трансмиссии: хранение и передача информации без ее систематического воспроизведения» [91]. Однако ключевой способ восприятия материала остается прежним. Люди по-прежнему предпочитают слушать. Культурная память определенного народа, как и прежде, передается по устным каналам коммуникации. Они вариативны. Их сюжеты, в первую очередь, сказочные. С.Ю. Неклюдов называет их бродячими. Они передаются от одной культуры к другой, трансформируясь при этом в зависимости от имеющихся традиций. К тому же древние книги во многом отличаются от тех, что мы читаем сегодня. Деление на слова в них часто было ус-

ловным, практически отсутствовала пунктуация. Поэтому, чтобы понять смысл написанного, подобные тексты приходилось многократно читать вслух [33, с. 183]. Первые рукописные тексты изобиловали знаками. Фактически человек Средневековья жил, больше полагаясь на собственные чувства, читая знаки, посланные судьбой. Книга изобиловала знаками, которые предстояло разгадать, чтобы понять смысл жизни, истинное назначение своего существования. Поэтому термин «Священная книга» применим только к первым книгам как к знакам, которые стали письменной платформой оформления культурной памяти, зачастую, с целью получения бессмертия. Основанием для данного утверждения может служить тот факт, что первые письменные тексты были посвящены «житию» старцев, монархов и других значимых личностей своего времени, которые стремились через тексты обеспечить свое бессмертие, т.е. остаться в памяти людей навечно.

Характерной чертой текстового бытия культурной памяти во времена Средневековья было неограниченное количество вариантов текста, а, значит, и авторов. По сути, это было продолжение устного периода, но с зачатками письменности. Тексты по-прежнему зависели от внутренних установок автора, его культурных и идеологических взглядов, от заказов влиятельных лиц, политической обстановки и т.д. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что культурная память снова нуждалась в устной передаче информации как основном канале, однако развитие письменности позволяло сохранять и передавать содержание культурной памяти из поколения в поколения. С другой стороны, вариативность текстов объясняет наличие различных источников информации, например, это касается Библии.

В качестве подтверждения вышесказанного можно привести исследование структуры текста во времени Л.Ю. Ковригиной. [62]. Проанализировав отдельные тексты древнерусской литературы, она обнаружила их чрезвычайную вариативность. Так, например, «Сказание о Мамаевом побоище» постоянно переписывалось и редактировалось на протяжении 400 лет, поэтому сегодня трудно установить степень истинности того или иного варианта.

Продолжая экскурс развития текстового бытия культурной памяти в историческом ключе, необходимо констатировать, что с изобретением печатного станка начался переход от аудиального к визуальному восприятию информации. Данный период ознаменовался систематизацией информации, однозначностью интерпретации, индивидуализацией авторства. Печатные книги способствовали развитию абстрактного мышления, расширяли знания о мире, выводили читателя за пределы ограниченного социума [33, с. 183]. Этот период можно назвать прорывом в восприятии мира человеком. Чувственное восприятие постепенно меняется на рациональное. Человек начинает воспринимать мир посредством текста. Эмоциональное, объемное, чувственное восприятие мира перемещается на плоские страницы. Слова, буквы приобретают конкретный смысл, разгадывать который человек может самостоятельно. Ранее, ведя оседлый образ жизни, человек воспринимал мир через призму той местности, в которой он родился и жил, впитывая местные традиции и обычаи, соответственно место памяти играло одну из ключевых ролей в воспоминаниях индивида. Теперь у него появилась возможность увидеть больше, если не собственными глазами, то через прочитанный текст, что и способствует развитию абстрактного мышления. С появлением печатного текста появилась потребность систематизировать полученную информацию. Культурная память начинает приобретать иной вид. Посредством письменного текста меняется форма отражения культурной памяти.

Таким образом, трансформация текстового бытия культурной памяти тесно связана с тем, как изменялось восприятие человеком поступающей информации. «По мере развития человеческой цивилизации, возникновения письменности, а также позже печатного станка, человеческое восприятие мира изменялось от чувственного к рациональному» [33,с. 177].

По мнению Ю.М. Лотман, культура, представляя собой коллективный интеллект и коллективную память, предполагает некий надындивидуальный механизм сохранения и передачи сообщений (текстов). «В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т.е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и

быть актуализированы» [80, с. 200-201]. За 20 лет данный тезис не только не утерял своей актуальности, но и приобрел новый, более широкий смысл. В условиях широкомасштабного распространения сети Интернет, содержание культуры стало безграничным, наднациональным пространством общечеловеческой памяти. Кроме того, если в XX веке актуализация большинства текстов зависела от относительного узкого круга людей (в государственных структурах власти, в медиа сфере), то сегодня для создания или актуализации уже созданных текстов видимых преград не существует, если вы действуете в виртуальном пространстве. Ограничением могут служить только требования российского законодательства (направленные, например, против экстремизма, терроризма и т.д.) в лице тех или иных серверов, владельцев Интернет ресурсов.

Ю.М. Лотман также выделял два вида памяти: «память информативную» и «память креативную (творческую)». Информативная память, по его мнению, является «итогом некоторой познавательной деятельности». «Память этого рода имеет плоскостной, расположенный в одном временном измерении, характер и подчинена закону хронологии» [80, с. 208]. Такую память можно отнести к разряду повседневной, именно этот вид памяти является самым востребованным в современном мире. Она продуктивна, помогает сэкономить время на приобретение новых знаний. Один из ярких примеров использования информативной памяти можно назвать отзывы о каком-либо продукте, предприятии, событии в сети Интернет. Мы изучаем воспоминания очевидцев, чтобы сделать свой выбор, например, относительно покупки автомобиля или сотрудничества с той или иной компанией.

«Примером творческой памяти», по Ю.М. Лотману, «является, в частности, память искусства». Этот вид памяти Ю.М. Лотман предлагает не делить на «самый новый – самый ценный». Он использует термин «деактуализации («как бы забвения»). Тексты творческой памяти никуда не исчезают, они находятся в ожидании «своего часа». Человечество уже переживало эпоху Ренессанса. Одни тексты сегодня актуальны, другие находятся в некотором забвении. Придет время, они поменяются местами. В целом, можно сделать вывод о том, что тексты не ис-

чезают бесследно. Они находятся в постоянном движении: создаются, дополняются, обновляются, актуализируются, забываются, т.е. претерпевают разного рода изменения. Следовательно, трансформация содержания культурной памяти в виртуальном пространстве является, во-первых, естественным процессом, во-вторых, требующим досконального изучения.

Для Ю.М. Лотмана, творческие тексты являются «не складами, а генераторами» новых текстов. Они, по определению, не могут быть «пассивными хранилищами» [80, с. 200]. Каждая эпоха имеет свои ценностные ориентиры, решает, что стоит помнить, а что забыть. Однако спустя некоторое время «забытые» находки становятся бесценными, таким образом, связывая прошлое и настоящее. Появление виртуального мира данную тенденцию не изменило, однако существенно повлияло на отношение к ценностным ориентирам. Сегодня это задача не отдельной эпохи или культуры, это задача каждого человека. Следовательно, проблему памяти он решает индивидуально.

В статье «Текст в тексте» Ю.М. Лотман размышляет о понятии «текст» и выделят его основные функции [80, с. 148]. Само понятие «текст» он признает неоднозначным, сложным для описания термином. В самом общем представлении текст является материальной формой языка, таким образом, «язык предшествует тексту, текст порождается языком» [80, с. 149]. Ю.М. Лотман представляет два подхода к интерпретации текста. Первый подход построен на утверждении, что язык является замкнутой системой, а текст – как система «постоянно наращиваемая по временной оси». Второй подход представляет текст как «ограниченное, замкнутое в себе конечное образование» [80, с. 151].

Ю.М. Лотман выделил три основные функции текста, которые можно считать базовыми в исследовании текстового бытия культурной памяти. Во-первых, текст выполняет функцию передачи информации и порождения новых смыслов. Успех данной функции видится автором при «полном совпадении кодов говорящего и слушающего и при максимальной однозначности текста» [80, с. 151]. Идеальным языком для данной функции мыслится искусственный язык. Однако ни одна культура не сможет функционировать на основании искусственного языка.

На наш взгляд, если перевести данную функцию в границы естественного языка, то ее следует разбить на две отдельные функции. Первая будет отвечать исключительно за трансмиссию «простейшей» информации в первозданном виде. Простейшая в данном случае означает однозначная информация, ее не нужно интерпретировать, раскодировать и т.д. Это язык, на котором мы общаемся с маленькими детьми – просто и недвусмысленно.

Второй функцией выступает способность текста к порождению новых смыслов. Текст как источник информации является подвижной, динамично развивающейся структурой. Этому во многом способствует коммуникация. Меняется язык, речь, меняется и текст. Как следствие, меняется форма культурной памяти. Наскальная живопись потеряла актуальность с распространением бумаги, книги уступили место видео технологиям.

Третья функция текста, которую Ю.М. Лотман выделяет отдельно, связана с памятью общества. «Эта функция особенно значительна в бесписьменных культурах и в культурах с доминирующим мифологическим сознанием» [80, с. 151]. Автор обоснованно выделяет данную функцию, т.к. именно текст способен сохранить культурную память на длительный период. Текст является одной из наиболее мобильных форм бытия культурной памяти. Он быстрее поддается восстановлению (в отличие от памятников), он выигрывает по масштабу и скорости распространения, т.е. по своим диффузным качествам (в отличие от традиции или ритуала).

Память общества закономерно связана с прошлым человечества и помогает ему развиваться на всех этапах движения к цивилизованному обществу. Функция передачи информации олицетворяет настоящее данного общества, основываясь на его прошлом. Функция по осуществлению генерации новых смыслов устремляется в будущее. Рассматривая функции текста с данных позиций, можно утверждать, что они охватывают все временное пространство — настоящие, прошлое и будущее. Это дает возможность говорить о тексте, как о важной составляющей любой культуры в любом его проявлении — от устного до печатного текста.

Во второй половине XX века текст начинает новый этап своего существования в культурной, социальной, исторической памяти. Он теряет свою роль «источника знаний». В соответствии с теоретической позиции постмодернистов важным элементом становится наличие разнообразных интерпретаций текста. Он вновь становится «живым». Р. Барт выдвинул предположение, что автор не способен точно передать «свой» смысл читателю, а, значит, может быть удален [15]. Ранее в тексте искали скорее мнение автора, нежели смыл, исходящий из текста. На самом деле, автор является «скриптором» («пишущим») и должен самоустраниться во имя текста, считает Р.Барт [15].

Постмодернизм возник после окончания Второй мировой войны, которая перевернула сознание людей. До войны мир казался устойчивым, прочным, а ценности — незыблемыми. Все понимали, что есть нравственный или безнравственный поступок. Однако XX век начался с Первой мировой войны, продолжился Второй мировой войной, которые несли с собой ужас, отчаяние, страх, высшую несправедливость. В сознании обычных людей трудно укладывались газовые камеры, ядерные войны, концлагеря, деление на расы, Холокост, Хиросима, Гулаг и т.д. В этот период само человеческое существование утрачивает смысл. Именно в данный переломный момент культура нашла свой собственный выход в виде постмодернизма. В качестве примера можно назвать труды У. Эко, Р. Барта, Ж. Дерриды. В Россию постмодернизм пришел в конце XX века и был связан с такими именами, как А.И. Бродский, А.Г. Битов, В. Ерофеев.

Автор постмодернистского текста стремится показать несостоятельность, утопичность любой модели гармонии мира, отрицает наличие «одной правды», вступает в своего рода диалог с хаосом, отказывается от лидирующей позиции автора.

Характерной чертой постмодернизма становится интертекстуальность, идея о том, что невозможно изобрести принципиально новый текст, все уже до нас придумано. Нам остается только цитирование, комментирование, дополнение, интерпретирование, перефразирование, плагиат и т.п. Это своего рода «текст в тексте», где трудно отличить «свой» текст от «чужого».

К.Б. Заболотная анализирует постмодернистские превращения и констатирует, что «эволюция письма в тексте как одном из самых влиятельных категорий постмодернизма осуществлялась через литературу» [50, с. 180]. Демонстрируя разницу в понятиях «письма» и «текста», она утверждает, что письмо представляет собой процесс, а текст – результат. Литература является связующим звеном и прародительницей современных текстов. Текст в постмодернизме К.Б. Заболотная характеризует как «пустую форму с определенными принципами организации» [50, с. 183]. В то же время пустая форма способствует генерации новых смыслов, т.к. не подвержена никакой идеологии или диктату. Новые принципы организации текста отрицают привычную классическую форму подачи материала. К.Б. Заболотная сравнивает текст с водой в сосуде, который также принимает форму читателя, как вода форму сосуда. Такой способ позволяет тексту оставаться наедине с читателем. Подобное преобразование текста и отношения к тексту не могло не повлиять на бытие культурную память. Значительно возросло количество текстов автобиографического характера. Таким образом, можно зафиксировать выделение роли отдельных воспоминаний в общем массиве культурной памяти.

Идея смерти автора трудно соотносилась с методикой изучения произведений в советских, а затем и российских школах. Анализ литературного произведения неизменно состояло из трех частей: первая – анализ исторической ситуации, предшествующей созданию произведения, вторая – изучение биографии автора, его взглядов на те или события и только потом третья – анализ самого произведения. Возможно поэтому, у нас существует такое понятие как общепринятая точка зрения на произведение, которая не дает возможность читателю увидеть героев собственными глазами, он видит его, во-первых, глазами автора, во-вторых, принимая во внимание «общепринятую точку зрения». Исходя из данной позиции, читателю не удается прочесть произведение самостоятельно. Над ним довлеют стереотипы, чужие мнения. Единственный путь решения проблемы – отказаться от привычного, классического написания текста и прочтения текста, а значит, и представления о классическом понимании значения и роли культурной памяти.

Авторы текстов начинают использовать новые литературные приемы, такие как ирония, игра с языком, использование цитат, роман-комментарий, черный юмор, фрагментарность, коллаж, парадоксы. Первым постмодернистским произведением считается роман У.С. Берроуза «Голый завтрак» из-за отсутствия центрального сюжета. Он же совместно с Б. Гайсином предложил «метод нарезок», модернизировав идею, описанную Тцаром в статье «Дадаистское стихотворение». Метод предполагал три этапа: первый – нарезка различных слов и фраз из статей, журналов и т.д., второй – перемешивание слов и фраз, третий – создание нового текста из случайным образом вытянутых слов и фраз. Следствие использования данного метода – роман «Билет, который лопнул» У.С. Берроуза. Философы также воплотили особенности постмодернизма посредством своих произведений. Так, Ф. Ницше излагает свои философские идеи в афористической манере. Они лаконичны, дают возможность читателю обнаружить в них свой смысл, поразмышлять о возможных смыслах. Например, Ф. Ницше пишет: «Остережемся говорить, что смерть противопоставлена жизни. Живущее есть лишь род мертвого, и притом весьма редкий род» [92, с.3]. Похоже на вызов, требует усиленных мыслительных действий со стороны читателя, не дает готового ответа. Подобная философская «вольность», безусловно, вызывала критику со стороны классических философов (В. Нестле, В. Соловьев), однако имела и своих последователей. Дж.С. Фоер [165] выпустил книгу под названием «Дерево кодов» (Tree of codes), где каждая страница содержит несколько слов вразброс, с пустотами. Сквозь них видны слова следующей страницы. В итоге, чтобы прочесть книгу и понять смысл прочитанного, читателю необходимо пробраться сквозь нагромождение разных слов. Автор уверен, что смысл у каждого читателя будет свой. Х.Л. Борхес завораживает читателей манерой представлять вымысел как комментарий к чужим книгам [26]. Продолжателем такого жанра становится В.В. Набоков. Его роман «Бледный огонь» [89] называют псевдопародийным комментарием. Х. Кортасар и М. Павич снабжают свои романы («Игра в классики» [67] и «Хазарский словарь» [95] соответственно) руководством по чтению текста. С. Лем [72] публикует сборник «Абсолютная пустота», который состоит из рецензий на несуществующие произведения. Дж. Барнс [14] публикует книгу «История мира в 10 ½ главах», действие в которой происходит в разное время. Рассказы объединены общим мотивом, но описаны не в хронологическом порядке. Братья Стругацкие [90] публикуют научно-фантастическую повесть «Трудно быть Богом».

Таким образом, читателю предоставляется возможность не просто воспринять текст, а интерпретировать его без учета авторской идеи. Это связано с тем, что характерной чертой постмодернизма можно считать всеобщий плюрализм. Однако в таком случае текст теряет идеологическое значение. С другой стороны, к бесспорным заслугам Р. Барта можно отнести то, что он раскрыл взаимосвязь памяти и текста. Структурный анализ текста, проведенный Бартом, ввел его в общую семиосферу культуры.

Структурные изменения текста повлияли на восприятие культурной памяти. Текст утратил свою стабильность, достоверность. Культурная память в текстовом выражении также перестала быть незыблемой. Таким образом, постмодернизм внес значительный вклад в процесс трансформации текстового бытия культурной памяти.

Постмодернистский текст выступает как открытая структура, он доступен для интерпретации. Как следствие, интерпретации подвергается и культурная память. Читатель становится участником творческого процесса [141, с. 11]. Текст «предстает многоуровневым произведением и потенциально содержит несколько вариантов своего прочтения» [108, с. 162]. В нем сознательно отсутствует завершенность, создается ощущение, что это лишь фрагменты чего-то целого. Задача читателя – собрать части воедино, в нужном порядке для осознания смысла. Поэтому в результате каждый читатель создает собственное произведение. Понимание прочитанного зависит не от идеи автора, а от миропонимания читателя. Несомненным преимуществом такого рода текстов является их многоуровневая организация, расчет на любого читателя – от элитарного до массового. Текст подстраивается под читателя, а не наоборот, что в свою очередь создает эффект симулякра, о котором писал Ж. Бодрийяр. Постмодернистский текст несет в себе ощущение закодированности. Не всем удается разгадать код с первого раза, тогда

читатель возвращается к тексту повторно, перечитывает и воспринимает его как совершенно новый. Иногда текст напоминает паззл, который необходимо собирать из фрагментов, самостоятельно определяя, с чего начать. Недостатком такой вариативности является соотношение текста и реальности, т.к. текст перестает быть отражением социокультурной реальности. Он становится «механизмом, производящим возможные миры ...» [141, с. 432] и абсолютному произволу со стороны участников коммуникативного акта [108, с. 164]. Этот же недостаток справедлив при анализе текстов культурной памяти. Память, как и текст, становится фрагментарной, похожей на паззл. У автора также есть возможность сложить элементы памяти исходя из собственных установок, иногда кардинально меняя отношение к прошедшим событиям. Так, герои отечества становятся «врагами народа» и наоборот.

В работе «Удовольствии от текста» Р. Барт сравнивает текст с телом человека. Тело в данном случае воспринимается как источник наслаждения. Автор поставлен в позицию некоего соблазнителя. Согласно концепции Р. Барта, если текст писался автором без наслаждения, вряд читатель получит удовольствие. Текст – это пространство наслаждения [15], которое объединяет автора и читателя. «Письмо – это вот что: наука о языковых наслаждениях, камасутра языка». Мерилом удовольствия от текста считается момент, когда «тело начинает следовать своим собственным мыслям» [15, с. 264]. Таким образом, существует тело, которым управляет человек (хозяин тела), и другое тело, которое может действовать самостоятельно в ситуации наслаждения, полученного от чтения текста. Р. Барт проводит параллель между тем, как мы изучаем человека и читаем текст. На первый взгляд, совершенно разные действия. Однако есть люди, на которых взгляд практически не останавливается. Мы их почти не замечаем даже, если находимся вблизи. Существуют также люди, от которых мы не можем отвести взгляд, тщательно изучая. То же происходит с текстами. Одни тексты мы пролистываем, почти не вникая в содержание. Другие тексты вызывают в нас неописуемые эмоции, фантазийные образы, притягивая к себе словно магнит. Секрет данного сравнения может крыться в природе человеческого существования. Человек,

по сути своей, тяготеет к общению, т.к. он есть существо социальное. Именно процесс коммуникации доставляет человеку наслаждение. В этом смысле и текст, и другой человек являются источниками общения, а, значит, и потенциальными источниками наслаждения. Человек испытывает потребность в общении, и этим он отличается от животного. При этом его интересуют обе стороны общения – и говорение, и слушание. Текст, лишенный авторства, позволяется человеку раскрепоститься, открыться новым смыслам, именно это будет близко к позиции говорящего. Это подталкивает его на размышления, внутренний монолог.

М. Фуко анализирует ценность присутствия автора. Он утверждает, что «понятие автора конституирует важный момент индивидуализации в истории идей, знаний, литератур, равно как и в истории философии и наук» [130, с. 12]. Заметим, что в настоящее время подобный вопрос практически не возникает в философской среде. Скорее наоборот, не обращая внимания на принцип интертекстуальности, люди все чаще говорят о понятии «интеллектуальной собственности», отстаивают собственные идеи, частично заимствованные у предков. М. Фуко отмечает, что постмодернистскому отказу от автора, предшествовал период, когда жизнь автора читателей интересовала больше, чем героев его произведений. В этом случае авторитет автора господствует над текстом, от чего текст, безусловно, многое теряет. Текст без влияния автора позволяет читателю обратиться к своему внутреннему миру, отказаться от внешнего диктата автора.

М. Фуко сравнивает письмо с «игрой знаков» [130], которая упорядочена, с одной стороны, «означаемым содержанием», с другой стороны, «природой означающего». Границы письма постоянно подвергаются различного рода испытаниям. Это и есть игра, в которой письмо играет то по своим правилам, то переходит на сторону соперника, играя по предложенным правилам. Фуко также упоминает родство понятий «письма» и «смерти». Ведь именно текст дарует людям «бессмертие», он позволяет остаться в памяти поколений событиям, людям, победам, трагедиям. Отмечая необходимость присутствия автора в тексте, М. Фуко задается вопросом о том, что есть произведение. Ответ он видит в единстве произведения и автора, т.к. именно автор создал данное произведение. «Слово «произведение»

ние» и единство, которое оно обозначает, являются, вероятно, столь же проблематичными, как и индивидуальность автора», констатирует М.Фуко, давая понять, насколько проблематично убрать автора из произведения. Он воспринимает автора как «функцию», которая «характерна для способа существования, обращения и функционирования вполне определенных дискурсов внутри того или иного общества» [130, с.13]. Таким образом, автор в качестве функции имеет возможность избежать своего устранения, что спасает читателя от некой дезориентации [130].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что человечество не готово отказаться от авторства ни в ближайшее время, ни в обозримой перспективе. Однако автор перестал быть ключевой фигурой произведения. Он стал «скриптором», который не влияет на своего читателя, не вмешивается в его восприятие текста. Постмодернизм оживил интерес к тексту, придав ему дополнительный импульс к развитию, и обозначив новые подходы к его восприятию. С другой стороны, текст во много теряет свою романтическую составляющую. Произведение (сродни произведению искусства) замели сухим словом «текст». Данные подходы сформулировала в своем исследовании А.Р. Усманова, анализируя постмодернистские тексты, одной из их характерных черт называет отсутствие цели и центра [126, с 67], отмечая примат формы над содержанием текста. Основной задачей автора видится желание уйти от традиционного восприятия текста. Сама идея, связанная с содержанием написанного, является второстепенной. Произведение такого характера захватывает своим нестандартным подходом, но не вызывает потребности перечитывать его снова и снова. Такое состояние текста можно сравнить с ультрамодными тенденциями. Когда замечаешь что-то неординарное, восхищаешься автором, произведением, но спустя некоторое время приходит пресыщение и потребность вернуться к классике. Текст, в котором нет нумерации страниц, отсутствуют заголовки, может быть увлекательным лишь на короткий период времени.

Второй чертой современного текста А.Р. Усманова называет «множественность смысла». Текст становится открытой структурой в самом широком смысле этого слова. Он не поддается никакой систематизации, иерархизации или струк-

турированию. [126, с. 70]. В соответствии с позицией постмодернизма текст изучается в рамках такой теоретической операции, как деконструкция, который не является ни критикой, ни методом, ни анализом. Однако именно деконструкция позволяет по-иному взглянуть на текст, не обращая внимания на общепринятые варианты прочтения, а отыскивая то, что может быть скрыто в деталях, то, что может обогатить текст, придать ему новые смыслы. Само понятие «деконструкция» несет в себе разрушительный, негативный импульс. Однако он скорее направлен на разрушение стереотипа мышления.

Третья черта современного текста А.Р. Усмановой определена как отсутствие четкой границы между оригиналом и копией, «сами понятия «оригинал» и «копия», окончательно дезавуированы» [126, с. 62]. Сегодня трудно определиться с авторством многих трудов, особенно это касается художественных произведений, археологических находок и научных трудов. Такие понятия, как аутентичность, уникальность, оригинальность, подлинность теряют свое первоначальное значение и свою требовательность «уважения» к первоисточнику. Современное общество потребления расставляет приоритеты. Важной составляющей становится идея, смысл сказанного или написанного, а не авторство, точнее первоисточник. Однако сама потребность в наличии оригинала сохранилась. Поэтому так распространены ситуации, когда за подлинное произведение выдают ее копию. Для археологии, культурологи это стало обычной практикой. Подобная ситуация наблюдается не только в текстах, артефактах, но и в политических, идеологических или культурных отношениях. В качестве примера, можно привести случаи, когда одни государства пытаются подчинить себе другие. В качестве оправдания они стремятся средствами культуры «воссоздать» идею о былом величии внутри собственной страны, используя в качестве инструмента музеи, библиотеки, архивы, выставки, медиа сервисы, Интернет. Однако именно «благодаря этим ассимиляциям, подделкам, копированию и подражанию у нас все еще сохраняется чувство истории» [126, с. 67]. Проблему оригинальности А.Р. Усманова видит гораздо глубже. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, общество требует подлинника, борется с плагиатом, открыто заявляет о нетерпимости к подделкам;

с другой стороны, встает вопрос о том, как быть, если оригинала, по определению, не существует, или он существует условно. Например, древние картины в музеях постоянно реставрируются, чтобы посетитель мог насладиться культурным зрелищем. Однако если провести тщательное изучение подобной картины на выявление процента подлинности, то может выясниться, что картина уже давно из подлинника превратилась в свою копию. Отсюда можно сделать вывод о риторичности вопроса об оригинальности не только картин, но и текста. Ни один текст не создается в изоляции с другими текстами. Так или иначе, они находятся под влиянием автора и эпохи, значит, не могут претендовать на истинную подлинность. Таким способом можно объяснить связь текста и памяти, а инструментом для данной связи может служить интертекстуальность. Если рассматривать глубже, именно интертекстуальность дает новый импульс уже имеющимся, устоявшимся традициям, сюжетам. Обращаясь к истории, можно привести пример того, как византийская культура существенно обогатила культуру Древней Руси. Ю.М. Лотман называет подобное обогащение диалогом, в котором выделяет соответствующие этапы. Сначала тексты одной культуры проникают в память принимающей культуры. Им нужно время для того, чтобы ассимилироваться в сознании, пройти этап осмысления. На следующем этапе чужая трансформируется, в результате чего «чужое становится своим (...), часто коренным образом меняя первоначальный облик» [80, с. 123].

Мир меняется. Если пару десятилетий назад человеку важно было увидеть этот мир, потрогать его своими руками, попробовать на вкус, то сегодня благодаря развитию дигитального канала тенденция смещается к тому, что человеку важно увидеть и осмыслить. Практическая составляющая восприятия мира отходит на второй план. Отрицательной стороной подобных изменений можно считать общую тенденцию ухудшения памяти отдельного человека. Большой объем, а также почти безграничный и быстрый доступ к информации в виртуальном пространстве способствуют тому, что человек часто не видит необходимости запоминать информацию (ленится запоминать). Вся информация представлена на внешних носителях, к которым мы обращаемся, если возникает потребность. Од-

нако культурная память не может существовать вне человека; она передается от поколения поколению, а не от компьютера компьютеру. В связи с этим, в вопросе сохранения культурной памяти возникают новые задачи. Текст должен соответствовать тенденциям существующего времени, чтобы у человека была потребность снова и снова обращаться к нему и тем самым сохранять культурную память.

Как видно, текст — это сложное, многогранное явление культуры. Независимо от формы существования, он был и остается динамично развивающейся структурой, что в значительной мере влияет на трансформацию содержания культурной памяти. Изменения, которые претерпевает текст, тесно связаны со способом восприятия человеком мира. Аудиальный способ позволил человеку воспринять мир через мифы, сказания. Письменные и печатные тексты соответствовали визуальному способу восприятия действительность. Сегодня происходит следующий этап изменений способа восприятия информации, что также сказывается на бытии культурной памяти.

2.2. Символическая сущность культурной памяти

В данном параграфе представлен анализ природы символа как формы культурной памяти по трем аспектам: определение символа с позиции феноменологических и герменевтических исследований; выявление уникальных характеристик символа; определение роли и места символа в пространстве культурной памяти.

Символ является сложным и насыщенным понятием. С одной стороны, символ может являться источником познания, с другой стороны, он способен содержать в себе некий код культурной памяти. В рамках данного диссертационного исследования предпринимается попытка исследовать символ как источник для прочтения кода культурной памяти.

В попытке понять и интерпретировать значение какого-либо символа, происходит неизбежное столкновение с идеями, которые находятся за пределами логики (К.Юнг «Человек и его символы»). Идея символа развивается в работах античных философов (Платон, Фалес). Первоначально символ был связан с обоснованием религиозных ценностей, т.к. позволял богословам объяснять необъяснимое, божественное, потустороннее.

В монографии «Проблема символа в философии» С.Г. Сычева представила подробный анализ становления и развития символа как философского понятия посредством работ Ж. Делеза, А. Уайтхеда, М. Мамардавшили и т.д., показав символ с позиций негативных и позитивных концепций. «Одна концепция описывает символ как средство познания мира и универсальный предмет культуры» другая — как онтологическую реальность, антикультурную, разрушающую культуру или разрушаемую культурой» [118, с. 8]. В диссертационном исследовании предпринята попытка показать, что негативные концепции способны не только обладать положительными свойствами, но и продуцировать положительный результат своего существования. Следовательно, такая концепция не может иметь антикультурную направленность.

В рамках диссертационного исследования символ выступает как сложный культурный феномен, являющийся результатом творческой деятельности человека. Отличительными чертами символа можно назвать его мобильность, трансцендентный характер, посредничество между духовной и материальной компонентами современного мира. В качестве духовной составляющей выступает сама культурная память, т.е. прошлое. В качестве материальной – мир настоящего.

Символ, имея определенную соотнесенность со знаком, часто с ним и отождествлялся. Как средство познания он «трактуется в диапазоне от понимания символа как знака — универсального инструмента познания мира (А. Лосев) до наделения его всеобщей функцией творчества и познания культуры (Э. Кассирер)» [118, с. 8].

Значение символа как знака в чистом виде давно оспаривается мыслителями (А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Ф. Соссюр и др.). Наиболее распространенным объяснением различий между данными терминами является то, что знак часто обозначает простые (материальные) объекты, а символ используется на чувственном уровне. Еще одно существенное отличие символа от знака заключается в том, что со временем символ может менять свое значение. Примером для иллюстрации

данного утверждения может послужить такой объект, как автомобиль. Около 100 лет назад автомобиль считался символом роскоши, его могли себе позволить единицы. Позднее символом роскоши стал не автомобиль сам по себе, а редкие эксклюзивные модели. Сегодня мы скорее используем цитату из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» [52], размещенную на лозунге по случаю автопробега «Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения», воспринимая данный вид транспорта как жизненную необходимость. Таким образом, автомобиль из символа роскоши трансформировался в символ необходимости. Трансформация символа произошла и в пространстве культурной памяти под влиянием современных тенденций.

Э. Кассирер дает сравнительную характеристику символу и знаку, обращая внимание на то, что «Подлинно строгое и точное мышление всегда опирается на символику и семиотику» [56, с. 22]. По его мнению, любой «закон природы» можно объяснить с помощью специфических знаков. Однако их создание не всегда относиться к области научных знаний, этот процесс прослеживается в различных формах духовного творчества, которое в свою очередь продуцирует символический мир [56, с. 22]. Из вышесказанного можно сделать вывод о совместном характере деятельности символа и знака в процессе познания мира, в котором символ представляет творческий аспект, а знак – прикладной.

Человек использует текст (устный или письменный) для передачи осмысленного сообщения. «При этом помимо слов-символов, которых так много в любом языке, часто применяются слова-обозначения, или своего рода опознавательные знаки, не являющиеся строго описательными» [146, с.11]. Такими словами он называет общеизвестные названия, например, торговые марки или принятые во всем мире сокращения, которые сами по себе значения не несут, но стали определенным знаком. Так, аббревиатура ООН стала понятным знаком, однако отдельно буквы обозначенной аббревиатуры подобного смысла не передают.

Выражая свою концепцию символа, А.Ф. Лосев замечает, что иногда понятие «символ» используют для отображения вполне реальных объектов или явлений. Например, говоря о падении листьев с деревьев как символе осени, происхо-

дит некая подмена понятий, т.к. в данном случае, речь скорее идет о примете, чем о символе. Символ же является чем-то неосязаемым, хоть и вполне упорядоченным феноменом. «Он содержит в себе всегда какую-то идею» [77, с. 25] в упорядоченном виде. По мнению А.Ф. Лосева для появления символа важна не только внешняя сторона вещей, явлений или событий, но и внутренняя. Причем последняя должна быть эмоционально окрашенной (эмоционально напряженной). Так, немая сцена из Ревизора Н.В. Гоголя может быть расценена как «символ ужаса и неожиданности», потому что писатель подробно остановился на этой сцене, придав ей эмоциональную напряженность, яркость. Но, если представить себе абстрактную комнату с некими людьми в ней, находящимися в различных позах, то понятие символа (ужаса и т.д.) к нему уже трудно применимо [77].

Объясняя разницу между символом и знаком, А.Ф. Лосев предлагает абстрагироваться от «чистой мыслительности и грамматической правильности» [77, с. 21], не принимать их во внимание. Знак должен соотносился с действительностью и обозначать определенный предмет.

Сравнивая понятия знака и символа, мыслитель приходит к важному выводу, что знак, который получает множество значений, переходит в категорию символа. Таким образом, «символ есть развернутый знак, но знак тоже является неразвернутым символом, его зародышем» [77, с. 105]. Соответственно, те свойства, которыми обладает знак, присущи и символу. В культурной памяти знак часто становится графическим отображением символа.

Ю.М. Лотман предполагает два подхода толкования символа: символ может выступать как знак, когда речь идет о рациональном аспекте мировосприятия; в другом случае он выступает как накопитель памяти.

Типология символов является отдельной главой книги «Проблема символа и реалистическое искусство» у А.Ф. Лосева. В данной работе А.Ф. Лосев выделяет и обосновывает типы символов: научные, философские, художественные, религиозные, внешне-технические, идеологические, побудительные, человеческие выразительные, мифологические [77, с. 155-165].

Э. Сепир [107, с. 205-207] различает 2 типа символов: «референциональные» и «конденсациональные». К первой группе он относит устную речь, письмо, национальные флаги, т.е. те символы, которые используются осознанно, «в качестве экономного обозначения» [107, с. 205]. Конденсациональные символы получили данное название из-за «сжатой формы заместительного поведения для прямого выражения чего-либо» и связаны с эмоциональной сферой. На наш взгляд, данная концепция близка к идее Ю.М. Лотмана о разделении символов на рациональные и иррациональные.

Н.Н. Рубцов различает символы по способу выражения: графические, пластические, дискурсивные, операционные и процессуальные [104]. Однако в данной типологии можно также заметить некую подмену символов знаками.

И.А. Авдеенко сделал попытку представить «тематическую классификацию символов» [3, с. 50], где также символы представлены скорее как объединяющее понятие, вмещающее в себя приметы, знаки, указания и т.д.

Символ помогает описать нечто неявное, что не поддается простому объяснению, но нуждается в презентации прошедшего явления. Он не является материальным объектом, поэтому его легче всего использовать для описания нематериальных феноменов. Символ культурной памяти представляет собой подвижное, подстраивающееся под предложенную ситуацию явление, поэтому может исчезать, уходить в забытие, но при необходимости возвращаться в повседневный обиход. Причиной изменения характера и содержания символа являются тенденции развития общественных отношений, представленных в форме установки существующего политического режима, фешн-трендов, медиа политики. Символ культурной памяти может изменять свое первоначальное значение, трансформируя не только смысл символа, но отчасти и воспоминания. Так, в XVIII веке была учреждена георгиевская ленточка как символ храбрости во благо Российской империи, которая воспроизводила цвета государственного флага того времени. В первой половине XX века ленточку использовали русские эмигрантские организации как символ борьбы с большевистским режимом. В годы Второй мировой войны георгиевская ленточка стала символом мужества при защите Отечества уже в Советской России. Так, георгиевская ленточка как символ культурной памяти русского народа смогла преодолеть политические разногласия, став памятным символом для противоположных режимов. Это дополнительное подтверждение того, как символы культурной памяти вплетены в историю. Кризисные времена требуют участия культурной памяти в преодолении трудностей, лишений, страха смерти отдельного народа. Справиться с ними помогают символические атрибуты культурной памяти, - то, что связывает, а значит, сплачивает общество в трудные времена и помогает выжить.

Таким образом, можно предположить, что символ формируется в настоящем и под влиянием общественного мнения, созданного с целью манипулирования сознанием людей или в результате чрезвычайных событий как трагических, так и триумфальных.

До XX века символ чаще всего воспринимался как знак во многом благодаря словарям, которые ограничивались только этим значением без каких-либо пояснений. Постепенно ситуация менялась, значение символа становилось шире, но от этого и более абстрактным и трудно объяснимым. Разные научные области используют данный термин по-своему. Так, символ присутствует в математике, используется в политике, исторических науках, журналистике, философии, культурологии. В повседневной жизни мы также по-разному воспринимаем данный термин. Иногда значения бывают прямо противоположными. Подтверждением данного тезиса может стать выражение «совершать что-либо символически». С одной стороны, оно может означать «делать что-либо «чисто символически», т.е. не всерьез». С другой стороны, эту фразу можно воспринимать как символический поступок, т.е. не обычное деяние, а со смыслом.

Подтверждение, когда символ сначала теряет свою значимость, а потом возвращается, можно найти на примере понятия «дом» в условиях российской провинции. Изначально на Руси дом служил символом обители человека, отождествлялся с родом, храмом и т.д. Человек стремился построить собственный дом, тогда можно было думать и том, чтобы завести семью. В советский период дом утратил свой сакральный смысл, превратился в безликие квартиры, став символом

необходимым, но не священным. В это время он даже получил свое второе имя — «коробка», название с явным пренебрежительным оттенком. Сегодня ситуация изменилась, во всяком случае в городах, далеких от российских мегаполисов. Люди стремятся из квартир «перебраться» за город в собственный дом, т.к. именно он теперь выступает как символ стабильности, оседлости. Человек, который построил дом, способен вызвать доверие у окружающих. Это напрямую связано с культурной памятью общества, которое использует тот или иной символ. Символ, который сначала способствовал формированию определенной идентичности, был олицетворением стабильности земного бытия. Позднее стал терять свою «силу», ослабевать, превращаться в небытие (когда предмет оставался, а символический характер утрачивался). Следующим этапом стало возвращение предмету (дому) прежнего символического значения. В данном случае можно говорить об еще одной способности символа, - способности иметь цикличный характер благодаря присутствию культурной памяти, которая сохраняет связь предмета и символа.

Данные примеры наглядно показывают, что символ — это подвижный социально-ориентированный феномен. Он тонко чувствует и быстро реагирует на изменяющуюся ситуацию в обществе и полностью зависит от заданных ему пространственно-временных параметров.

С одной стороны, символ выполняет описательную функцию (поясняет значение того или иного явления, объекта), с другой стороны, он эмоционально окрашен. Две данные составляющие не являются постоянными или равнозначными. В разное время один из аспектов (описательный и эмоциональный) обычно доминирует над другими, потом происходит смена ролей.

Символ, как форма бытия культурной памяти, находится *как бы* над природой вещей, проникая во все сферы жизнедеятельности человека, являясь неотъемлемой частью культуры, и расширяя свое влияние вместе с тем, как человек распространяет свое влияние на природу. Такой процесс влечет за собой еще одну тенденцию — многозначность символа. С тех пор, как мир перешел на товарноденежные отношения, понятие «деньги» стало обрастать разными символами. Сегодня деньги — это символ богатства, успеха, «открытых дверей», а также символ

зла. Таким образом, деньги могут символизировать нечто как позитивное, так и негативное. Многозначность символа во многом зависит от ассоциаций, которые может вызывать символизируемый объект, иногда опираясь на реальные жизненные ситуации, а иногда используя художественный вымысел автора произведения. Для примера можно привести имена, используемые в качестве символа. Че Гевара – символ революции, борьбы за свободу. В качестве символа используется имя реального человека. Обломов – символ лени. В данном случае символом служит вымышленный персонаж из одноименного романа И.А. Гончарова [38]. В продолжение сказанного последний символ является также прародителем целого комплекса символов. После публикации романа и анализа его героев и описанных ситуаций в повседневный обиход вошел еще один символ – «обломовщина» - символ скучной, пустой жизни.

При ближайшем рассмотрении данного вопроса, становится ясно, что каждая эпоха стремилась самостоятельно сформулировать специфику понятия «символ», ее роль в жизни человека, а также использовать символ с целью прочтения кода культурной памяти. ХХ век, полный военных потрясений, террористических угроз, сам стал символом утраты веры в разумность бытия.

Рассмотрение символа с теологических позиций предопределяет его божественный смысл, позволяющий открыть сущность *необъяснимых* явлений, принцип мироздания. Опираясь на данную концепцию, символ можно определить как инструмент познания всего иррационального и расшифровки кода культурной памяти. В случае с религией, символ олицетворял собой идею Бога, вложенную в уста *простых смертных*.

Психологическая трактовка символа также существенно влияет на восприятие его как способ познания себя в мире, что невозможно без обращения к прошлому, к памяти.

В книге «Человек и его символы» К. Юнг дает описание символа, связывая природу его существования с подсознанием человека. Символ он описывает как «образ, обладающий помимо своего общеупотребительного еще и особым дополнительным значением, несущим нечто неопределенное, неизвестное» [146, с. 11].

В качестве примера он приводит индуса, который после поездки в Велико-британию делился впечатлениями о путешествии, рассказывая о почитании британцами животных, т.к. он видел изображения животных в церквях. Однако при этом он не знал, что животные символизируют авторов Евангелия. Эта история, по мнению К. Юнга, наглядно доказывает, что отдельные названия, образы, предметы могут иметь дополнительный смысл, который превращает их в символы. Это может служить основой и для культурного обогащения общества и оказывать существенное влияние на общественную память.

Мы стремимся наделять слова символами как в повседневной жизни, так и в научной. Иногда символ описывает качества определенного предмета. Например, предмет приобретает свой дополнительный смысл в символе, а позднее становится флагманом рекламной кампании. Так, яйцо, являясь символом жизни, обновления, источником происхождения, становится ярким примером использования символьной природы предмета для продвижения компании. Иногда символ приобретает «божественную» окраску и основывается исключительно на вере, игнорируя доказательство фактами. По мнению К. Юнга, мы «прибегаем к символической терминологии для обозначения понятий, определение или точное понимание которых нам не подвластно» [146, с. 12]. В рамках идеи сохранения культурной памяти данный прием необходим в целях восполнения неких пробелов, которые неизбежно возникают, когда мы начинаем вспоминать далекое прошлое наших предков. Это позволяет сохранить не только целостность воспоминаний, но и препятствует уходу прошедшего события в забытие.

К. Юнг утверждает, что изобретение символов связано не только с сознательной деятельностью человека, но и с работой его подсознания, в частности, с его сновидениями. Избегая погружения в психологические исследования, остановимся на сознательной стороне вопроса. Вывод, с которым автор полностью согласен, что природа символов носит искусственный характер. Человек, исследуя мир и окружающие его предметы, придает им собственный смысл и оформляет в виде символа в соответствии с собственным духовным миром. Чем понятнее значение символа для современника, тем ближе ему становиться содержание куль-

турной памяти и тем больше потребность в исследовании прошлого. Следовательно, объяснительная компонента символа нуждается в постоянной корректировке, следуя за изменениями, которые происходят в обществе.

Можно также предположить, что данный тезис является ключом к разгадке причин и характера трансформации понятия символа в культурной памяти. Одни символы теряют свое значение или значимость, другие приобретают новый импульс, а в основании этих преобразований находится человек, который тоже меняется. Меняется его представление о мире, меняется характер его деятельности, его потребности, даже страхи. В качестве примера можно привести домового — символ хранителя дома. Домовой имеет мифологические корни, в свое время являлся значимым символом. Это была борьба со страхом, в данном случае со страхом потери дома, основании для мирной, плодородной жизни. Со временем изменились обстоятельства, дома; появилось понятие квартиры, которую можно продать, купить или обменять. Это не могло не повлиять на отношение к домовому как символу. Символ, основанный на вере, а не на фактах, потерял свою значимость.

Ж. Лакан отводит языку главенствующую роль, подчеркивая, что именно язык, речь делает человека человеком. Он связывает понятие языка и бессознательного, определяя их связь как «структурированную сеть (символических) отношений».[27, с. 227].

В исследованиях Ж. Лакана творческая функция речи представлена как функцию символического, «первичного по отношению к бытию и сознанию» [27, с. 227]. Речь является в его понимании источником креативности, именно она порождает не только понятия, но и сами вещи. Таким образом, какая-либо вещь начинает существовать тогда, когда язык придумает для нее символ. Значит, о вещи мы узнаем после того, как она получила имя, обрела символ. Именно поэтому Ж. Лакан считает, что символ предшествует осознанию наличия вещи. Согласно его концепции важную роль играет не взаимосвязь между вещью и человеком, а взаимодействие между людьми, которые в процессе общения, анализируя собственные ощущения, обращаясь к культурной памяти общества, выводят вообра-

жаемые образы в реальность с помощью символического преобразования. Таким образом, «символы формируют реальность, выстраивают ее согласно нормам культуры» [27, с. 228]. Так происходит процесс познания человеком окружающего мира и расшифровки тайн, детерминированных символической сущностью культурной памяти.

Символ также рассматривается с культурологических и философских позиций. Традиционный подход анализа символа в культурной памяти определяет его как культурообразующий феномен. Базовыми работами с этой точки зрения можно считать труды Э. Кассирера, Ж. Лакана, А.Н. Уайтхеда. В России А.Ф. Лосев публикует работы по исследованию античного символизма. Он определяет символ как «субстанциальное тождество идеи и вещи» («Очерки античного символизма и мифологии»). Диссертационное исследование также опирается на работы Ю.М. Лотмана, издавшего целую серию статей по семиотике культуры и искусства; Ж. Лакана, представляющего символ в качестве связующего звена между психикой человека и культурой. Вышеназванные авторы объединены общей идеей о том, что символ признается значимым фактором в социально-культурной сфере.

Одним из выдающихся философов на рубеже XIX-XX веков, обратившим внимание на знаковый характер культуры, считается Э. Кассирер. В работе «Философия символических форм» он описывает отличие человека от животного. Человек способен создавать символы и оперировать ими, животные — нет. Поясняя данный тезис, он обращается к функциям человека, говоря о том, что они у него гораздо шире, чем у животного. Посредством символов «человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде» [56, с. 24]. Человек существует в несколько ином измерении, именно благодаря формирующейся у него символической системе. Она воздействует на способ мышления как способ познания мира, т.е. является важной составляющей человеческой жизни. Однако сформированная символическая система, являясь приобретенной человеком, не может быть отчуждена от него. Человек, желает он того или нет, живет в двух универсумах — физическом и символическом. Э. Кассирер также предположил, что по мере того, как растет символическая деятельность человека, физическая реальность отдаляется

от него. Важный, на наш взгляд, тезис, сформулированный почти век назад как теория, сегодня можно наблюдать в связи с распространением сети Интернет и вообще компьютерных технологий. В XXI веке символический мир представлен гораздо шире, чем физический. Описание Э. Кассирером человека, погруженного в символический мир, подходит под описание современного человека, отказывающегося следовать установленным правилам, и стремящийся в мир иллюзий, эмоций, собственных фантазий и грез, воплощенный в виртуальном пространстве.

Э. Кассирер «полагал, что не только разум открывает ворота к познанию действительности» [5, с. 217], путь к познанию возможен при объединении всех компонентов - логического мышления, мотивации, чувств и т.д., что позволит человеческому духу найти дорогу к действительности и почувствовать реальность бытия. Именно символ способствует этому объединению. Символ способен раскрыть «сущность человеческого сознания — его способность существовать и функционировать через синтез противоположностей» [5, с. 219].

Символическими формами Э. Кассирер называл миф, язык, религию, искусство, технику, право, экономику и историю. Все эти формы составляют единое целое, не могут существовать изолированно друг от друга благодаря тому, что в основе этих форм находится творческая деятельность человека.

Утверждая, что человек является «символическим животным» Э. Кассирер стремится показать не только разницу между животным и человеком, но и весь эволюционный путь развития человечества через его способность к символизации. Таким образом, можно делать вывод о том, что «смысл человеческого существования» также определяется в «формах собственной творческой деятельности человека в мире культуры» [5, с. 227].

Символ как неотъемлемая часть культуры рассматривался и русскими мыслителями. Отличительной чертой русской философской мысли можно считать идею об ограниченности точных наук, которые неспособны объяснить мир как целое, ограничивая предмет познания. По их мнению, жизнь познается не через науку, а через творческую деятельность, теургию. Таким образом, объяснить все мироустройство только с помощью логики невозможно, для этого необходимо

использовать идею символов. «В процессе творческой деятельности символы становятся реальностью и дают повод для возникновения мифов, выражающих истину в форме образов» [61, с. 336].

Понятие символа через творческую деятельность человека рассматривает и Н.А. Бердяев. Он представляет идею о вторичности материального мира и примате духовности. Проблемы символа Н.А. Бердяев анализирует в рамках концепции культуры, которая непосредственно связана с понятиями творчества и свободы. Рассуждая о символической природе культуры, Н.А. Бердяев предположил, что именно символ является движущей силой, стремящейся к «воплощению и созданию более совершенного бытия» [5, с. 227]. Мыслитель также усматривает наличие двух миров — феноменального (природного) и ноуменального (духовного), однако символу отдает роль посредников между этими двумя мирами, вводя понятие «реалистичного символизма». Именно он, как полагает Н.А. Бердяев, может выступить адекватным методом познания Божества, спасти религию от противопоставления разуму [17]. Если символ представить в качестве посредника между духовным и материальным мирами, то культурная память может выступать в качестве так называемой буферной зоны, где формируется и развивается символ.

А.Ф. Лосев в своих трудах «Философия имени», «Очерки античного символизма», «Проблема символа и реалистическое искусство» представляет анализ онтологического символизма, где изображает символ как одну из центральных категорий его концепции. Как и многие мыслители XX века понятие символ он воспринимал в тесной взаимосвязи с понятием языка, однако в отличие от западных философов рассматривал язык в религиозном ключе. В «Философии имени» А.Ф. Лосев пишет о силе слова, с помощью которого и выражается символ [76].

Описывая имя, он начинает со звука. Однако отрицает его главенствующую роль, называя звук лишь «звуковой оболочкой», т.к. в имени имеются еще и другие важные составляющие — морфема, этинома, пойэма и т.д., что и составляет символическое единство слова.

В наличии имени А.Ф. Лосев видит способ разумного сосуществования и возможность познания «живой энергии бытия» [76, с. 54]. Отсутствие имени он

сравнивает с пустотой, тьмой. Энергетика имени позволяет нам выражать всю палитру человеческих чувств — от ненависти до благоговения. У имени нет границ, нет предела для реализации своего могущества. Посредством имени познается мир. А.Ф. Лосев, полагает, что имя, слово, язык обладает более мощной энергией, чем любая другая вещь. Труды его пронизаны духом символического энергетизма, соединенные с традициями православия. В исследовании А.Ф. Лосев показывает путь преображения символа. Таким образом, он признает его подвижный, изменчивый характер. Обращаясь к понятию символа, А.Ф. Лосев описывает его как символ, «который именно сам себя соотносит с собой и с иным» [76, с. 54], представляя собой «абсолютное самосознание, т.е. миф». Следующий вывод, который делает философ о том, что сущность через эйдос и символ есть миф. Но первоначально символическая идея мифа выражена через имя, слово, которые становятся конечным звеном данной цепочки. Следовательно, «сущность есть имя, слово», которые олицетворяют собой весь мир, всю вселенную, все живое и неживое. «Все живет словом и свидетельствует о нем» [76, стр. 54].

Схематически путь преображения символа у А.Ф. Лосева выглядит следующим образом: Эйдос — Символ — Миф — Имя, Слово. Так, имя становится частью процесса «воплощения сущности в инобытии» [61, с. 336]. Идея символизма кажется А.Ф. Лосеву глубже и насыщеннее агностицизма или рационализма, т.к. присутствует во всем сущем и описывает все сущее. Слово выступает орудием самосознания, в конечном счете, отличающим человека от зверя. При этом А.Ф. Лосев осознает, что символ не является эйдосом. «В символе мы находим инобытийный материал, подчиняющийся в своей организации эйдосу». [76, с. 39].

В более поздней работе А.Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство» представлен анализ символа в разных его проявлениях, где он определил «структурно-семантическую характеристику символа», выделил его отличительные черты от знака, метафоры, мифа, приметы, указания и т.д., заявив, что «символ является не просто функцией (или отражением) вещи, но функция эта разложима здесь в бесконечный ряд, так что, обладая символом вещи, мы (...) обладаем бесконечным числом разных отражений, или выражений, вещи» [77, с. 9].

Чтобы охарактеризовать значение и природу символа, А.Ф. Лосев использует математическое объяснение термина «символ». На примере невозможности извлечения квадратного корня из числа два или три он показывает, с одной стороны, принцип иррациональности данных чисел, а, с другой стороны, получая «в качестве корня одну целую единицу и еще бесконечное количество десятичных знаков», он предлагает увидеть в данном процессе упорядоченность, систему. Символ тоже нельзя точно вычислить, но при этом он подчиняется определенным законам, а, значит, является системным. Еще один наглядный пример объяснения феномена символа А.Ф. Лосев приводит, используя геометрические фигуры. Когда мы смотрим на квадрат, мы легко можем увидеть (мысленно представить) диагональ данного квадрата, хотя, по сути, эта диагональ невидима глазу. Символ также состоит из трансцендентных элементов, однако видим даже для обывателя. Вместе с тем, философ поясняет, что, несмотря на соотнесение символа с математической моделью познания, в символе всегда скрыта тайна, «которую еще нужно разгадать» [77, с. 13]. То же можно наблюдать и в пространстве культурной памяти, которая предстает человечеству в форме символа и также подлежит разгадыванию. В случае с культурной памятью сложность заключается в том, что человек, живущий в реальном мире, при погружении в тайны прошлого, опирается на культурные ценности и идеи той социальной группы, в которой он находится в данный период. Виртуальное пространство позволяет исключить данное обстоятельство и сосредоточится на содержании прошедшего события.

Природу символа А.Ф. Лосев описывает через наличие в нем ноэтического, ноэматического, сигнификативного, семантического, интенционального и семиотического акта сознания. Каждый акт в отдельности не может дать полную характеристику символу, только в совокупности.

Описывая отличительные характеристики символа, А.Ф. Лосев обращается к понятиям текста и контекста, считая их взаимосвязанными элементами. Данный тезис полностью соотносится с нашим исследованием, которым мы также стремимся показать, тесное взаимодействие текста и символа как форм культурной памяти в виртуальном пространстве. Мыслитель, с лингвистической точки зре-

ния, показывает, что слово в тексте может иметь прямое, буквальное значение, а может представлять собой определенный символ через понятие контекста. Подобное утверждение полностью отражает современную ситуацию в лингвистике.

По мнению, Ю.М. Лотмана, символ является текстом, если рассматривать его, например, с содержательной точки зрения, т.к. «обладает некоторым единым замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей» [80, с. 193]. При этом подчеркивается его некая автономность, мы всегда можем отличить обычный текст от символа. Исследуя символ, Ю.М. Лотман приходит к выводу об его архаической природе. Действительно, первые символы появились в дописьменный период и были тесно связаны с мифами. Это был один из наиболее распространенных способов сохранения как можно большего массива информации в сжатом виде, т.е. сохранения культурной памяти. Данный тезис позволил Ю.М. Лотману сделать вывод о том, что «память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [80, с. 193]. Более того, для символа не существует культурных барьеров, он легко способен преодолеть любые расстояния и стать частью иной культуры. Еще одним достоинством символа Ю.М. Лотман видит в устойчивости характера символа. Символ медленнее всего подвержен изменению, в отличие от текста, который в стремлении успеть за изменениями «культурного контимуума» от одной эпохи к другой проходит процесс преобразования. Это качество символа является ключевым для сохранения культурной памяти, в т.ч. в виртуальном пространстве. В действительности, обычному человеку понять текст, созданный несколько веков назад, практически невозможно. При этом символы, сохранившиеся в культуре с древнейших времен, до сих пор понятны и употребимы. В качестве примера, можно представить себе цветовую символику. О значение цвета знали столетия назад, сегодня эти знания активно используют психологи, маркетологи и т.д.

Таким образом, Ю.М. Лотман доказывает незыблемую, прочную связь символа и памяти, определяя символ «важным механизмом памяти культуры», и закрепляя за ними способность переносить «тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой» [80, с. 191]. При

этом мыслитель подчеркивает двойственную природу символа, который, с одной стороны, является инвариантным (что дает нам возможность говорить о связи символа с памятью), с другой стороны, меняется, чутко реагируя на культурные преобразования.

Принимая во внимание вертикальную (через поколения) и горизонтальную (через государственные границы) способности сохранения символа в памяти поколений, можно сделать вывод о том, что символ является надежным источником сохранения культурной памяти не просто отдельного поколения или народа, но всего человечества в целом. Изменчивость, которая присутствует в символе и существенно дополняет его сущность, подтверждает наличие в символе фактора современности. Он отнюдь не является архаичным наследием. Напротив, природой своего существования он доказывает тезис отдельных философов, которые утверждают, что не существует прошлого, настоящего и будущего как отдельных категорий. В каждый конкретный момент человек своим существованием пронизывает все три временные плоскости, находясь одновременно в прошлом, настоящем и будущем (Дж. Барбур [150], Б. Скоу [181]). Символ также находится вне временных категорий, отражая их в совокупности.

Таким образом, исследованием подтверждается, что: 1) Символ не является вещью, он наполнен трансцендентными элементами, которые способно видеть и обрабатывать наше сознание. Символ есть упорядоченное отражение действительности в сознании человека. 2) Символ отражает действительность в сознании человека «в расчлененном и творчески преображенном виде» [77, с. 14]. 3) Творческий характер символа принуждает к активной мыслительной деятельности, т.е. разгадке истинного назначения символа в контексте современных реалий. 4) Символ, являясь сущностной характеристикой культурной памяти, обладает способностью к преобразованию в зависимости от существующих потребностей в настоящем. Это позволяет делать вывод о постоянном расширении границ значения символа.

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

3.1. Гипертекст: бытие культурной памяти в виртуальном пространстве

Данный параграф предлагает анализ трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве посредством гипертекста. Пройдя определенные стадии развития, гипертекст способен стать адекватным инструментом для сохранения и трансляции культурной памяти в будущем.

Исследование гипертекста как формы бытия культурной памяти, наиболее адекватно отражающей содержание памяти в виртуальном пространстве, обусловлено позицией автора о трансформации текста из активной формы памяти в пассивную, а гипертекста наоборот. Текст, существующий вне Интернета, трудно изменить. Текст, помещенный в виртуальное пространство, становится живым, его приспосабливают к окружающему миру, дополняют, сокращают, комментируют. В конечном итоге, он трансформируется в гипертекст, становится активной формой культурной памяти.

Таким образом, существенные изменения, во многом спровоцированные стремительным развитием науки и техники, повлияли на современное восприятие текста. Это связано, в первую очередь, с вхождением человечества в информационную эпоху. Современный человек имеет дело с постоянно увеличивающимися информационными потоками [173, с. 69]. Не имея возможности удержать в памяти всю поступающую информацию, человек вынужден сначала ее логически осмыслить, обработать, систематизировать, отсортировать ненужный в данный момент времени материал, а затем запомнить то, что осталось от первоначального объема. Если этого не сделать (или не успеть сделать), информация безвозвратно исчезает из памяти. Как возможный выход из сложившейся ситуации появляется новый способ (канал) восприятия информации — дигитальный [33, с. 181]. Он характерен для всех homo sapiens. Примечательная особенность данного канала, что

теперь у человека появилась возможность обрабатывать информацию, поступающую от органов чувств. В памяти ментального тела сохраняются впечатления, ощущения в виде логических размышлений. Люди с доминирующим дигитальным каналом - это молодежь, которая родилась в цифровую эпоху. Они живут несколько отстраненно от реального мира, они замкнуты на себе, своих внутренних переживаниях. Их мало интересует жизнь вокруг и мелкие бытовые проблемы. Они проводят много времени в Интернете в поисках важной для себя информации о прошлом и настоящем человечества и выкладывают в сеть идеи развития мира в будущем. Они же являются основными потребителями культурной памяти в виртуальном пространстве.

В исследовании гипертекст рассматривается как особая многослойная, постоянно меняющаяся структура, обладающая такими свойствами как интертекстуальность, однозначность, дисперсность, ризоморфность, мультимедийность и интерактивность. Подробное описание свойств гипертекста культурной памяти представлены чуть позже.

Термин «гипертекст» рассматривается, с одной стороны, как способ организации информации и употребляется в технических науках, с другой стороны, как культурный феномен и активно используется в гуманитарных науках. Второе значение термина было актуализировано благодаря работам Ж. Бодрийяра, Р. Барта, М. Фуко, М. Кастельса, У. Эко и др. В их работах гипертекст представлен как отражение социальной реальности.

Сам термин, пришедший в гуманитарные исследования из компьютерного опыта, прочно закрепился в лексике современного человека во второй половине XX века. Термин введен в науку Т. Нельсоном в 1960-1980е годы, в период становления и активного развития компьютерных и Интернет технологий. Хотя первая попытка описать возможности гипертекста была предпринята В.Бушем в 1945 году и оформлена виде проекта под названием «Мемех» (от английского МЕМогу Extention) [54, с. 10]. Его система именовалась «Ксанаду» (Хапаdu). Однако данная идея не получила должного распространения, отдав пальму первенства идее Нельсона. Суть гипертекста в рамках исследования культурной памяти заключа-

ется в том, что память (как и культура) состоит из фрагментов различных текстов (в т.ч. вербальных), которые рассматриваются как единое целое и коррелируют друг с другом внешне и внутренне. Задача исследователя проникнуть в суть гипертекста для прочтения определенного кода памяти.

Однако гипертекстуальный характер сакральных, литературных и исторических отмечается и в произведениях, созданных задолго до появления сети Интернет, пример в Библии, в сказке о «Приключениях Алисы в стране чудес» Л.Кэрролл и т.д.

Длительный период времени текст обеспечивал преемственное развитие научного знания о мире [25]. Как форма бытия культурной памяти он и сегодня не потерял своей актуальности. Однако с середины XX века текст подвергся ряду значительных изменений, «которые являются прямым следствием процессов, протекающих в науке, культуре, сфере коммуникации, социальных сферах» [25, с. 105]. Этому способствовали, с одной стороны, представители постмодернизма, открывшие новые возможности презентации и постижения текстов; с другой стороны, научно-технический прогресс, давший миру практически безграничный доступ к информации. Таким образом, информационные потоки увеличились в разы, и человек оказался не готов усваивать, тем более структурировать и осмыслять все полученные знания. Это касается всех научных областей. Культурная память в XXI веке является открытой системой, ориентированной на индивидуальное осмысление субъектами актов прошлого. Информация, отражающая содержание культурной памяти, также значительно увеличивается, ей необходимы принципиальные изменения, чтобы остаться значимой частью социума не только в реальном мире, но и в виртуальном пространстве. Выходом из сложной ситуации может стать развитие возможностей гипертекста.

Представляя гипертекст как одну из ключевых форм бытия культурной памяти в виртуальном пространстве, необходимо проанализировать ряд позиций: во-первых, историческое развитие гипертекста в реальном мире и в виртуальном пространстве; во-вторых, выявить основные характеристики гипертекста, а также его отличительные особенности как формы бытия культурной памяти.

Историю существования гипертекста можно условно разбить на 2 этапа: первый — до появления сети Интернет; второй начинается с ее появлением. Принято считать, что гипертекст существовал задолго до создания Интернета. Библия, энциклопедии, справочники являются аналогом гипертекста, получившие в виртуальном пространстве принципиально новые свойства (напр., интерактивность, мультимедийность и т.д.). В рамках исследования гипертекст рассматривается как часть виртуального пространства, способствующая сохранению культурной памяти.

В мире уже существуют положительные примеры активного взаимодействия культурной памяти с современными технологиями. С появлением Интернета культурная память становится неотъемлемой частью виртуального пространства. Это можно наблюдать на примере частичного и ли полного отказа издательств от бумажных версий книг, журналов, газет и т.д. Например, интернет-журнал Гефтер, представленный во всех популярных социальных сетях, издает статьи исключительно в электронном виде. Для современной молодежи это наиболее удобный способ получения информации. И это характерно не только для России. Специальный административный район Китая Гонконг в течение долгого времени являлся колонией Великобритании. В конце XX века вернул себе независимость и вопрос сохранения культурной памяти для него стоял особенно остро. До сих пор не утихают споры о том, кто такие жители Гонконга – китайцы или европейцы? Если следовать примеру некоторых бывших республик Советского Союза, логично предположить, что, несмотря на, сильный стимул в развитии, которое Великобритания дала Гонконгу, ее можно назвать захватчиком и попытаться уничтожить все воспоминания о влиянии Великобритании на Гонконг.

Однако Гонконг пытается балансировать между двумя абсолютно противоположными мирами. Он не стал ни европейским, ни азиатским районом. Гонконг гармонично сочетает в себе особенности европейских и азиатских культур, приняв этот путь как свою уникальность. С той же целью в Гонконге действуют два официальных языка — английский и китайский язык. Кто же и как заботится о сохранении культурной памяти в Гонконге? В первую очередь, университеты. Они реализуют различные государственные программы, мероприятия, проекты, исследования. Одним из таких научных проектов стал сайт «Память Гонконга» (Hong Kong Memory). Это мультимедийный веб-сайт (http://www.hkmemory.hk/index.html), который дает бесплатный и открытый вход в оцифрованные материалы по истории и культуре Гонконга. Материалы включают текстовые отчеты, фотографии, плакаты, аудиозаписи, фильмы и видео. Организаторы веб-сайта - Leisure and Cultural Services Department and Hong Kong Jockey Club Charities Trust. Последний вложил в проект 80 миллионов долларов и способствовал участию известных ученых. Сохраняя историческое и культурное наследие Гонконга, консолидация различных источников в одном ресурсе была целью создания веб-сайта. "Гонконгская Память" является специфическим ответом на программу ЮНЕСКО "Мировая память", которая призывает к тому, чтобы сохранение ценных архивных фондов и коллекций библиотеки посредством оцифровки во всем мире было защищено от коллективной амнезии. Сайт доступен для всех жителей Гонконга, который пожелают выступить в качестве автора. Для этого необходимо обратиться в университет. Таким образом, университет старается привлечь жителей к сохранению память, и в то же время гарантировать достоверность информации и качественную презентацию материалов. Данный проект может послужить локомотивом для создания подобных сайтов по всему миру. Ведь культурная память передается из поколения в поколение. Старшее поколение готово к такой передаче в любой форме, а новое поколение воспринимает мир во многом через призму виртуального пространства. Следовательно, необходимо найти способы передачи информации, приемлемые для молодежи. Этому способствуют различные современные гаджеты, которые мы активно начали использовать в образовании [119].

В России очевиден недостаток в исследованиях, посвященных развитию культурной памяти в период перехода к цифровому обществу и прогнозам возможности существования культурной памяти в виртуальном пространстве. Анализ влияния сети Интернет, электронных гаджетов, социальных сетей на общест-

во (основные исследования посвящены данной тематике) не способен отразить специфику их влияния на содержание культурной памяти.

Анализ контента российских сайтов показал, что культурная память только начинает завоевывать виртуальное пространство. Выражена данная тенденция двумя наиболее популярными направлениями. Первое реализуется через государственные гранты. Тематика отражает пиковые события культурной памяти России последних десятилетий, носящие объединяющий характер. Самым популярным событием данного направления является Великая отечественная война.

На официальном сайте Министерства обороны России содержится ссылки на четыре собственных виртуальных продукта (например, http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome или http://mil.ru), посвященных военным достижениям Российской армии. Ключевым проектом является, безусловно, Великая Отечественная война 1941-1945 гг. (например, http://www.may9.ru). Многие сайты имеют форумы, где можно выложить свою информацию (например, http://sk16.ru). Музеи и библиотеки создают архивные сайты. Министерство культуры, также как и министерство образования и науки выдают гранты под эти цели.

Второе направление отличается относительно независимым характером и связано с использованием социальных сетей. Таким образом, любой человек может внести свой вклад в сохранение культурной памяти посредством сети Интернет. Он вправе создать свой собственный сайт или действовать через популярные социальные сети. Результат подобной деятельности — огромное количество непроверенной (возможно, недостоверной) информации. Сэлфи по любому поводу, отсутствие культуры языка, и как следствие, наличие многочисленных ошибок, беспредметные переписки — все это тоже хранится в сети Интернет. Анализ контента таких социальных сетей, как ВКонтакте и Фейсбук показал, что российские пользователи менее эмоционально открыты, описывая происходящие с ними события. Они преимущественно выкладывают фото и видеоматериалы с небольшими комментариями или без них, «репостят» чужие (понравившиеся им) документы, призывают помочь нуждающемуся или

подписать петицию в защиту какого-нибудь закона или поправки. С одной стороны, они социально активны на своих страницах, с другой стороны, достаточно закрыты в эмоциональном плане, не торопятся *изливать душу*. В анализе не учитывались специально созданные (в рекламных, экстремистских и других целях) сайты.

Исследованию природы и роли гипертекста посвящены работы ученых разных научных областей. Например, лингвистика изучает влияние элементов гипертекста на структуру языка и речи; в психологии анализируется воздействие гипертекста на восприятие и понимание; герменевтика отслеживает изменение смысла текстов во время их трансформации в гипертекст. Для философии культуры важно изучить степень влияния гипертекста на общечеловеческие ценности и, как следствие, на содержание культурной памяти. Развитие возможностей виртуального пространства в данном случае имеет большое философское и культурологическое значение. Однако, являясь лишь некой оболочкой, виртуальное пространство не способно само производить какие-либо действия. Оно оказывает влияние на структуру, но не на содержание текста. Следовательно, даже находясь в виртуальном пространстве, гипертекст является отражением внутреннего мира субъекта, продуктом его мыслительной деятельности.

Следующий вопрос, который необходимо решить в рамках данного исследования, является ли гипертекст продолжением текста, состоит ли он из разных текстов или выступает как самостоятельный объект, способный передать содержание культурной памяти, трансформируя его.

А.А. Калмыков [54, с. 25] рассматривает гипертекст как «целостный текст, содержащий смыслы, раскрывающиеся при прочтении через произвольную актуализацию связей с другими текстами и с текстом социокультурной реальности в целом». Ю.И. Борсяков [25] представляет гипертекст как особую структуру, самостоятельную единицу, не являющейся простой «надстройкой над текстом». Н.А. Ахренова [13] предлагает трактовать гипертекст как подтекст или фрагмент текста. Д.В. Варыгин [30] представляет гипертекст как разновидность текста вообще. Таким образом, существуют различные позиции относительно взаимосвязи текста

и гипертекста. Многие исследователи сходятся во мнении, что гипертекст — это ряд текстов, связанных между собой определенным смыслом или смыслами. В рамках исследования культурной памяти гипертекст видится как логическое продолжение текста, которое постепенно обретает самостоятельные черты. Структура гипертекста сложна, иерархична, состоит из множества составляющих, однако представляет собой единое целое.

Если гипертекст воспринимать как трансформированный текст, то выводы герменевтики будут справедливы и при его исследовании. В случае с культурной памятью необходимо отметить, что процесс понимания и интерпретации гипертекста в виртуальном пространстве приобрел новый смысл. В реальном мире процесс восприятия часто носил условно диалоговый характер. Предполагалось наличие автора (создателя смысла), текста и читателя (интерпретатора), для последнего процесс осмысления не всегда становился гласным. Человек мог прочесть текст, проанализировать его, а автор при этом ничего не знал о результатах прочтения. В виртуальном пространстве процесс осмысления и интерпретации приобретает вид истинного диалога или даже полилога. Автор имеет возможность получить мгновенную обратную связь и отреагировать на нее. Именно в данной деятельности и проявляется описанный выше дигитальный способ восприятия информации. Культурная память более всего подвержена подобной процедуре, т.к. содержит в себе плодородную почву для размышлений. Таким образом, дигиталы способны в диалоге (или полилоге) расшифровать код культурной памяти, приблизиться к открытию смысла человеческого бытия, т.к. обращают внимание на внутренний мир человека. Они воспринимают человеческую память как многоуровневый объект и готовы переходить от одного уровня к другому в поисках пути к пониманию сущности культурной памяти. В.И. Дергунов [43] видит причину такого отношения к культурной памяти в «сциентизации мира, и вызванном им росте темпов изменений, их скорость и частотность; в необходимости понимания научной культуры, «перевода» с узкоспециального и чуждого большинству языка на язык политической практики и повседневности; в необходимости упорядочивания информационного поля, окружающего человека, связанное с пониманием его прошлого, настоящего и будущего»[43, с. 217].

Перемещаясь в виртуальное пространство, культурная память ставит перед собой более глобальные задачи, они уже не концентрируются на определенном пространстве или эпохе. Речь идет об осмыслении и актуализации «опыта транскультурных мировых традиций»[43, с. 218]. Посредником становится гипертекст, гармонично соединяющий культурную память и виртуальное пространство.

Ю.И. Борсяков выделяет два типа гипертекстов. Первый тип представляет собой объективный гипертекст, «существующий сам по себе во всей полноте сво-их гиперссылок и связей». Ко второму типу относится субъективный гипертекст, «существующий в сознании субъекта (интерпретатора), опосредованный интерпретатором, его целями познания» [25, с. 105]. Применительно к теме диссертации видится возможным связать объективный гипертекст с культурной памятью в реальном мире, что находит свое отражение в энциклопедиях, словарях, справочниках и т.д. Второй тип (субъективный гипертекст) выступает философской платформой для осмысления содержания культурной памяти в виртуальном пространстве. Четкой границы между двумя типами обнаружить невозможно. Тем не менее, субъективный тип наиболее полно отражает описанные выше свойства гипертекста. Читатель не имеет возможности выделить логическое начало и окончание мысли автора, в процессе интеракции становясь соавтором. Начинать активную, творческую мыслительную деятельность (соавторство) можно с любого фрагмента.

Все вышесказанное позволяет делать вывод о том, что гипертекст не является текстом (несколькими текстами, связанными между собой техническим способом) или простым фрагментом одного глобального текста. Гипертекст как форма бытия культурной памяти — это сложная многоуровневая матрица, находящаяся в виртуальном пространстве и содержащая культурный код о прошлом, настоящем и будущем человечества. Виртуальное пространство, также как и гипертекст, не имеет начала и конца, а культурная память не ограничивается только

воспоминаниями о прошлом, она распространяется также на настоящее и будущее, демонстрируя отсутствие временных границ.

Свойства гипертекста как формы культурной памяти *необходимо рассматривать с трех позиций*: по содержанию, по структуре, по способу восприятия.

По содержанию в качестве основных свойств следует выделить интертекстуальность и однозначность. Р. Барт утверждает, что «в явлении, которое принято называть интертекстуальностью, следует включать тексты, возникающие позже произведения: источники текста существуют не только до текста, но и после него. Такова точка зрения Леви-Стросса, который весьма убедительно показал, что фрейдовская версия мифа об Эдипе сама является составной частью этого мифа: читая Софокла, мы должны читать его как цитацию из Фрейда, а Фрейда – как цитацию из Софокла» [15]. Интертекстуальность выражена такими признаками, как «децентрированность, множественность, цитатность, аллюзивность» [13] и способствует развитию мнения о том, что уникальных текстов не существует. Все тексты создаются под воздействием уже имеющихся текстов. Данный тезис считается одним из недостатков современных литературных, журналистских и иных произведений. Однако подобные методы создания текстов полезны для сохранения культурной памяти, т.к. демонстрируют устойчивую связь памяти с текстом. Информация о прошлом не уходит в небытие, она продолжает свою жизнь в настоящем в видоизмененной форме. Следовательно, по отношению к культурной памяти интертекстуальность играет позитивную роль, способствуя сохранению и трансляции ее содержания. Децентрированность гипертекста заключается в отсутствии главного фрагмента в гипертексте. Это справедливо, т.к. не существует механизма выделения главного в содержании культурной памяти, особенно если она представлена разнородными мнениями-воспоминаниями. Множественность предполагает, с одной стороны, множественность форм подачи гипертекстовых фрагментов, с другой стороны, множественность мнений. Это свойство в значительной мере способствует качественной фильтрации коммуникативной памяти в культурную. Чем больше различных мнений-воспоминаний, тем насыщеннее коммуникативная память, тем адекватнее будет интерпретация. Аллюзивность

предоставляет неограниченные возможности для трансляции культурной памяти в виртуальном пространстве. Как стилистический прием аллюзия инициирует рефлексивные процессы. Крылатые выражения, использующиеся в качестве аллюзии, являются не только филологическим понятием, но и компактной упаковкой отдельного акта культурной памяти.

Что касается однозначности содержание текста, то оно, скорее продиктовано требованием времени, нежели само по себе является свойством гипертекста. Семиотический анализ основных форм культурной памяти показал, что человек на современном этапе развития не способен полностью усваивать имеющийся объем информации и нуждается в обличении ее в некую символьную форму. Процесс усвоения, во-первых, предполагает восприятие, а, во-вторых, понимание. Следовательно, гипертекст должен предлагать однозначную информацию, иначе он быстро потеряет востребованность. Это является одним из главных препятствий для сохранения и трансляции культурной памяти.

По структуре гипертекст обладает следующими свойствами: дисперсность и ризоморфность. Этими свойствами он принципиально отличается от текста. Дисперсность позволяет описать гипертекст следующим образом. Информация представлена в виде небольших разнородных фрагментов, носит гетерогенный характер, что позволяет значительно расширить границы пространства культурной памяти. Данные фрагменты («гранулы» в терминологии Л.В. Зиминой) могут отличаться между собой по структуре, по стилю, по объему. Они необязательно связаны между собой тематической линией, однако соединены смысловыми ссылками. Данный факт позволяет культурной памяти распространять свое содержание на более глубокий уровень, предоставляя исчерпывающую информацию читателю. Доступ к безграничным Интернет-ресурсам привел к существенному изменению сознания людей. С одной стороны, виртуальное пространство значительно расширило возможности человека, с другой стороны сделало его жизнь более поверхностной, уязвимой, обезличенной и лишенной стабильности. Последнее качество описано в концепции ризомы (Ж. Делез, Ф. Гваттари) о связях, лишенных централизации, упорядоченности и симметрии. «Ризома может быть сломана,

разбита в каком-либо месте, она возобновляется, следуя той или иной своей линии, а также следуя другим линиям»[42, с. 7]. Содержание культурной памяти в виртуальном пространстве в целом напоминает ризому. Она является открытой к любым трансформациям — не только внутреннего характера, но и в части своих отношений с внешней средой. Ризоморфная среда культурной памяти предполагает антииерархичность, плюрализм, нестабильность внутренней структуры, размытость границ текста, нелинейность. Разомкнутая структура ризоморфного гипертекста утрачивает свои композиционные признаки. В тексте отсутствуют начало и конец. Данное состояние, в котором пребывает культурная память в виртуальном пространстве, можно сравнить с прыжком в неизвестность. Это вызывает ощущение страха, паники, внутреннего сопротивления. Однако со временем культурная память осознает преимущества тех изменений, которое несет виртуальное пространство.

Особенностью трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве, является «наслоение» или «многолинейность». Текст не трансформируется во что-то совершенно новое, он трансформируется под влиянием глобального мира, в данном случае под влиянием виртуального пространства.

Следствием данного влияния является то, что современное общество тяготеет к коммуникативной памяти (согласно концепции Я. Ассманна), предпочитая повседневные обсуждения глубокому осмыслению прошлого. В условиях виртуального пространства коммуникативная память действительно широко распространена, однако не является более значительной, чем культурная память. В дальнейшем тезис Я. Ассманна относительно того, что культурная память характеризует «каждое общество каждой эпохи, что способствует стабилизации и трансляции идентичности вспоминающей группы» [12, с. 39] потеряет свою актуальность, т.к. культурная память в виртуальном пространстве размывает границы времени и пространства. Важным фактором становится осмысление происходящего с человечеством в целом. Именно этот факт обуславливает настороженность А. Ассманн и С. Конрада [148], опубликовавших сборник статей «Память в глобальную эпоху: Дискурсы, практики и траектории», где обсуждается возможность

появления глобальной (космополитической) памяти, а также исчезновение культурной памяти в связи с глобализацией общества и растущей мобильностью людей, т.к. идеи глобализации противоречат идеям культурной памяти. Обращаясь к принципам развития человечества по спирали, необходимо отметить, что культурная память должна не исчезнуть, а выйти на качественно новый уровень, для чего ей необходимо претерпеть определенную трансформацию. Поскольку процесс трансформации находится в самом начале своего пути, существует большое количество скептиков, не желающих видеть позитивные изменения в виртуальном пространстве.

По способу восприятия информации гипертекст обладает такими свойствами, как мультимедийность и интерактивность. Мультимедийность представлена аудиовизуальными (звуки, анимация, шрифт, фон, изображения и т.д.) возможностями презентации материала. Визуальный способ все еще является ведущим для большинства людей. Это означает, что гипертексты должны сопровождаться образами-картинками и быть динамичными и компактными. Монотонные описания затрудняют восприятие информации и поддержание интереса к тексту. Динамичность и компактность выражаются в сжатом виде материала, т.к. у современного читателя нет времени на чтение длинных описаний какого-либо действия. Прочитав первое предложение, он уже представил себе некую картину, дальнейшее описание может войти в противоречие с созданным образом и вызвать раздражение.

Следующей чертой гипертекста в виртуальном пространстве является интерактивность. Любой участник, независимо от авторства, имеет возможность самостоятельно «совершать навигацию» по тексту с целью прочтения или влияния на содержание текста. Таким образом, гипертекст, с одной стороны, по своим характеристикам схож с лабиринтом, состоящим из фрагментов-симулякров, размытой роли автора при активной позиции реципиента (читателя). С другой стороны, в отличие от лабиринта, гипертекст позволяет «входить и выходить» из него самостоятельно и беспрепятственно. В литературе по принципу гипертекста построены компьютерные романы «Виртуальный свет» У. Гибсона, «Полдень» М. Джой-

са. Культурная память, являясь продуктом человеческой жизнедеятельности, активно реагирует на изменения в обществе. Несмотря на то, что память связана с прошедшими событиями и призвана возвращать нас в прошлое, она может развиваться, сохраняться только при условии следования актуальным тенденциям работы социума с текстом. Именно этим обусловлен тот факт, что культурная память настойчиво заполняет виртуальное пространство. Следует отметить, что именно гипертекст является одной их лучших форм сохранения культурной памяти за всю историю человечества. Риск потери ориентации в виртуальном пространстве, который затрудняет восприятие информации, для культурной памяти в меньшей степени неудобен, т.к. отдельные фрагменты культурной памяти часто возможно рассматривать без взаимосвязи с целым. Ядром интерактивности гипертекста являются автор и читатель. Учитывая коммуникативный характер культурной памяти XX века, необходимо говорить о равноценной позиции обоих субъектов интерактивного взаимодействия. Это одна из основных предпосылок трансформации текстового бытия культурной памяти, которая главенствующую роль (даже в эпоху постмодернизма) отдавала автору. В настоящее время можно наблюдать не только децентрализацию автора, что определяется перекрестной структурой гипертекста, но и распространение идей коллективного авторства. Культурная память в виртуальном пространстве проявляется через полилог, через разрозненные воспоминания людей, не объединенные ни пространством, ни временем. Это способствует стиранию границ между автором и читателем. Последний имеет право изменить ход событий, внести коррективы, дополнив чужие воспоминания собственными. Через комментарии в социальных сетях человек из потребителя превращается в носителя культурной памяти. В этом случае можно наблюдать эффект качели, когда текст одного автора становится основой для полилога, состоящего из мнения читателей. А затем один из комментариев становится самостоятельным текстом как основой для создания следующего полилога. Процесс перехода текста в гипертекст и обратно может идти бесконечно. Обратная сторона эффекта качели заключается в том, что существует опасность существенность изменения содержания исходного текста. Из произведения искусства он рискует превратиться в набор материала и идей.

Чтение в виртуальном пространстве имеет свои отличительные особенности. Читатель предпочитает «просмотр» вдумчивому чтению. Это напоминает воспоминания, сосредоточенные в его собственном сознании. Они мелькают, всплывая в виде картинок в тот момент, когда субъект желает этого. Читатель стремится самостоятельно решать вопрос важности (приоритетности) информации, свободно интерпретируя увиденное, даже если оно касается содержания культурной памяти. «Такой подход напоминает скольжение (серфинг) по поверхности текстуального пространства, гиперссылки чаще всего - это не движение вглубь, а в сторону. Механизм компенсации эмоциональной бедности поверхностного скольжения включает иронию, уход от серьезности, всеобщий безграничный плюрализм» [54, с. 39].

Положительным моментом такого скольжения можно назвать активное вовлечение читателя в процесс чтения, следовательно, в процесс размышления. Риск для сохранения культурной памяти заключается в том, гипертекст реализует себя в полной мере в виртуальном пространстве, где ведущей деятельностью считается интеракция. Она, в свою очередь, служит для синхронной коммуникации, а не для долговременного хранения информации [13, с. 5], что противоречит целям культурной памяти. Однако, если воспринимать мир как движение по спирали, то в скором будущем человечество ждет новая трансформация — из набора информации о прошлом в произведение искусства, а из массива коммуникативной памяти, выраженной полилогом, отфильтруется ценное содержание культурной памяти.

Данный тезис основан на анализе тех изменений, которые претерпевает сам гипертекст. Первые попытки освоить функции гипертекста совершались при полном или частичном сохранении авторства, о чем свидетельствуют результаты лингвистического исследования Е.И. Горошко, а затем и Н.А. Ахреновой [13]. Гипертекст выступал хранителем определенной информации, технически облегчая читателю работу с текстом. Следующим этапом развития стало коллективное соавторство и гибридизация как следствие расширения возможностей, предлагае-

мого виртуальным пространством. Спираль развития гипертекстового бытия предсказывает возвращение автора как неотъемлемой части гипертекста. Это станет возможным, если авторизация в Интернете будет обязательна для всех, кто желает принять участие в создании текста или его части. Подобное решение способствовало бы снижению уровня скептических высказываний относительно будущего культурной памяти в виртуальном пространстве. Наличие реального автора позволило бы минимизировать риски, связанные с подменой понятий культурной и коммуникативной памяти. В диалоге (или полилоге) реальных людей можно сохранить идентификационную функцию культурной памяти. Данную тенденцию можно наблюдать уже сегодня в появлении авторских блогов и других вебсервисов, которые обязательным условием ставят регистрацию существующей личности, а не вымышленного персонажа.

Среди негативных эффектов виртуального пространства, непредсказуемым образом влияющих на содержание культурной памяти, можно назвать функцию «delete» (удалить), которой автор может воспользоваться в любой момент. В реальном мире также можно удалить артефакты, представленные в виде фото-, видео-, аудиоматериалов, книг, памятников и т.д., однако в виртуальном мире это можно сделать гораздо быстрее. Размышления и исследования по данной тематике отражены в работах Г. Белла, Дж. Геммела, В. Майер-Шенбергера, Л.В. Стародубцевой. Г. Белл и Дж. Геммел провели эксперимент в рамках работы над проектом True Recall, которая была призвана произвести революцию цифровой памяти (E-Memory Revolution). Работая в области компьютерных технологий, они стремились показать безграничные возможности сетевых технологий для сохранения культурной памяти в полном объеме. С этой целью жизнь Г.Белла некоторый период времени была зафиксирована различными видео и аудио приборами и выложена в сеть. Авторы эксперимента утверждают, что таким способом можно сохранить память о себе без опасения что-либо забыть. Результаты эксперимента вызвали противоречивые мнения. С одной стороны, ученые предложили возможность «помнить всё», с другой стороны, отобрали право на забвение. Человек никогда не утверждал, что хотел бы сохранить в памяти все мгновения своей жизни.

Всегда есть место моментам, которые необходимо стереть из памяти. Л.В. Стародубцева считает, что такой способ запоминания способствует тому, что человек утрачивает «власть над собственной памятью, сделав ее «открытой», «прозрачной» и, по сути, «имперсональной»» [114, с. 14].

В противовес концепции Total Recall выступает идея В. Майер-Шенбергера в его работе «Удалить: Преимущества забывания в цифровую эпоху», где ученый рассуждает о ценности кнопки «delete». Его концепция заключается в том, чтобы остановить потоки ненужной (а иногда и опасной) информации в виртуальном пространстве. Избыточная информация о прошлом загромождает наше настоящее. Человечество не успевает осмыслить все нюансы прошлого, следовательно, не имеет возможности (времени) «замечать» настоящее и прогнозировать будущее.

Л.В. Стародубцева исследует возможности гипер-памяти, которую она представляет как «равнодушную, безместно-повсеместную, мета-историческую кросскультурную память глобализирующегося мира» и сравнивает ее со «скучноватым десакрализованным «паноптиконом» электронных воспоминаний эпохи циничного разума» [114 с. 13]. Гипер-память не имеет ничего общего с идеологически выверенными текстами, с изменчивой исторической памятью или с культурной памятью, основанной на символических сакральных фигурах письменности (по Я. Ассманну). Она не имеет своих излюбленных «мест» и «образов», т.к. «оказывается в плену неких неуютных пространств гетеротопий (...) и гипермедиальных кодов» [114, с. 13]. Сравнение гипер-памяти с «паноптиконом электронных воспоминаний» выглядит справедливым. Память в виртуальном мире теряет свою сакральность, становится безликой, равнодушной. Однако в этом смысле следует различать гипер-память, которую описывает Л.В. Стародубцева, и культурную память, которая выкристаллизовывается из гипер-памяти, наводненной коммуникативными воспоминаниями (по Я. Ассманну). При этом культурная память вынужденно сохраняет в себе отдельные функции гипер-памяти, такие как «delete». Следовательно, удалить из памяти можно как обычные (повседневные), так и ценные воспоминания культурной памяти.

Все три концепции описывают безграничные возможности использования виртуального пространства как ресурса сохранения культурной памяти. Однако искусное управление данными возможностями может выступить платформой для манипуляции содержанием культурной памяти. Одним из рычагов воздействия служит уже упомянутая кнопка «delete».

В виртуальном пространстве массивы коммуникативной памяти проходят через естественный фильтр, трансформируясь в культурную память. Естественным фильтром могут служить время и сами люди (как создатели, так и потребители продукта памяти). Постепенно перемещаясь в виртуальное пространство, культурная память перестала быть творением специальных институтов, о которых писал Я. Ассманн [12, с. 54]. В этом смысле она потеряла свою искусственность. Интернет предлагает нам как пользователям определенный продукт, наполненный воспоминанием, и мы решаем потреблять данный продукт или игнорировать.

Место и роль памяти в историческом разрезе Я. Ассманн представляет в виде «модели шкалы» [12, с. 58], где он описывает коммуникативную и культурную память через свойство полярности. Исследование Я. Ассманна не предусматривает перемещение культурной памяти в виртуальное пространство. Исходя из задач диссертационного исследования, автором дополнена данная модель. В ней появилась третья колонка «Культурная память в виртуальном пространстве», а также уточнение, что коммуникативная память в реальном мире и в виртуальном пространстве не претерпевает значительных изменений.

Таблица 1 – Характеристика культурной и коммуникативной памяти в реальном и виртуальном пространствах

Наимено-	Коммуникативная	Культурная память в	Культурная па-
вание па-	память (в т.ч. в	реальном мире	мять в виртуаль-
раметра	виртуальном про-		ном пространст-
	странстве)		ве
Содержа-	Исторический опыт	Мифическая предыс-	То, что осталось
ние	в рамках индивиду-	тория, события в абсо-	после фильтра
	альных биографий	лютном прошлом	коммуникативной

			памяти
Формы	Неформальна, слабо	Учреждена, в высокой	Гипертекстуальна,
	оформлена, естест-	степени оформлена,	Символична
	венна, возникает во	ритуальная коммуни-	
	взаимодействии,	кация, праздник	
	повседневность		
Средства	Животное воспоми-	Устойчивые объекти-	Непосредственный
	нание в органиче-	вации, традиционная	опыт
	ской памяти, непо-	символическая коди-	
	средственный опыт	ровка/инсценировка в	
	и устные рассказы	слове, образе, танце и	
		проч.	
Временная	80-100 лет, сдви-	Абсолютно прошлое	Непредсказуема,
структура	гающийся с совре-	мифической древности	(условна) в боль-
	менностью времен-		шей степени зави-
	ной горизонт в 3-4		сит от «потреби-
	поколения		теля памяти» и в
			меньшей степени
			от «производителя
			памяти»
Носители	Неспецифические,	Специалисты – носи-	И те, и другие.
	современники опре-	тели традиции	
	деленной помнящей		
	общности		
I/		инальных изменений не	происуолит в то м

Как видно из таблицы, кардинальных изменений не происходит, в то же время определенная трансформация наблюдается. Она заключается в том, что, вопервых, основная информационная база, хранящаяся в виртуальном пространстве, относится к коммуникативной, а не к культурной памяти. Чтобы приобрести статус культурной памяти, необходимо пройти через импровизированный фильтр, который организован самим виртуальным пространством. Во-вторых, происходит

трансформация форм бытия культурной памяти, из текста в гипертекст, а символа в симулякр и обратно в символ, но уже в новом качестве. В-третьих, ведущую роль снова играет непосредственный повседневный опыт человека. В-четвертых, стало невозможно предсказать длительность хранения культурной памяти. В-пятых, авторами выступают не профессионалы, а обычные люди.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о цикличности в изменении бытия текста как способа отражения содержания культурной памяти.

Пройдя длительный путь развития, текст вновь приобретает очертания дописьменного бытия. Коллективное авторство, гипертекстуальность, интертекстуальность, интерактивность, вольная интерпретация прочитанного, упрощенное восприятие текста характерны как для устной, так и для цифровой эпох. Разница заключается в том, что в отсутствие Интернета, печатных книг вышеперечисленным характеристикам должен был соответствовать человек, а вместо читателя информацию воспринимал слушатель. Существенным отличием нашего времени (благодаря погружению человечества в виртуальное пространство) можно назвать только возможность сохранения текста на более длительный срок, поскольку устное сообщение может существовать только в момент своего звучания, а также возможность точного копирования прочитанного, тогда как устный текст представляет собой пересказ услышанного ранее и прошедшего авторское осмысление.

В будущем возможны две модели культурной памяти: первая будет связана с реальным миром, где задача культурной памяти заключается в сохранении и трансляции культурного опыта, ограниченного определенными пространственновременными условиями, и связана с самоидентификацией определенной социальной группы. Культурная память реального мира «не распространяется сама собой, она нуждается в специальной заботе» [12, с. 57]. Забота предполагает определенный контроль и наличие границ, согласно концепции Я. Ассманна. Первичными формами организации культурной памяти Я. Ассманн называет обряд и праздник. Они идеально подходят под характеристику культурной памяти, сформулированную ученым. По содержанию культурная память должна иметь мифическую пре-

дысторию, представленные события должны находиться в абсолютном прошлом. В качестве средств выражения культурной памяти Я. Ассманн предлагает устойчивые объективации, инсценировку в слове, образе, танце и т.д. Таким образом, носителями становятся определенные специалисты (жрецы, поэты, барды и т.п.). История и воспроизведение обряда и праздника полностью соответствуют данному описанию. Однако его невозможно использовать применительно к культурной памяти в виртуальном пространстве, где основными формами являются текст и символ со своими отличительными характеристиками.

И в этом заключается суть второй модели, которая будет полностью реализована в виртуальном пространстве и станет выполнять более существенные задачи по сохранению культурного кода человечества.

Это и есть одна из форм трансформации содержания культурной памяти в целом. При этом необходимость в специальной заботе осталась актуальной. Эта забота проявляется через фильтрационные возможности виртуального пространства при участии человека. Без специальных действий культурная память не пройдет через фильтр коммуникативной памяти и затеряется в повседневности.

Таким образом, с одной стороны, наблюдается постоянная трансформация текстового бытия, с другой стороны, текст по-прежнему остается одной из эффективных форм сохранения и трансляции содержания культурной памяти.

3.2. Профанное бытие культурной памяти: симулякр

В данном параграфе ставится задача осмысления значимости и роли симулякра в профанации содержания символического мира культурной памяти. Термин «профанное» в работе используется не как антитеза сакральному, а как наиболее адекватный инструмент для описания бытия культурной памяти в виртуальном пространстве, доступный восприятию разнообразной Интернет аудитории. Симулякр позволяет «непосвященной» аудитории наиболее полно и точно (на обыденном уровне) осознать происходящее в культурной памяти.

В свое время этап профанации уже был пройден в научном мире, когда появилась необходимость использования национального языка вместо ученой латыни с целью максимально приблизить достижения науки широкой общественности. Следовательно, можно предположить, что символ, перемещаясь в виртуальное пространство, приобретает черты симулякра для того, чтобы стать доступным предельно широким слоям Интернет аудитории.

Теория симулякра имеет давнюю историю, возможно, не меньшую, чем сам символ. Симулякр зачастую коррелирует с понятиями имитации, копии, мимесиса, подражания, аналога, симуляции, клона и т.д., получая негативную коннотацию. Первые упоминания о симулякре связывают с именем Платона, который сравнивал понятия оригинала и копии, представляя копии как подобие оригиналов, выделяя из них те, которые могут быть положительно и отрицательно заряженными. В эпоху постмодернизма термин «симулякр» получил иное значение. Симулякр стал адекватным обозначением того, что происходило в культуре с середины XX века.

Исследования в области изучения влияния потребностей на развитие сети Интернет и, в частности, социальных сетей стали актуальной темой XX века. Так, М.Е. Брэширс [152] рассматривает влияние социальных сетей на память общества; С. Зак [178] проводит исследование роли памяти в киберпространстве. Основными темами ее работ являются социопространственные проблемы городов, городская память и их отражение в СМИ и киберпространстве. Х.С. Георас [167] исследует проблему, связанную с архивацией социальных сетей. Должны ли социальные сети быть заархивированы в пользу будущего поколения? В качестве альтернативы она предложила проект сетевой памяти для библиотеки Конгресса. Дж.В. Лейте и С.М. Занчети [172] создают проект сетевого города с целью изучения процесса визуализации публичного пространства. А.В. Дахин [103] проводит исследование динамики структур коллективной памяти и коммеморации, утверждая, что память в настоящее время проявляется в формах коллективных коммеморативных действий, иногда конфликтных. В.Б. Устьянцев [127] изучает про-

блемы общественной памяти и сознания, анализируя исходные структуры памяти города.

Культурная память в отражении масс-медиа и сети Интернет представлена в работах Н.Л. Соколовой [11], эксперта в области масс-медиа, русского редактора международного электронного журнала "Digital Icons". Она исследовала влияние новых форм СМИ на общество, проанализировала новые возможности данных форм, изучила потенциальные последствия для культуры в эпоху распространения цифровых технологий. Данная проблематика представлена также работами Э. Хоскинса, Т. Джордана, А.Эррл, А.Я. Сарна, Г.М. Агеевой, А.В. Федорова, Н.Б. Кирилловой, и пр. Д.В. Галкин [36] провел исследование проблемы трансформации культуры в связи с возрастающим влиянием цифровых технологий на современную жизнь. В Бергенском университете (Норвегия) создана целая группа по исследованию цифровой культуры. Более того в университетах появляется дисциплина «Введение в изучение цифровой культуры». Однако данные исследования в основном посвящены влиянию цифровых технологий на культуру настоящего и будущего. Наблюдается недостаточное внимание к изучению влияния цифровых технологий на трансформацию культурной памяти.

Необходимость обращения к символическому миру в настоящее время связана с общей неустойчивостью общества. А.В. Савченков называет современный век «аморфным, тягучим и текучим» [105, с. 85] из-за разобщенности социальных агентов, которые попав «в зазор между истинным миром и миром здесь и сейчас», тяготеют к тому, чтобы жить одним днем. Находясь в подобной ситуации, у человека не хватает «времени на осмысление собственного бытия и расстановку жизненных приоритетов» [58, с. 46]. Анализ символического должен позволить определить пути выхода из нестабильной ситуации, свойственной как для отдельного индивида, так и для целого общества. Социальные изменения во многом связаны с понятием потребления, к чему и тяготеет в данный момент культурная память. Основой потребления является желание индивида, его приоритеты, которые во многом имеют эмоционально-ориентированную основу, в подтверждение концепции А. Ассманн о направленности культурной памяти на исследование траги-

ческих страниц истории. Трагические событие быстрее находит эмоциональный отклик в душе *потребителя культуры*. Это становится определяющим в выборе тем для культурных проектов, особенно, если данные работы представлены посредством СМИ или сети Интернет.

Анализ исследовательских проектов по культурной памяти на рубеже XX – XXI веков показывает интерес к изучению памяти в определенном аспекте, не глобально. Так, А. Эрлль [163] является автором проекта по транскультурной памяти в Европе. Многие ее работы посвящены тому, как трансформируется культурная память европейских стран посредством медиа. Современных философов, культурологов интересует тема осмысления трагических событий страны как ресурс сохранения культурной памяти. Холокост, геноцид, межэтнические конфликты в Югославии, Сербии, на Украине, распад СССР оставили в памяти общества неизгладимый след и разделили мнение людей о прошлом, о его ценностносмысловой доминанте. А. Васильев [31] ряд работ посвятил памяти о трагических событиях в истории человечества, провел ряд исследований по проблеме сохранения памяти в Польше. Дж. К. Олик [177] акцентировал свое внимание на памяти Холокоста, сражаясь с тяжелым наследием нацистского прошлого.

В постиндустриальную эпоху данные исследования устремились в виртуальное пространство. Так человеку удобнее воспринимать мир. Молодое поколение благодаря развитию науки и техники не ощущает значительной разницы между реальным и виртуальным состоянием. Ж. Бодрийяр сравнивает реальность (социальное) с производством. «Его циклы уже давно не имеют никаких "социальных" ориентиров, так что оно представляет собой абсолютно самостоятельную, вращающуюся исключительно вокруг собственной оси спиралевидную туманность, расширяющуюся с каждым витком, который она описывает [21, с. 81]. Парадокс заключается в том, что эта реальность, отражающая настоящее, постепенно поглощает и культурную память, отвечающую за сохранение и трансляцию ценностно-смыслового мира прошлого. Вслед за человеком она (культурная память) перемещается в виртуальное пространство. Симулякр становится активной формой культурной памяти. Новые символы, возникающие благодаря развитию

рекламной и кинематографической индустрии, а также средств массовой информации, становятся активными участниками в жизни общества. Распространяясь в значительной мере в виртуальном пространстве, они становятся симулякрами, и, следовательно, активной формой бытия культурной памяти.

«Изменения в символической сфере нацеливают не только на анализ причин характера этих процессов, но и прежде всего на переосмысление места и роли символического фактора в контексте современной социально-культурной практики» [134, с. 116]. Значительную роль в данном процессе играют не просто символы культурной памяти, а их трансформация в симулякры под воздействием виртуального пространства.

В культуре постмодерна символ трансформируется в симулякр, реальная жизнь в *как бы* жизнь с элементами виртуальности, культурная память о прошлом в *как бы* воспоминания. «Символ как онтологическая структура теряет связь с миром, стабильность и объективный смысл, становясь мощнейшим орудием манипулирования и превращаясь в симулякр» [135, с. 43].

Если «с помощью символов человек пытался выразить свое внешнее и внутреннее «я», осознать свое единство с Космосом» [99, с. 113], то посредством симулякров человек должен осознать хаос того мира, в котором он существует, и начать переоценку ценностей. Именно осознание проблемы является первым шагом к ее решению. Симулякр – это проблема, решить которую можно только, признав, что он неотъемлемая часть нашей жизни. Если мы хотим изменить полярность симулякра (с отрицательных значений на положительные), мы должны начать менять себя. Следовательно, симулякр нужен обществу для того, чтобы осознать бездуховность этого мира, отделить подлинное, истинное от аналога и начать меняться к лучшему. Однако сразу такой перемены не могло произойти, должно было пройти какое-то время. В данный момент человечество находится ближе всего к крайней точке осознания бездуховности собственной жизни. Общество открыто рассуждает на тему интенсивного развития симулякративных процессов, которые коснулись всех сфер жизнедеятельности человека, и их пагубного влияния.

Поясняя разницу между символом и симулякром, С.Г. Сычева описывает два типа концепций. Первый тип представляет символ как гармоничную реальность, второй тип – как хаотичную реальность, основой которой становится симулякр. Философия симулякра не ищет истину, она ищет выход из затруднительной ситуации, которую сама же и создала [118, с. 3].

«Термин «*симулякр*» принципиален, ибо он фиксирует настроенность на оперирование исключительно в пространстве искусственно созданных форм, с самого начала ориентированных на симулирование, а не адекватное отображение реальности» [135, с. 411].

За последнее столетие симулякр рассматривался с различных позиций: как муляж, пустая скорлупа (В.В. Бычков), как игра (Е.Г. Яковлев); как отражение в зеркале (Ю.В. Серебрякова), как узел в системе штампов и стереотипов (Корнев С.) и т.д. В положительный эффект симулякра не верят и многие западные философы (А. Ассманн, Д. Драаизма, К. Данцигер и т.д.), поддерживая позицию Р. Барта. Таким образом, можно констатировать наличие научных позиций, скептически оценивающих симулякр. Это также символично. Ученые, исследующие данный феномен, стараются дать ему «собственное имя», подтверждая при этом его отсутствие. Парадоксальным является факт отсутствия вещи как таковой, при наличии достаточного количества ее именований. Скорее всего, это может говорить о важности феномена, тем более, если речь идет об участии симулякра в сохранении культурной памяти. Важно определить, совместимо ли понятие симулякр и культурная память. Что содержат наши воспоминания, сохраненные в форме симулякра? Возможно ли искажение памяти с его помощью? В диссертационном исследовании симулякр рассматривается как форма бытия культурной памяти, которая невозможна в реальном воплощении, когда речь идет о виртуальном пространстве. Оно само (виртуальное пространство) не является реальным объектом. Таким образом, симулякр как форма способствует перемещению культурной памяти в виртуальное пространство. Наша задача состоит в том, чтобы выявить сущность трансформации содержания культурной памяти в рамках данного перемещения.

Чтобы оценить возможные последствия трансформации, необходимо определить причины появления и степень распространения симулякров. Возможно ли обойтись без них? Большинство ученых, вслед за Ж. Бодрийяром, считают основной причиной появления симулякров развитие цивилизационного процесса. А.А. Звездина еще одной из причин называет культ тела, которое заняло место души. Ж. Бодрийяр указывает на навязчивое увлечение сексуальной темой. И то, и другое (реальное тело и настоящая сексуальность) в наши дни исчезли, превратились в симулякр, не отображают никакого смысла. Следующей причиной появления симулякров считается коммуникативная потребность общества, которая скрывает желание манипулировать людьми, а не находить общий язык [51, с. 108]. И.И. Горлова и О.Н. Баниже связывают появление симулякров с необходимостью создания новой мифологии, что востребовано во времена крупных преобразований, преимущественно политического и социального характера [39, с. 3-4]. А.В. Савченков также видит причину возникновения симулякра в идее создания мифов. Обществу нужны мифы для формирования иллюзии стабильности: миф о далеких временах, миф о культурном прошлом, миф о героических событиях в истории определенного народа или человечества в целом. Механизмом для реализации мифотворческих концепций может выступать симулякр [105, с. 88]. Еще одна причина распространения симулякров может крыться в потребности человека преодолеть конечность своего бытия [39, с. 7]. В.С. Ерохин основу для создания общества симулякров видит во внедрении новых технологий. Как и Ж. Бодрийяр, он связывает появление симулякров с желанием человека удовлетворять собственные потребности. [49, с. 210]. Практически все мыслители сходятся во мнении, что благоприятной средой для формирования симулякров является медийная культура, которая «позволяет формировать виртуальные симулякры, заменяющие собой памятники реальной культуры, как более привлекательные, доступные» [103, c. 284].

В качестве метафорического описания феномена «симулякр», имеющего глубокую историческую традицию, предположим, что симулякр - это своеобразные раковые клетки в организме. Ранее их существование было незаметно для

общества, но это не означает, что такого феномена не было. Симулякры были, есть и будут всегда, но не всегда они превращаются во зло. Они присутствуют в нашей жизни, постоянно трансформируясь. В настоящее время происходит их стремительное развитие и поглощение «здоровых клеток» общества. Следовательно, необходимо найти средство для устранения или предотвращения распространения губительного симулякративного процесса разрушения социального.

Более того, вопреки критической оценке данного феномена, все больше исследователей склоняются к тому, что именно симулякры в свое время стали катализатором (или механизмом) в процессе развития общества, тогда как ранее в самих этих процессах люди не видели ничего губительного. Мы разделяем научную позицию А.В. Савченкова относительного того, что «в процессе освоения социального пространства симулякр изобретает новые конструкции и традиции социокультурных практик» [105, с. 88]. Основываясь на идеях Э. Хобсбаума об «изобретении традиций» [169], А.В. Савченков демонстрирует, как симулякр способствует не просто изменению социокультурного поля, но и позволяет формировать национальные традиции как ответ на новые обстоятельства жизни. Посредством симулякра традиции принимают новую форму, реагируя на требования времени. И это не всегда плохо. Хотя, как все искусственное, оно не всегда приживается в том обществе, для которого создано. Следовательно, симулякр можно использовать как катализатор между реальным и виртуальным миром, осознавая, что сам он в том виде, в котором общество его привыкло воспринимать, не может нести смысловую нагрузку. Он является важным звеном в цепочке «реальноевиртуальное».

Таким образом, прежде чем объявлять войну симулякрам, необходимо определить их предназначение. Если симулякры появились в обществе, значит, они выполняют определенную задачу. Задача человечества — разгадать эту тайну, прежде чем ловушка захлопнется. Одна из вероятных причин кроется в формировании новой знаково-символической картине мира. Возвращаясь к идее раковых клеток, необходимо вспомнить, что больной после длительного лечения способен оторваться от земных забот, осознать себя совершенно по-иному и получить

дополнительные знания о смысле своего бытия. В данном случае можно предположить, что он сам погружается внутрь симулякра, чтобы добиться полной изоляции от реального мира и найти ответы на жизненно важные вопросы. Наше сознание, помещенное в человеческое тело, слишком приземлено и не способно в современных условиях на высшие духовные открытия. Культурная память, погруженная в виртуальное пространство, насыщенная симулякрами, позволяет увидеть то, что было срыто от глаз обывателя ранее, - идеальную красоту, идеальную свободу, идеального человека, идеальную веру и т.д. Виртуальное пространство раскрепощает человека, дает ему возможность реализовать себя как личность. Это же относится и миру человеческих фантазий. Используя симулякр, мы создаем идеальный мир в виртуальном пространстве.

Вновь обращаясь к идее развития общества по спирали, мы приближаемся к новому витку на пути к осмыслению своего бытия, предназначения. Симулякры способствуют абстрагированию от реального мира. В работе «Симулякры и симуляция» Ж. Бодрийяр описывает состояние современного общества под воздействием симулякров – «Нет больше зеркальности между бытием и его отражением, между реальным и его концептом» [23, с. 6]. Данный тезис актуален для виртуального пространства. То, что отражает культурная память посредством Интернета, не является в полной мере реальным или вымышленным. В этом смысле, культурная память становится новым видом творчества. Человеческое сознание преломляет реальные события через себя и выдает рефлексивные тексты в виртуальное пространство. Предположить степень их истинности невозможно, т.к. невозможно проникнуть в сознание человека и подвергнуть критическому анализу все его мыслительные операции. С другой стороны, то же самое происходит и в реальном мире (возможно, не в столь явной форме), например, с использованием средств массовой информации. Соответственно, виртуальное пространство не усилило отрицательный эффект симулякров. Это общая тенденция развития общества.

Виртуальное пространство предложило безграничные ресурсы для реализации возможностей сохранения культурной памяти общества. Симулякры стали

особым механизмом регулирования содержания, откликаясь на потребности или новые вызовы данного общества.

Ж. Бодрийяр в своих работах описывает природу возникновения гиперреальности как основы для зарождения симулякров и обосновывает открытие эры симуляции через ликвидацию референтов. В работе «Символический обмен и смерть» он предлагают идею трех порядков симулякров, которые последовательно сменяли друг друга, параллельно тому, как менялись общечеловеческие ценности под влиянием цивилизационного прогресса:

- *Подделка* составляет господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции;
 - Производство составляет господствующий тип промышленной эпохи;
- *Симуляция* составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом.

Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка - на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка - на основе структурного закона ценности [22, с. 113].

Культурная память в виртуальном пространстве вмещает в себя все три порядка симулякров, однако не признает их однозначно отрицательной роли. Наиболее явно симулякры проявляются в социальных сетях. Применительно к виртуальному пространству симулякры культурной памяти можно представить, используя концепцию трех порядков Ж. Бодрийяра.

Симулякр первого порядка — *оцифрование* документов, представляющих культурную ценность. Как и у Ж. Бодрийяра здесь действует естественный закон ценности. Причем, на данном этапе в симулякре преобладают конструктивные черты, - стремление сохранить в память культурное наследие определенной социальной группы. Например, мы оцифровываем старые фильмы.

Симулякр второго порядка — *обработка* феномена культурной памяти. Стремясь к совершенству, мы готовы внести незначительные изменения в реальный объект. Это требует от нас общество потребления. Например, мы не просто оцифровываем фильм, а еще и превращаем его из черно-белого в цветной. С од-

ной стороны, мы ничего не искажаем, с другой стороны, фильм уже не тот. То же происходит и с нашими фотографиями, когда мы их немного обрабатываем в Photoshop. Симулякр данного порядка обладает в одинаковой мере как конструктивными, так и де-конструктивными чертами.

Симулякр третьего порядка в XXI веке особенно востребован политическими элитами всех стран — *создание нового* с вкраплением реально существующего. Например, это так называемые фейковые новости. В симулякре данного порядка преобладают де-конструктивные черты.

Виртуальным хранилищем памяти до осуществления процесса сжатия материала до границ культурной памяти может выступать Инстаграм. Люди фотографируют памятные мгновения своей жизни, выкладывают их для всеобщего обозрения. Следовательно, фотографии, отражая действительность, являются символами настоящего времени. Однако, согласно анализу контента ряда аккаунтов данной социальной сети, проведенному группой ученых, 67% фотографий до того, как их выложили в сеть, были обработаны с помощью специальных фильтров или другого программного продукта. Следовательно, большинство фотографий, имеющихся в Инстаграме, не являются реальными, подлинными. Степень их трансформации установить невозможно, т.к. в наличии нет исходного материала. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что данные фотографии выступают в качестве симулякров. Причем они могут скрывать то, что есть (например, убрать морщины), а также показывать то, чего нет (сменить фон за спиной). Естественное желание человека приукрасить действительность превратило культурный феномен (фотографию) в симулякр, который бесполезен для сохранения истинной культурной памяти. Однако распознать его практически нереально. Еще одной составляющей анализа контента стали комментарии. С одной стороны, люди высказывают свое мнение относительно увиденной информации. Это реальные сообщения, обратная связь, способствующая адекватному восприятию окружающего мира. С другой стороны, как утверждают организаторы эксперимента, «в комментариях пользователи используют определенный стиль написания: неологизмы, устойчивые фразы и смайлы, присущие в основе своей Инстаграму» [71, с.

235в]. Пользователи данной социальной сети трансформируют реальное общение, а, значит, его также можно отнести к симулякру. Пользуясь терминологией Ж. Бодрийяра, данные фотографии и комментарии можно отнести ко второму, а то и третьему порядку симулякров. Они не способствуют формированию привлекательного образа симулякров в глазах обывателя. Данные симулякры производит сам обыватель, следовательно, можно предположить, что наличие их в социальной сети устраивает всех участников данного процесса.

Число пользователей социальной сети Инстаграм в 2015 году превысило семь миллионов. Феномен популярности данной сети, по мнению Т.Е. Новиковой «кроется в возможности формирования пользователем собственной, индивидуальной симулятивной реальности, транслирующей символы и маски и заменяющей ему реальный мир» [93, с. 70]. А.В. Савченков эволюцию симулякра видит не только в трансформации ценностных ориентиров, но и в социальном заказе [105, с. 86]. Негативный эффект от использования социальной сети Инстаграм как ресурса сохранения культурной памяти способствует распространению критических замечаний в адрес виртуального пространства как площадки для трансформации содержания культурной памяти с позиций искажения последнего. Культурная память – это результат огромной мыслительной, коммуникативной деятельности индивидов. Следовательно, она не возникает сама по себе, ее формируют люди. Они описывали раньше, описывают сейчас и будут описывать события так, как они их видят или хотят видеть, каждый в силу свои национальных, интеллектуальных, возрастных, характерных и других особенностей. Виртуальное пространство в значительной мере ускоряет этот процесс, добавляет разнообразия, но не усиливает искажение реальности. Чтобы исказить реальность, необязательно использовать для этого виртуальные средства.

Если проследить историю развития социальных сетей, то можно заметить, что они тоже прошли путь от символа к симулякру. Не так давно наличие регистрации в социальных сетях презентовало человека как *продвинутого пользователя*. Многие стремились симулировать свое присутствие на разных площадках, в разных ипостасях. Фактически они сами выступали в роли симулякров, периодиче-

ски поддерживая переписку с людьми, с которыми давно нет эмоциональной связи. Само их общение стало симулякром. В качестве примера можно привести социальную сеть Одноклассники. Люди ищут (чаще из любопытства) тех, с кем когда-то перестали общаться. Им, скорее, интересен процесс поиска, а не результат. Они не всегда готовы к искреннему общению с человеком, который долгое время жил вне их поля зрения. На этой стадии интерес общения у некоторых прекращается. Однако человек найден, начинается коммуникация — иногда симулятивная с одной или с обеих сторон. Таким образом, симулякром здесь можно назвать и общающегося человека, и сам процесс коммуникации, который со временем должен прекратиться. Символ, порожденный социальной сетью Одноклассники, породил целую группу симулякров, которые впоследствии стали основой трансформации этого символа в симулякр. Сегодня регистрация в социальной сети ничего не обозначает, только факт принадлежности к ней.

Социальные сети активно используются для творческого самовыражения. Люди устали писать друг другу ни о чем. Они начали публиковать свои рассуждения о жизни, ее смысле, о своих воспоминаниях. Таким образом, социальные сети из симулякра трансформируются в символ.

Помимо социальных сетей виртуальное пространство изобилует специально созданными сайтами, которые декларируют свою ответственность за сохранение культурной памяти того или иного народа. Данный ресурс претендует на то, чтобы считаться истинным отражением социокультурных реалий прошлого, минуя коммуникативный фильтр памяти, описанный в первой главе данного исследования. Создатели подобных интернет-ресурсов заявляют о том, что все документы, представленные на сайте, подлинные, а истории и герои реальные. Именно этот путь сохранения культурной памяти видится наиболее опасным, т.к. он может быть идеологически пропитан и полностью подстраивается под заказчика. Следовательно, такие ресурсы могут выступать политическими, идеологическими, рекламными манипуляторами. Определить подлинность информации, содержащейся на подобном сайте, невозможно. Данный ресурс, по сути, является отражением идеи отдельного человека (или группы лиц) и содержит в себе тот самый соци-

альный заказ, о котором писал А.В. Савченков [105, с. 86]. В таком случае, трудно отличить симулякры от символов.

Сравнение содержания подобных сайтов демонстрирует разницу между трансформацией содержания культурной памяти в реальном мире и в виртуальном пространстве. Масштаб и степень нереалистичности преобладают в виртуальном пространстве. Подтверждением тому могут стать многочисленные репортажи с войн, которых не было, возвеличивание ложных героев. Такие симуляции деструктивны и приносят вред людям уже в плоскости реального мира. Последствия этих действий становятся непредсказуемыми и могут насести урон целому государству. В подобном ключе невозможно говорить о положительной роли перемещения культурной памяти в виртуальное пространство.

С другой стороны, виртуальное пространство позволяет культурной памяти выйти на новый уровень, приобщиться к прошлому не только визуально, но и эмоционально, используя возможности симулякра. Технические возможности симуляции в настоящее время предлагают погрузиться в любую эпоху, почувствовать себя частью прошлого, используя практически все органы чувств. Таким образом, симулякр разрушает и пространственные, и временные границы. Не покидая помещения, можно очутиться в любой точке мира, преодолев любые временные расстояния. Технологии позволят не только увидеть том мир своими глазами, но и почувствовать его (запахи, дуновение ветра, прикосновение рук, жару, холод, дождь и т.д.). Это дает ощущение полной реальности, что в действительности является лишь копией. Возможно, что она была снята не с оригинала, а уже с симулякра. Человек этой разницы почувствовать не сможет. Доказательств, подтверждающих или опровергающих подлинность данных симуляции, нет и быть не может, т.к. речь идет о прошлом, т.е. о том, чего уже не существует. В определенном роде, воспоминания о прошлом сами являются симулякрами вспоминающих. Часто они (воспоминания) описывают события, людей, которых никогда не существовало. Таким образом, само виртуальное пространство принципиально не изменило образ жизни человека, но расширило его возможности для ее (жизни) симуляции. Согласно позиции В.А. Емелина «причиной виртуализации постмодерного общества является объективная потребность в переходе информационных технологий на новый качественный уровень, а также, имманентная человеку потребность в творчестве, в создании новой реальности, таких миров, по отношению к которым он являлся бы демиургом» [47, с. 134].

Попытаемся определить специфику трансформации содержания культурной памяти в реальном и в виртуальном мире. Человек всегда стремился к творческой самореализации, к созданию новой реальностии. Виртуальное пространство способствует реализации данной цели наиболее полно, разнообразно, мгновенно. То, на что в реальности человек может потратить годы, в виртуальном пространстве осуществляется за минуты. Например, писатель – символ принадлежности к творческой интеллигенции. В реальной жизни стать писателем сегодня стало легче, чем 30-50 лет назад, но также существует ряд преград социального и материального характера. В виртуальном пространстве публикация собственных мыслей в виде статьи, сборника рассказов или стихов происходит почти мгновенно. Также быстро можно получить обратную связь. Данный случай можно использовать для описания трансформации литературного символа в симулякр, обозначая тем самым, что исчез почти сакральный смысл профессии писателя. Пишут все, кто считает, что у него есть, о чем поведать миру.

А.В. Савченков описывает симулякр как «нечто активное, имеющее энергию и способность к деятельности. Поскольку он не является чьим-то повторением, то имеет самостоятельную структуру и цель, которая задается этой структурой. Т. к. симулякр не задается реальностью, то существует на границе бытия в попытке преодолеть эту границу и заявить о себе на поверхности социального универсума» [105, с. 86].

Симулякр, не имея пространственно-временных ограничений, становится все более привлекательным и естественным в постмодернистском обществе. И.И. Горлова и О.Н. Баниже рассматривают «симулякративность как форму негации смерти» [39, с. 9]. Попадая в виртуальное пространство, симулякры демонстрируют определенную самостоятельность, бесконечность своего существования, что

«облегчает индивиду способы преодолевать аффект конечности жизни и мира» [35, с. 9].

Таким образом, культурная память, проникая в виртуальное пространство, и сливаясь с понятием «симулякр», становится более доступной, понятной, повседневной. В этом видится эффект профанности, что ни в коем случае не умаляет ценность культурной памяти. Эффект заключается в том, что существует большая разница между старинной книгой, которую ты держишь в руках, и ее копией в виртуальном выражении. В первом случае, книга – это отпечаток той эпохи, в которой она создавалась. Держа ее в руках, можно почувствовать дыхание времени, соединиться с прошлым. Вместе с этим приходит осознание конечности всего сущего. Если книгу неправильно хранить, она может прийти в негодность, и следующие поколения не будут иметь возможность прикоснуться к истории, к прошлому. И даже в случае бережного отношения к книге, нельзя продлевать ее жизнь вечно. Так же и со всем сущем на земле (в том числе и человеком), нет ничего вечного. Таким образом, старинная книга, как символ своей эпохи, как символ стремления человечества к развитию, также способствует осознанию конечности своего существования. Напротив, попадая в виртуальное пространство, книга как символ приобретает симулякративные черты. В этом процессе есть свои недостатки и преимущества. С одной стороны, исчезает страх потери ценного экземпляра прошлого; отсутствует ощущение причастности, присутствия. С другой стороны, вещь, ранее доступная единицам, становится достоянием всего человечества. Следовательно, информация, содержащаяся в книге, может стать отправной точкой для следующих открытий, значит, книга продолжает собственное бытие в виртуальном пространстве. Таким образом, симулякр продлевает жизнь, делает вещь бессмертной, что способствует развитию дискуссии о возможности сделать человеческое существование вечным. Подобное заблуждение опасно для человечества и может привести к необратимым процессам.

Симулякр неоднозначен, как показал проведенный анализ данного феномена, но вопреки своей экзистенциальной профанности, он способен минимизировать потери от его существования. Поскольку в виртуальном пространстве символ

может существовать только в виде симулякра, а симулякр имеет тенденцию к профанации символического мира, следовательно, необходимо иметь инструменты для сдерживания негативных последствий влияния симулякра на неизбежную трансформацию содержания культурной памяти.

Одним из объектов становится симуляция общения, описанная Ж. Бодрийяром и многими другими мыслителями. Она успешно развивается в виртуальном пространстве вследствие большого потока информации, которые человек не успевает осмыслить. Если информация не обрабатывается сознанием, она не имеет смысла. Информация, теряющая смысл, трансформируется в симулякр. Ю.В. Серебрякова на основе концепции Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и П. Рикёра делает вывод о том, что противостоять пагубному влиянию симулякров информации можно, используя четыре стратегии:

- «1) критика производства духовных и материальных симулякров;
- молчание;
- 3) диалог в конфликте интерпретаций (точек зрения);
- 4) обращение к имени» [109, с. 67].

Данный список можно продолжить идеей трансгрессоров, описанной в концепции С. Корнева «Трансгрессивная революция», которая распространяется не только на симуляцию общения, но и на все отрицательно заряженные симулякры виртуального пространства. С.Корнев предлагает «произвести симулякр, который существовал бы «перпендикулярно» сложившимся в гиперреальности симулятивным цепочкам. Попадая в пространство симулякров, этот сложный противоестественный сплав спутывает симулятивные цепочки, а значит - нарушает правильную работу концептуального аппарата спектакля и подрывает все поле симулякров, которое на нем держится» [66]. Такой симулякр он называет трансгрессором.

Неизбежность присутствия в культурной памяти симулякров не должна позволить укрепиться негативным концепциям об исчезновении культурной памяти в виртуальном пространстве. Уже сегодня вырабатываются идеи коррекции деятельности симулякров для сохранения баланса подлинного и неподлинного. Это видно на примере концепции, предложенной С. Корневым. Переход от симулякра к символу в социальных сетях выражается появлении развернутых глубоких размышлений обычных пользователей о смысле жизни, об осознании совершенных ошибках. Цель подобных статей — не симуляции научной деятельности, а желание высказаться. Еще одним показателем переходного состояния от симулякра к символу в социальных сетях выступает все более частый отказ пользователей от использования псевдонима. Виртуальное пространство предоставило человеку неограниченную свободу, он воспользовался ей, но осознал ее неестественность. Общество XXI века стоит на пороге перемен внутреннего характера. Одни уже готовы сквозь симулякры разглядывать подлинное (или точнее его отсутствие). Другие пребывают в полном неведении о природе симулякров и уверены, что виртуальное пространство не может повлиять на их сознание. Как следствие, они принимают симулякр за подлинное и раздражаются, когда их пытаются убедить в обратном.

М.И. Михайлов отмечает, что «симулякр — это скорее явление цивилизации, а не собственно культуры (духовной культуры)» [87]. Следовательно, сущность симулякра может и должна измениться с новым витком развития цивилизации. В настоящее время симулякр является отражением действительности, отражением желаний, которыми пропитано общество. Соответственно культурная память отображает то, что общество желает помнить. Так было и раньше, до тиражирования идеи о симулякрах. В кризисные периоды человеку свойственно бегство от реальности, объясняемое инстинктом самосохранения психики. Адаптировавшись в изменившихся обстоятельствах, сознание к человеку возвращается, он начинает мыслить адекватно ситуации. Формируется новый виток развития общества.

Культурная память, последовательно перемещаясь в виртуальное пространство, приобретает симулякративные черты. Символ трансформируется в симулякр. При этом он отличается по своим характеристикам от симулякров, описанных Р. Бартом. Вернее, дополняет его перечень симулякром, который выступает как символ, переведенный на доступный разным слоям населения обыденный язык. В этом заключается профанное бытие культурной памяти. Прогнозировать

дальнейшее развитие данной трансформации сложно. Однако можно предположить, что, во-первых, человечество научится жить в виртуальном пространстве. Не вся информация, поступающая в виде текста или символа, может считаться частью культурной памяти, а только отрефлексированная информация. Для этого нужен фильтр, которым может стать человеческий мозг. Символ, трансформированный в симулякр, вследствие проведенных мыслительных операций, вновь приобретает значение, поэтому не может называться симулякром. В виртуальном пространстве символ-симулякр воспринимается как определенный код, расшифровать который становится одной из задач человечества. Как следствие, культурная память может способствовать изменению кода симулякра, который в дальнейшем приобретет иные (возможно, положительные) черты.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод. Однозначной оценки такого феномена как симулякр не существует. Он вбирает в себя как конструктивные, так и де-конструктивные черты. Де-конструктивные черты пока превалируют, т.к. они лежат на поверхности. Конструктивные вынуждены пробиваться сквозь устоявшееся в обществе мнение. С одной стороны, сама сущность симулякра (как копии, пустого образа, лишенного референта) не позволяет интерпретировать понятие в положительном ракурсе; с другой стороны, именно негативный посыл симулякра подталкивает человечество к изменению ситуации, обращая внимание на духовную составляющую культурной памяти. В настоящее время конструктивным направлением в исследовании симулякра как формы бытия культурной памяти, станет его распределенно-объединяющая функция. Если воспринимать симулякр как символ, переведенный на обыденный язык, то можно утверждать, что он (символ) стал понятен всем слоям общества. В этом и заключается объединение. Единое, понятное большей части населения симулякративносимволический мир культурной памяти станет шагом преодоления культурного разрыва времен.

Заключение

Обращение к теме культурной памяти обусловлено сложившимися условиями, которые заключаются в глобализации и виртуализации современного общества.

С одной стороны, культурная память призвана отражать уникальность определенного народа в разрезе эпох. Виртуальное пространство (как современный ресурс) могло бы способствовать эффективному распространению содержания культурной среди молодежи, которая фактически уходит от реального мира в виртуальный. С другой стороны, перемещаясь в виртуальное пространство, культурная память теряет ту самую уникальность, происходит некая трансформация содержания культурной памяти. Попадая в Интернет, мы не стремимся идентифицировать информацию по национальному признаку. Следовательно, основная цель культурной памяти по передаче будущему поколению уникального кода народа не может быть достигнута. Или существуют способы сохранения культурной памяти при существующих тенденциях цивилизационного развития?

В диссертационной работе были рассмотрены основные концептуальные подходы к анализу культурной памяти, которые позволили обосновать роль и значение трансформации культурной памяти в виртуальном пространстве. Исследованием определены наиболее ангажированные к анализу культурной памяти, что позволило аргументированно обосновать роль и значение трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве.

Феноменологический подход позволил представить культурную память как специфический феномен социального мира, затрагивающий внутренние переживания человека. Сохранение культурной памяти связано с мыслительной деятельностью человека. Без глубокого осмысления происходящего, без основательных выводов невозможен процесс трансляции содержания культурной памяти. Человек пропускает информацию через свое сознание, осуществляет рефлексию, присваивает ее, и только тогда готов ей делиться.

Память с позиций феноменологии рассматривали многие мыслители – от Э. Дюркгейма до Я. Ассманн. Однако они не рассматривали ее с позиций бытийствования культурной памяти в виртуальном пространстве.

Герменевтический подход был использован для более глубокого анализа текста, который выступает одной их форм бытия культурной памяти. Исследование текста с позиций герменевтики способствовало осознанию особенностей гипертекста как одной из ведущих форм бытия культурной памяти в виртуальном пространстве. При анализе исследовательских позиций на определение роли герменевтики наиболее близкой к цели диссертационной работы стала научная позиция В. Дильтея, который связывал герменевтику с историей и культурой, т.е. с науками, изучающими общество и человека.

Семиотический анализ позволил объективно интерпретировать содержание культурной памяти. В ходе исследования продемонстрирована необходимость использования данного подхода при анализе особенностей трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве, которое выступает мощным ресурсом для формирования и распространения актов прошлого. В этом видится тесная связь культурной памяти и виртуального пространства, где информация является связующим звеном. Семиотические механизмы памяти позволяют оптимизировать поток информации, присутствующий в культурной памяти, равно как и минимизировать процессы забывания.

В данном исследовании были выделены и охарактеризованы особенности текстового и символьного бытия культурной памяти в современном обществе. Раскрыта специфика трансформации данных форм в виртуальном пространстве, осуществляющиеся в форме гипертекста и симулякра, что позволяет полнее и глубже осмыслить значимость сохранения культурной памяти.

Исследование текста затрагивает дописьменный период, когда информация передавалась в устной форме и напрямую зависела от автора. Аудиальный канал передачи содержания культурной памяти способствовал тому, что память предков всегда присутствовала в сознании индивида. Таким образом, человек был тесно связан с предками, усваивая культурный код через родовые и общественные ка-

налы. С другой стороны, текстовое бытие культурной памяти в отличие от более ригидных форм (ритуалов, праздников, обрядов, памятников и т.д.) зависело от настроения, сознательности, патриотизма и прочих характеристик носителя этой памяти.

С изобретением печатного станка начался переход к визуальному способу передачи информации, что внесло заметные коррективы в проблему сохранения и передачи содержания культурной памяти. Данный период способствовал систематизации полученных знаний, однозначной интерпретации, индивидуализации авторства.

Следующий этап существования текста как формы содержания культурной памяти связан со второй половиной XX века, расцветом постмодернизма. Наличие разнообразных интерпретаций текста оказало существенное влияние на содержание культурной памяти. Текст утратил стабильность, достоверность. Следовательно, культурная память в текстовом выражении перестала быть незыблемой основой для расшифровки культурного кода того ли иного народа, эпохи.

Современный электронный текст, особенно в его виртуальной форме, представляет собой как безграничные возможности, так и неминуемые риски для присутствия культурной памяти в виртуальном пространстве. Текст трансформируется в гипертекст и вносит свои изменения в содержание культурной памяти. В ходе исследования выявлены основные черты гипертекстового бытия культурной памяти: по содержанию (интертекстуальный и однозначный), по структуре (дисперсный и ризоморфный), по способу восприятия (мультимедийный и интерактивный). Также выделена специфическая особенность гипертекста, связанная с авторством. С одной стороны, общество активно соблюдения прав на интеллектуальную собственность. Развивая чужие идеи, необходимо в обязательном порядке сослаться на автора. С другой стороны, авторство становится условным понятием, т.к. оно часто бывает размыто цитатами, присутствием чужой позиции. Вопрос заключается в том, является ли действительным автором человек, написавший книгу только из цитат и ссылок?

Дигитальный способ восприятия информации, развивающийся в XXI веке благодаря виртуальному пространству, позволяет вмещать в себя двойственную природу авторства. Создание гипертекстов становится коллективным творчеством. В работе выдвигается предположение, что любая деятельность, направленная на сохранение и трансляцию культурной памяти, прежде всего, является результатом мыслительной деятельности рефлексивного характера. Авторство не является ключевой позицией.

В исследовании представлена специфика трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве посредством гипертекста. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о цикличности изменений текста как формы бытия культурной памяти. Гипертекст во многом имеет те же характеристики, что и устный текст. Коллективное авторство, интертекстуальность, вольная интерпретация услышанного, увиденного или прочитанного. Отличительной чертой современного гипертекста от устного аналога выступает его информационная база и способ и природа хранения информации. Благодаря стремительному развитию виртуального пространства значительно увеличились информационные потоки, они перестали быть подконтрольны носителям информации. Кроме того, хранение культурной памяти человек доверил неодушевленным феноменам. Как следствие, можно наблюдать некое отчуждение индивида от деятельности по сохранению и трансляции культурной памяти, что становится существенной проблемой для будущего поколения.

Еще одной формой, отражающей и трансформирующей содержание культурной памяти в виртуальном пространстве, выступает символ.

Исследование данного феномена началось еще в античные времена и связано с именами таких философов, как Платон, Фалес и т.д. Традиционно символ имел сакральное значение, в особенности для культурной памяти. Символ, в отличие от текста, помогал объяснять необъяснимые явления, которыми изобилует культурная память. ХХ век раскрыл противоположные грани символа, сформировав два типа концепций. Первый (позитивный) тип рассматривает символ как откровение, исходящее из внутреннего мира, т.е. продолжает сакральную линию

природы символа. Данной позиции придерживались Э. Кассирер, А. Уайтхед, Ж. Лакан. Второй (негативный) тип активно развивает идею симулякра, отрицая сакральный характер символа, напротив, указывая на его хаотичность, нестабильность, разрушительность.

Следует отметить, что однозначной оценки такого феномена как симулякр не существует. Он может быть как конструктивен, так и де-конструктивен. К сожалению, де-конструктивные черты симулякра имеют яркое обличие, описаны философами с разных научных позиций, т.к. представляют собой противоположность символа.

В работе проанализирован потенциал симулякра как формы бытия культурной памяти в виртуальном пространстве. Автором выдвигается предположение, что именно современный, профанный образ симулякра способствует осознанию человеком хаотичности, нестабильности мира, в котором он живет. Симулякры становятся механизмом регулирования содержания культурной памяти, откликаясь на потребности и новые вызовы общества. Именно этот факт позволяет, с одной стороны, сблизить человека и культурную память, сделав ее новым видом творчества в виртуальном пространстве и подтвердив идею о том, что носителями культурной памяти в настоящее время являются не только специалисты (о чем писал Я. Ассманн), но и обычные люди. С другой стороны, в виртуальном пространстве символ может существовать только как симулякр, где вследствие мыслительных операций он приобретает и новое значение, постепенно трансформируясь в символ, но уже в новом качестве. Следовательно, культурная память способна не только трансформировать свое содержание в виртуальном пространстве, но и стать локомотивом для трансформации симулякра в символ.

Подводя итоги исследовательской работы, необходимо отметить, что поглощение культурной памяти виртуальным пространством, которое можно наблюдать в начале XXI века, во многом является призывом к осознанному, объективному, самостоятельному, непрерывному осмыслению содержания культурной памяти не отдельными институтами, а каждым индивидом. Если рассматривать человеческое существование как движение по спирали, то нас ждет новый виток, сохраняющий в себе идею развития, а не упадка. Глобализация и виртуализация общества должна инициировать новые философские искания и идеи для сохранения и трансляции культурной памяти.

Проведенное исследование можно считать лишь одним из первых этапов теоретического обоснования трансформации содержания культурной памяти в виртуальном пространстве. Культурная память посредством человека, который находится в реальном мире, трансформируется в виртуальном пространстве. Затем она непременно снова возвращается в реальном мире. Перспективами дальнейшей разработки темы может стать исследование влияние подобной трансформации на деятельность человека, его мировосприятие в реальном мире.

Список литературы

- 1. Августин А. Исповедь / А. Августин; пер. с лат. и коммент. М. Е. Сергеенко; Предисл. и послесл. Н. И. Григорьевой. – М.: Гендальф, 1992. – 544 с.
- 2. Августин А. Христианская наука или Основания священной герменевтики и церковного красноречия / А. Августин. Киев, 1835. 355 с.
- 3. Авдеенко И.А. К проблеме классификации символов / И.А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технологического университета. 2015. № II-2 (22). С. 50–53.
- 4. Агеева Г.М. Медиатизация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях / Г.М. Агеева // Вестник Томского государственного университета. 2012. N = 364. C. 68-74.
- 5. Акимова Д.В. Проблема символа в концепциях культуры Э. Кассирера и Н. Бердяева / Д.В. Акимова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. № 3. С. 212–229.
- Аникин Д.А. Память как социальный феномен / Д.А. Аникин // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2007. № 1. С. 3–9.
- 7. Аристотель. О памяти и припоминании / Аристотель // Вопросы философии. $-2004. N \cdot 2. C. 158 168.$
- 8. Аристотель. Сочинения в 4 т.: Т. 2. / Аристотель. М.: Мысль, 1978. 687 с.
- 9. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти / Ю.А. Арнаутова // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 47–55.
- 10. Артамошкина Л.Е. Топос, ландшафт, биография: концепция культурной памяти / Л.Е. Артамошкина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. № 2. С. 174—178.
- 11. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.

- 12. Ассманн Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассманн; с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- 13. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как гипертекст [Электронный ресурс] / Н.А. Ахренова // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 3. С. 1–10. Режим доступа: http://evestnik-mgou.ru/vi/Articles/Doc/760 (дата обращения: 17.04. 2017).
- 14. Барнс Дж. История мира в 10 ½ главах / Дж. Барнс; пер. с англ. В. Бабкова. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 348с.
- 15. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ.ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
 - 16. Бердяев Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. М.: Мысль, 1990. 177 с.
- 17. Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. М.: Республика, 1994. 480 с.
 - 18. Берроуз У.С. Голый завтрак / У.С. Берроуз. М.: Глагол, 1998. 116 с.
- 19. Берроуз У.С. Билет, который лопнул / У.С. Берроуз. М.: АСТ, 2010. 288 с.
- 20. Битов А.Г. Оглашенные: роман-странствие / А.Г. Битов. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1995. 174 с.
- 21. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Н.В. Суслова. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. 32 с.
- 22. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. вступ.ст. С. Н.Зенкина. М.: «Добросвет», 2000. 390 с.
- 23. Бодрийяр Ж. Симулякр и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2016. 240 с.
- 24. Больц Н. Азбука медиа / Н. Больц; пер. с нем. Л.Ионин, А.Черных. М.: Европа, 2011. 136 с.

- 25. Борсяков Ю.И. Гипертекст как объект социально-философского анализа / Ю.И. Борсяков, С.В. Коровин // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (263). С. 105–109.
 - 26. Борхес Х.Л. Проза разных лет / Х.Л. Борхес М.: Радуга, 1989. 237 с.
- 27. Бритвин Г.В. Концепция символа Ж. Лакана: основные идеи и эвристическое значение / Г.В. Бритвин // Преподаватель XXI века. 2010. Т. 2. № 2. С. 226—229.
- 28. Бритвин Г.В. Динамика философских представлений о символах в психоаналитической традиции / Г.В. Бритвин // Теория и практика общественного развития. 2011. N = 5. C. 53 56.
- 29. Бродский И. Стихотворения и поэмы. / И. Бродский // Washington New-York, Inter-Language Literary Associates, 1965. 239 с.
- 30. Варыгин Д.В. Гипертекст в контексте проблемы понимания / Д.В. Варыгин // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Раздел І. Философские исследования: материалы XV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, Люблянский университет (Словения), 2012. С. 16–19.
- 31. Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А.Г. Васильев // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности: коллективная монография. М.: Совпадение, 2015. С. 29—57.
- 32. Васильев А.Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А.Г. Васильев // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. $N \ge 2$. С. 141—167.
- 33. Вольфсон Ю.Р. Визуальное восприятие в современном обществе или куда движется галактика Гуттенберга? [Электронный ресурс] / Ю.Р. Вольфсон, А.Е. Вольчина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). − 2015. − №4 (48). − С. 177–189. − Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=23829955 (дата обращения: 19.10. 2018).

- 34. Выготский Л.С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л.С. Выготский, А.Р. Лурия. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
- 35. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- 36. Галкин Д.В. Цифровая культура: горизонты искусственной жизни / Д.В. Галкин. Томск: Издательство Томского университета, 2013. 288 с.
 - 37. Гибсон У. Виртуальный свет / У. Гибсон. М.: АСТ, 2011. 349 с.
- 38. Гончаров И.А. Обломов. Роман в четырех частях / И.А. Гончаров. Ленинград: Наука, 1987. 694 с.
- 39. Горлова И.И. Телесный код русской культуры и симулякративный процесс / И.И. Горлова, О.Н. Баниже // Культурологический журнал. 2016. № 3. С. 234—236.
- 40. Гуссерль Э. Избранные работы / Э. Гуссерль; сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского») 464 с.
- 41. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. / Э. Гуссерль; пер с нем. А. В. Михайлова, вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический проект, 2009. Т. 1 486 с.
- 42. Делез Ж. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. / Ж. Делез, Ф. Гваттари. М.: У-Фактория; Астрель, 2010. Кн. 2. 895 с.
- 43. Дергунов В.И. Научные истоки становления и развития информационной герменевтики / В.И. Дергунов, А.Ю. Голошумова // Приволжский научный журнал. 2014. № 3 (31). С. 217–222.
- 44. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей // Собрание сочинений в 6 т.: Т. 4. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 522 с.
- 45. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Э. Дюркгейм; пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.

- 46. Дюркгейм Э. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Э. Дюркгейм, М. Мосс // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс; сост., пер. с фр., предисловие, вступит, ст., комментарии А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. 416 с.
- 47. Емелин В.А. Симулякры: виртуальная реальность и инновации / В.А. Емелин // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 133–142.
- 48. Ерофеев В.В. Вальпургиева ночь / В.В. Ерофеев. М.: Захаров, 2004. 96 с.
- 49. Ерохин В.С. Симулякр: Сущность и значение / В.С. Ерохин // Актуальные вопросы развития науки: сборник статей международной научно-практической конференции: в 6 частях. 2014. Ч. 5. С. 210–214.
- 50. Заболотная К.В. Постмодернистские превращения: от письма к тексту / К.В. Заболотная // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2013. № 2. С. 180–186.
- 51. Звездина А.А. Гиперреальность Ж. Бодрийяра и глобальный кризис / А.А. Звездина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. − 2011. − № 1 (7). − С. 107–109.
- 52. Ильф И. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. М.: Панорама, 1995. 624 с.
- 53. Йейтс Ф. Искусство памяти / Ф. Йейтс; пер. с англ. Е. Малышкина. СПб.: Фонд поддержки науки и образования "Университетская Книга", 1997. 480 с.
- 54. Калмыков А.А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ. Научное издание / А.А. Калмыков; под ред. В.С. Хелемендика. М.: Издательство ИПК работников ТВ и РВ, 2009. 84 с.
- 55. Касимова Г.Р. Интерактивный роман второй половины XX века: генезис и поэтика: Дис. ... канд. филологических наук: 10.01.03 М., 2016. 217 с.
- 56. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. / Э. Кассирер. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.

- 57. Кастельс М. Россия и сетевое сообщество / М. Кастельс, Э.Киселева // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.
- 58. Ким М. А. Роль симулякра в современной культуре [Электронный ресурс] / М. А. Ким // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/rol-simulyakra-v-sovremennoy-kulture (дата обращения: 10.08.2016).
- 59. Кириллова Н.Б. Экранная культура в современном медиапространстве. Методология, технологии, практики / Н.Б. Кириллова; под ред. Н.Б. Кирилловой. Екатеринбург: ООО «Медиа-холдинг «Уральский рабочий», 2006. 288 с.
- 60. Клацки Р. Память человека. Структура и процессы / Р. Клацки; пер. с англ. Т. Сидоровой; под ред. Е. Соколова. М.: Мир, 1978. 319 с.
- 61. Клюкина Л.А. Концепция символа А. Ф. Лосева как альтернатива классической рациональности / Л.А. Клюкина // Вестник СПбГУ. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2009. № 2. С. 335–340.
- 62. Ковригина Л.Ю. Изменение лексико-статистических характеристик структуры вариативного текста во времени / Л.Ю. Ковригина // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 4, № 1. С. 41–45.
- 63. Колеватов В.А. Социальная память и познание / В.А. Колеватов. М.: Мысль, 1984. 190 с.
- 64. Колодий Н.А. Лабиринт памяти места памяти война памяти: опыт истолкования / Н.А. Колодий // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7) С. 240–245.
- 65. Колодий Н.А. Режим культурной памяти / Н.А. Колодий // Ценности и смыслы. -2014. -№ 6 (34) C. 38-46.
- 66. Корнев С. Трансгрессоры против симулякров. Глава из книги Постмодерн-фундаментализм [Электронный ресурс] / С. Корнев // Минск: Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY, 24 октября 2006. Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/culture/readme.php?subaction=showfull&id=11616836 14&archive=1460289832&start from=&ucat=&(дата обращения 10.04.2017).
 - 67. Кортасар Х. Игра в классики / Х. Кортасар. СПб.: Амфора, 2003. 579 с.

- 68. Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа / Ж. Лакан. М.: Логос, 1992. 432 с.
- 69. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан; пер. с франц. А.К.Черноглазова. М.: Гнозис, 1995. 192 с.
- 70. Лахманн Р. Память и утрата мира. / Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. / Р. Лахманн; сост. Д. Уффельман, К. Шрамм; отв. ред. И.П. Смирнов, Д. Уффельман, К. Шрамм. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 371–406.
- 71. Лебедев Е.А. Инстаграм как симулякр / Е.А. Лебедев, Д.С. Быльева // Коммуникативные среды информационного общества: тренды и традиции: Труды Международной научно-теоретической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет Петра Великого, 2016. С. 234–236.
- 72. Лем С. Абсолютная пустота / С. Лем; пер. с пол.; Сер. оформл. А.Кудрявцева. – М.: АСТ; Астрель, 2010. – 288 с.
- 73. Лисович И.И. Трансформация культурной памяти и научное знание в Европе раннего нового времени / И.И. Лисович // Знание. Понимание. Умение. 2013. N 4. C.103—110.
- 74. Лойко О.Т. Онтология социальной памяти: Дис. ... д-ра философских наук: 09.00.01. – Красноярск, 2004. – 299 с.
- 75. Лойко О.Т. Семиосфера социальной памяти и ее аберрации в образовании / О.Т. Лойко, С.В. Драга, В.А. Толкачева // Ценности и смыслы. 2015. № 3 (37). С. 35–43.
 - 76. Лосев А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1990. 662 с.
- 77. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. М.: Искусство, 1995. 320 с.
- 78. Лосев А.Ф. Знак, Символ, Миф / А.Ф. Лосев. М.: Издательство Московского университета, 1982.-480 с.
- 79. Лосев А. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев // Собрание сочинений в 9 т.: Т. 2. М.: Мысль, 1993. 960 с.

- 80. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т.: Т. 1. / Ю.М. Лотман. Таллинн, 1992. 472 с.
- 81. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- 82. Лоуэнталь Д. Прошлое чужая страна / Д. Лоуэнталь; пер. с англ. А. Говорунова. СПб.: Фонд Университет, Русский остров, Владимир Даль, 2004. 621 с.
- 83. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн. Киев: ИД «Ника-Центр», 2003. 206 с.
- 84. Мамардашвили М. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. Мамардашвили, А. Пятигорский. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 287 с.
- 85. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
- 86. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации / В.В. Миронов // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 101—120.
- 87. Михайлов М.И. Симулякр как эстетический феномен [Электронный ресурс] / М.И.Михайлов // Universum: общественные науки. 2014. № 2 (3). Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/simulyakr-kak-esteticheskiy-fenomen (дата обращения: 10.05.2017).
- 88. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль; пер. с фр.; предисл. Б.В. Бирюкова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 416 с.
- 89. Набоков В. Бледный огонь / В. Набоков; пер. с англ. В. Набоковой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 320 с.
- 90. Неизвестные Стругацкие: От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом». Черновики, рукописи, варианты / Сост. С. Бондаренко Донецк: Сталкер, 2005. 635 с.
- 91. Неклюдов С.Ю. Культурная память в устной традиции: историческая глубина и технология передачи [Электронный ресурс] / С.Ю. Неклюдов // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: сборник научных статей. М.:

- Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. С. 9–15. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov78.htm (дата обращения: 17.04.2017).
- 92. Ницше Ф. Веселая наука / Ф. Ницше; пер. с нем. К. Свасьяна. Полное собрание сочинений в 13 т.: Т. 3. М.: Культурная революция, 2014. 640 с.
- 93. Новикова Т.Е. Симулятивная сущность социальных сетей (на примере Instagram) / Т.Е. Новикова // Знак: проблемное поле медиаобразования. -2016. -№ 5 (22). C. 69–71.
- 94. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, М. Винок. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
- 95. Павич М. Хазарский словарь: Роман-лексикон. Мужская версия / М. Павич; пер. с серб. Л. Савельевой. СПб.: Азбука-классика, 2003. 352 с.
- 96. Пирс Ч.С. Что такое знак? / Ч.С. Пирс // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88—95.
 - 97. Платон. Диалоги / Платон. М.: Мысль, 1896. 607 с.
- 98. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1. / Платон. М.: Мысль, 1990. 860 с.
- 99. Пчелина О.В. Время символа и время симулякра / О.В. Пчелина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. \mathbb{N} 1. С. 113–117.
- 100. Ребрин В.А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания / В.А. Ребрин. Новосибирск: Новосибирская высшая партийная школа, 1974. 169 с.
- 101. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти / Л.П. Репина // Новое прошлое / The New Past (НП/NР). 2016. № 1. С. 82—99.
- 102. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / М.А. Розов. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.

- 103. Романова А.П. Подлинник или симулякр: перспективы развития материального культурного наследия / А.П.Романова, С.Н. Якушенков, С.Д. Дахин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4 (29). С. 281–288.
- 104. Рубцов Н.Н. Символ в искусстве и жизни / Н.Н. Рубцов. М.: Наука, 1991. 176 с.
- 105. Савченков А.В. Симулякр. Место и значение в пространстве социокультурного воспроизводства / А.В. Савченков // Вестник Челябинского государственного университета. -2010. -№ 1. C. 85–90.
- 106. Сарна А.Я. Анализ контента в исследованиях новых медиа / А.Я. Сарна //
 Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия.
 Социология и социальные технологии. 2014. № 3. С. 88–98.
- 107. Сепир Э. Символизм // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
- 108. Сергеев Д.В. Текст как открытая структура / Д.В. Сергеев // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. -2014. -№ 4. C. 161–167.
- 109. Серебрякова Ю.В. Имя и/или симулякр: Границы постмодернизма / Проблемы и перспективы развития современной гуманитаристики: история, филология, философия, искусствоведение, культурология: сборник трудов IV Международной дистанционной научно-практической конференции / Под общей редакцией О.П. Чигишевой. 2013. С. 62–68.
- 110. Соколова Н.Л. Популярная культура в эпоху «новых» медиа: социальный анализ культурных практик: Дис. ... д-ра философских наук: 09.00.11.— Самара, 2010.-354 с.
- 111. Соколова Н.Л. Интернет и автор / Н.Л. Соколова // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 85. С. 20–27.
- 112. Соловьев В.С. Оправдание добра (Нравственная философия, Т. 1) [Электронный ресурс] / В.С. Соловьев. Режим доступа: https://royallib.com/read/solovev_vladimir/opravdanie_dobra_nravstvennaya_filosofiya_t om_1.html#0. (дата обращения: 22.10.2018)

- 113. Соломина И.Ю. Социальная память: структура и феномены: Автореф. дис. ... канд. философских наук: 09.00.11. Самара, 2005. 20 с.
- 114. Стародубцева Л.В. Total Recall vs. Delete: Паноптикон цифровой гипер-памяти / Л.В. Стародубцева // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1 (6). С. 12–18.
- 115. Стаф И. Чужая память? [Электронный ресурс] / И. Стаф // Отечественные записки. 2008. Т. 43. №4. С. 22—25. Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2008/4/chuzhaya-pamyat (дата обращения: 17.04.2017).
- 116. Субботин М.М. Итоги науки и техники. Серия: Информатика. Т. 18. / М.М. Субботин. М.: ВИНИТИ. 1995. 157 с.
- 117. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования / В.Н. Сыров // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.
- 118. Сычева С.Г. Проблема символа в философии / С.Г. Сычева. Томск: Издательство Томского университета, 2000. 205 с.
- 119. Толкачева В.А. Виртуальный мир культурной памяти: Гонконгский вариант / В.А. Толкачева // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. N2016. C. 153-155.
- 120. Толкачева В.А. Подходы к изучению культурной памяти в современных условиях / В.А. Толкачева // Современные исследования социальных проблем. 2016. №1 (25). С. 243–253.
- 121. Торопыгина М. Ю. Аби Варбург. Биография и биографы / М. Ю. Торопыгина // Искусствознание, 2013. № 3–4. С. 21–43.
- 122. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ.; вступ. ст. П. Гуревича. М.: АСТ, 1999. 784 с.
- 123. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 557 с.
- 124. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / А.Н. Уайтхед; пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 720 с.

- 125. Уорнер У. Живые и мертвые / У. Уорнер; пер. В.Г.Николаева. Москва Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. 671 с.
- 126. Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А.Р. Усманова. Минск: Пропилеи, 2000. 200 с.
- 127. Устьянцев В.Б. Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации / В.Б. Устьянцев, Д.А. Аникин // Философия и общество. 2011. N 4. С. 58—69.
- 128. Федоров А.В. Мифологические основы массовой культуры и обучение сопротивлению влияния медиатекстов / А.В. Федоров // Народное образование. 2012. № 6. С. 259–269.
- 129. Фокеева В.П. Визуальная память в пространстве культуры: атлас «Мнемозина» Аби Варбурга / В.П. Фокеева // Science Time. 2015. № 11 (23). С. 569—585.
- 130. Фуко М. Что такое автор? [Электронный ресурс] / М. Фуко. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko/_Avtor.php (дата обращения: 04.05.2017).
- 131. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 320 с.
- 132. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 133. Хаттон П. История как искусство памяти / П. Хаттон. СПб: Владимир Даль, 2004. 424 с.
- 134. Царева Е. А. Символ и современная культура: обновление теоретического дискурса [Электронный ресурс] / Е.А. Царева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2 (14). С. 116—120. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/simvol-i-sovremennaya-kultura-obnovlenie-teoreticheskogo-diskursa (дата обращения: 22.10.2018).
- 135. Цветкова О.Л. Симулякр как феномен общества потребления / Человек в информационном пространстве: Сборник научных трудов. / Под общей редакцией Т. П. Курановой. 2015. С. 108–114.

- 136. Шаповалова Н.С. Социальная память в посткнижной культуре / Н.С. Шаповалова // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. № 3. С. 22–25.
- 137. Шаповалова Н.С. Социальная память в закрытых и открытых обществах: социально-философский анализ: Дис. ... канд. философских наук: 09.00.11. Саратов, 2012. 142 с.
- 138. Шевцов К.П. Проблема памяти и языка в философии Гегеля / К.П. Шевцов // Вестник СПбГУ. Серия: Философия и конфликтология. -2014. -№ 2. C. 64–73.
- 139. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года [Электронный ресурс] / Ф. Шлейермахер; пер. Е.М. Ананьевой. Метафизические исследования. Выпуск 3, 4. СПб, 1998. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/text/shleyermaher-fde/akademicheskie-rechi-1829-goda (дата обращения: 17.05.2017).
- 140. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер; пер. с нем. А.Л. Вольского. СПб.: Европейский Дом. 2004. 242 с.
- 141. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
- 142. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В.Г. Резник, А. Г. Погоняйло. СПб.: «Симпозиум», 2004. 544 с.
- 143. Эмден К. Пережитки ('Nachleben'): Культурная память у Аби Варбурга и Вальтера Беньямина [Электронный ресурс] / К. Эмден. Режим доступа: http://gefter.ru/archive/10342 (дата обращения: 04.05.2017).
- 144. Эткинд А. Двадцать лет спустя [Электронный ресурс] / А. Эткинд // Неприкосновенный запас. 2013. № 5 (91). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2013/5/9e.html (дата обращения: 04.05.2017).
- 145. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / А. Эткинд. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 328 с.
- 146. Юнг К. Человек и его символы / К. Юнг, М.-Л. Франц, А. Яффе и др. М.: Медков С.Б., Серебряные нити, 2006. 352 с.

- 147. Яркеев А.В. Социальное зло и социальная память: герменевтический аспект / А.В. Яркеев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). С. 212—214.
- 148. Assmann A. Memory in a global age: Discourses, Practices and Trajectories / Eds. A. Assmann, S. Conrad. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. No XIV. 252 p.
- 149. Assmann A. Theories of Cultural Memories and the Concept of "Afterlife". Published in: Afterlife of events: perspectives on mnemohistory/ A. Assmann; ed. by Tamm, Marek. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 79–94.
- 150. Barbour J. The end of time: The next revolution in physics / J. Barbour. Oxford: Oxford University Press, 2001. 384 p.
- 151. Bell G.Total Recall: How the E-Memory Revolution Will Change Everything / G. Bell, J. Gemmell. Boston, Mass.: Dutton Adult, 2009. 304 p.
- 152. Brashears M.E. The microstructures of network recall: How social networks are encoded and represented in human memory / M.E. Brashears, E. Quintane // Social Networks, 2015. Vol. 41. P. 113–126.
- 153. Breyer T. On the topology of cultural memory: Different modality of inscription and transmission / T. Breyer. Neumann, 2006. 119 p.
- 154. Burroughs W. S. and Gysin B. The Third Mind / W. S. Burroughs and B. Gysin. Viking Press; NY/1978 (English edition) 198 p.
- 155. Bush V. As we may think/ V. Bush// Atlantic Monthly. 1945. T. 176. № 1. P. 101–108.
- 156. Carruthers M. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture / M. Carruthers. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 540 p.
- 157. Carruthers M. The Medieval Craft of Memory: An Anthology of Texts and Pictures/ M. Carruthers, J.M. Ziolkowski. University of Pennsylvania Press, 2003. 312 p.

- 158. Casey E. S. Public Memory in Place and Time / E. S. Casey // In Kendall Phillips, ed., Framing Public Memory. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2004. P. 17–44.
- 159. Casey E. S. Remembering: a phenomenological study / E. S. Casey. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000. 362 p.
- 160. Danziger K. Marking the Mind: a history of memory / K. Danziger. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 305 p.
- 161. Draaisma D. Metaphors of Memory: a history of ideas about the mind / D. Draaisma. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 277 p.
- 162. Erll A. Cultural Memory Studies: An Introduction // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / eds. by Erll A., Nunning A. Walter de Gruyter, Berlin, 2008. 441 p.
- 163. Erll A. Regional integration and (trans)cultural memory / A. Erll // Asia Europe Journal, 2010. № 8(3). P. 305–315.
 - 164. Erll A. Memory in culture. / A. Erll. Palgrave Macmillan, 2011. 224 p.
 - 165. Foer J. S. Tree of codes / J. S. Foer. Visual Editions, 2010. 268 p.
- 166. Forster K.W. Aby Warburg's History of Art: Collective Memory and the Social Mediation of Images / K.W. Forster // Daedalus. 1976. No. 105. P. 169–176.
- 167. Georas C.S. Networked Memory Project: A Policy Thought Experiment for the Archiving of Social Networks by the Library of Congress of the United States / C.S. Georas // Laws. 2014. Vol.3. P. 469–508.
- 168. Halbwachs M. On Collective Memory. Lewis A. Coser, trans. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 244 p.
- 169. Hobsbaum E. The Invention of Tradition / E. Hobsbaum, R. Terence. Cambridge UP, 1983. 320 p.
- 170. Jordan T. Internet, society and culture: Communicative practice before and after the Internet / T. Jordan. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2013. 162 p.

- 171. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies / Kansteiner, W. // History and Theory. 2002. No 41 (2). P. 179–197.
- 172. Leite J.V. Public Cyberspace: The virtualization of public space in digital city projects / J.V. Leite, S.M. Zancheti // The Third International Conference of the Arab Society for Computer Aided Architectural Design (ASCAAD 2007). Alexandria, Egypt, 2007. P. 111–126.
- 173. Loiko O. The Cyberspace in relation to the cultural memory [Electronic resource] / O. Loiko, O. Mashkina, S. Dryga, V. Tolkacheva, Y. Zeremskaya // Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: from Regional Development Sustainability to Global Economic Growth: proceedings of the 27th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Milan, Italy, 4-5 May 2016. Milan: IBIMA, 2016. P. 68–74. Mode of access: http://www.ibima.org/ITALY2016/papers/timo.html (дата обращения: 09.04.2017).
- 174. Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte / K. Marx; ed. R. Bill. Published Online by Socialist Labor Party of America (www.slp.org) New York Labor News, 2003. 120 p.
- 175. Mayer-Schönberger V. Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age / V. Mayer-Schönberger. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2009. 256 p.
- 176. Nestle W. Friedrich Nietzsche und die griechische Philosophie. In: ders., Griechische Weltbedeutung in ihrer Bedeutung für die Gegenwart. Vorträge und Abhandlungen, Darmstadt 1969. S. 255–295.
- 177. Olick J.K. Collective Memory: The Two Cultures / J.K. Olick // Sociological Theory. 1999. No 17 (3). P. 333–348.
- 178. Sak S. Cyberspace as a locus for Urban Collective Memory //A Ph.D. Dissertation. Ankara. 2013 [Electronic resource] Mode of access: http://www.thesis.bilkent.edu.tr/0006303.pdf (дата обращения 12.04.2015).
- 179. Save As ... Digital Memories / Edited by J. Garde-Hansen, A. Hoskins and A. Reading. Palgrave Macmillan, 2009. 211 p.

- 180. Schachtel E. G. On Memory and Childhood Amnesia / E. G. Schachtel // Psychiatry. 1947. No 10. P. 1–24.
- 181. Skow B. Objective Becoming / B. Skow. Oxford University Press, USA, 2015-249~p.
- 182. Tulving E. Episodic and Semantic Memory. In E. Tulving and W. Donaldson eds., Organization of Memory. New York: Academic Press. 1972. P. 381–403.
- 183. Winter J. and Sivan E. War and Remembrance in the Twentieth Century. [Electronic resource] / J. Winter and E. Sivan. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 2000. Mode of access: http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam032/98024909.pdf (дата обращения: 09.04.2017).
- 184. Winter A. Memory: Fragments of a Modern History / A. Winter. The University of Chicago, 2012 319 p.